

**Научный совет Российской академии наук по изучению и охране культурного
и природного наследия**

С. Н. Гавров

МОДЕРНИЗАЦИЯ

во имя

ИМПЕРИИ

***Социокультурные аспекты модернизационных процессов в
России***

Гавров Сергей Назипович Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 352 С.

Gavrov, Sergey Nazipovich Modernization of the Empire. Social and cultural aspects of modernization processes in Russia. Gavrov S.N. 2004. ББК 60.5 66.3(2Рос) 87.6

В монографии профессора, доктора философии Сергея Назиповича Гаврова рассмотрен процесс российской модернизации как чередование имперской и либеральной моделей модернизации, в котором имперская модель является доминантной, а либеральная лишь дополнительной, компенсационной. Наша историческая беда заключается в том, что российская модернизация способствует не столько вхождению России в модерн, сколько укреплению феодально-имперских оснований культурно-цивилизационной системы. Модернизация во имя укрепления империи приводит к перераспределению жизненной энергии человека из сферы повседневности в сферу светских или религиозных мегапроектов, создает мир, где человек лишь подручное средство, а укрепление империи – великая цель. Можно ли разорвать этот порочный круг, вывести страну из имперской колеи, разорвать пуповину, связывающую ее с имперско-феодальным наследием, а человека освободить от служения Империи, Должному и Власти – вот тот круг вопросов, на который мы пытаемся ответить в этой книге. Книга предназначена для культурологов, историков, социологов, всех тех, кто интересуется процессами российской модернизации.

Рецензенты:

ведущий научный сотрудник Российского института культурологии,
доктор философских наук Е. Н. Селезнева;
доктор философских наук, профессор Л. Н. Воеводина

Издательство «Едиториал УРСС». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.
Лицензия ИД №05175 от 25.06.2001 г. Подписано к печати 16.08.2004 г. Формат
60х90/16. Тираж 1500 экз. Печ. л. 22. Зак. № 200

Отпечатано в ГП «Облиздат». 248640, г. Калуга, пл. Старый Торг, 5.

ISBN 5-354-00915-4 9785354009152 © С. Н. Гавров, 2004

Со времени Петра Великого вы все более и более расширяете свои пределы, не
потеряйтесь в безграничном пространстве.
Клод Анри де Рувруа Сен-Симон – М. С. Лунину

Россия – это империя. Чтобы поддержать ее, государство должно держать в руках
и другие стороны жизни нации.
С. Ю. Витте

Почему все так вышло? И будет ложью на характер свалить или Волю Божью.
Разве должно было быть иначе? Мы платили за всех, и не нужно сдачи.
И. Бродский

Предисловие

На вопрос, почему у автора возник интерес к проблематике, связанной с модернизационными трансформациями в России, ответить достаточно просто. Русская «птица-тройка», все 70-е и большую часть 80-х годов понуро бродившая по разновеликим партийным собраниям и диссидентским кухням, к концу 80-х – началу 90-х ожила – да как ожила. Рванула с места в карьер, да так, что вылетели из нее подгулявшие седоки (республики бывшего СССР), волей, а кто и неволей попавшие в нее на разных этапах российской истории. И понесла. А у нас – современников – дух захватывает, калейдоскопически меняется не только мир вокруг нас, но и наша жизнь, мы сами. Вот он какой – новый этап российской модернизации.

Захотелось, уже в который уже раз в нашей истории понять, кто мы, откуда, куда идем и сколь велики или малы шансы прийти в конце концов в приличное место, и сможем ли мы пройти «фейс-контроль» на входе в цивилизацию модерности¹. Но, главное, желает ли этого большая часть общества и российская власть? И если да, то какими принципами мы готовы при этом поступиться, чем важным для себя готовы пожертвовать?

Волны модернизации прокатываются по России уже в течение трех столетий, начиная с преобразований Петра I. За это время что-то удалось сделать, а что-то так и осталось в области мечтаний и прожектов. Так почему постоянное искушение модернизацией сопровождается не менее постоянным противодействием модернизационным процессам, когда за реформами следуют контрреформы, но через некоторое время процесс воспроизводится в той же последовательности? В нашей монографии мы попытаемся найти ответ на этот и на другие «больные» вопросы нашей жизни².

Часто говорят о следовании России по пути так называемой «догоняющей модернизации». Но это лишь часть правды, догоняющая модель работает только в некоторых сегментах российской социокультурной системы, но не в системе в целом. В течение всего модернизационного периода нашей истории мы догоняли западную

¹ Не претендуя на абсолютную полноту списка, в ее рамки можно включить большую часть Европы, Северную Америку (США и Канаду), Японию, некоторые наиболее развитые страны Юго-Восточной Азии.

² Это не столько очередная попытка представить на суд читателя душеспасительные рецепты на вечную тему «как нам обустроить Россию», сколько желание понять, куда, сметая все на своем пути, опять несет нас «неумолимый рок событий».

цивилизацию модерности (изначально Западную Европу) прежде всего в сфере военных и промышленных технологий, всего того, что служило развитию военно-технического потенциала страны. Содержательного изменения социального устройства, которое включало бы не только принятие части институциональных образцов, предлагаемых цивилизацией модерности, но и ее духа, введение и соблюдение гражданских прав и свобод, формирование гражданского общества – всего этого в течение большей части рассматриваемого периода просто не было.

Власти казалось куда как проще и надежнее не полагаться на частную инициативу «маленького человека», но принять очередное/внеочередное судьбоносное решение, мобилизовать все возможные силы на очередной прорыв. Когда ценой страшного напряжения/перенапряжения всех жизненных сил народа прорыв был осуществлен или, что случалось чаще, осуществлен частично, вдруг оказывалось, что вокруг безнадежно отставшее социокультурное пространство, которое просто не в состоянии не только воспроизводить, но и поддерживать этот локальный успех. Понимания того, что существование гражданского общества, уровень общественного развития в целом есть величайшая и высшая ценность, – во власти нет и сегодня.

Итак, главное. В течение столетий основные усилия в процессе российской модернизации совершались не ради вхождения в западную по своей генеалогии цивилизацию модерности, но ради сохранения, воспроизведения и упрочения империи. Модернизация осуществлялась лишь в целях приведения в более современный и потому конкурентоспособный вид отдельных ее (империи) элементов, вынужденные жертвы и отступления в частных, локальных областях совершались ради сохранения и укрепления целого, духа и тела империи.

Наконец, есть еще одна причина, побудившая нас столь подробно рассмотреть специфику российского модернизационного процесса. Как показывает проведенный нами анализ научных публикаций, существующие исследования не дают более или менее полной картины российских модернизационных трансформаций. Либо они отдалены от современных российских социокультурных реалий, либо феномен модернизации не был исследован с точки зрения изменений, происходящих в культуре и обществе в рамках теоретико-культурного (культурологического) подхода, позволяющего не только несколько упорядочить многокрасочную картину социокультурной эмпирики, через изменение которой и проявляются процессы модернизации, но и лучше понять причинно-следственные связи, приводящие к тому или иному повороту истории.

В рамках этой монографии мы пытаемся рассмотреть исторические предпосылки и этапы российской модернизации, оценить ее перспективы и, вследствие этих перспектив, наши личные жизненные шансы, т. е. будем ли мы строить дом, растить детей и возделывать наш сад или опять будут грохотать сапоги, в моду войдет спецслужбистская выправка и Империя бросит нас в топку очередного идеократического проекта.

Автор выражает искреннюю благодарность коллегам, которые взяли на себя труд прочтения этой книги: доктору философских наук, профессору Э. А. Орловой и доктору философских наук, профессору А. А. Пелипенко. Совместное обсуждение заявленной проблематики и высказанные замечания способствовали лучшей артикуляции авторской концепции. Особую благодарность хотелось бы выразить рецензентам, ведущему научному сотруднику Российского института культурологии, доктору философских наук Е. Н. Селезневой и доктору философских наук, профессору Л. Н. Воеводиной.

ГЛАВА 1

Две модели модернизации

I. Феномен модернизации

Проблема модернизации является одной из наиболее болезненных для отечественного сознания, как научного, так и общественного, поскольку связана она с выработкой как среднесрочной, так и долгосрочной стратегии развития страны. Само слово модернизация, выйдя за пределы строго понимаемого научного термина, стало употребляться чрезвычайно широко и размыто, зачастую включая в себя трудносовместимые значения. Чтобы придать нашему исследованию необходимую корректность, следует соотнести термин модернизация с родственными ему понятиями.

Это, прежде всего, понятие модерности. Так называемая «Большая модерность» в предельно широкой ретроспективе соотносится с возникновением христианства³. Само слово «modern» впервые используется в Европе в конце V века в целях разграничения получившего официальный статус христианского настоящего и языческого римского прошлого. В последующие эпохи содержание этого понятия менялось, но лишь эпоха Просвещения и затем романтизма наполнила его смыслом, соотносимым с современным. Модерным, современным с тех пор считается то, что способствует объективному выражению спонтанно обновляющейся актуальности духа времени⁴.

В современных культурологических и цивилизационных исследованиях под Модерном или Большим Модерном понимается эпоха Нового времени, начавшаяся Ренессансом и Реформацией и завершившаяся (более или менее окончательно) с утверждением постмодернистской мировоззренческой парадигмы в последней четверти XX века.

Нам представляется, что нет особой необходимости специально останавливаться на содержательном разведении используемых терминов «модернизация», «модерн» и «модернити» с искусствоведческими терминами «модерн» (в значении художественного стиля конца XIX – начала XX веков) и «модернизм» (в значении мэйнстрима художественного сознания XX века). Так, известный славист, итальянский философ Витторио Страда, отмечает, что в русском языке есть производные от слова «модерность», в том числе модернизация, художественный стиль модерн, но нет самого базового термина «модерность», который заменен категорией современности. Между тем категория модерность представляет собой более емкое понятие, чем категория современности. В частности, можно говорить о современном периоде модерности, акцентируя ее «сегодняшний», наблюдаемый нами период.

Если под модерностью мы подразумеваем период, наступивший после европейских буржуазных революций (особо хотелось бы выделить английскую революцию 1640-1642 годов) и продолжающийся в течение всего Нового времени вплоть до перехода наиболее развитых государств к постиндустриальному обществу, то конец XX - начало XXI веков и, по крайней мере, ближайшая историческая перспектива рассматриваются нами как поздняя модерность. Мы также полагаем, солидаризируясь в этом отношении с позицией сенегальского социолога С. Амина, что «Современность (modernity) незавершена, она открывает двери в неизведанное»⁵.

³См., например: Неклесса А. И. Конец цивилизации, или Зигзаг истории // Глобальное сообщество: Картография постсовременного мира / Ред. А. И. Неклесса и др. М.: Вост. лит., 2002. С. 109-142.

⁴Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект / Пер. с нем. А. Б. Григорьева // Вопросы философии. М., 1992. №4. С.40-41.

⁵Амин С. Экономический глобализм и политический универсализм: Конфликтующие результаты? (Реф. обзор А. Б. Рахманов) // Социология: РЖ / РАН

Современность незавершаема по своей сути, но она предполагает последовательность форм, которые очень разнообразно преодолевают противоречия общества в каждый момент его истории» 3). Наша оценка этого периода в значительной мере коррелирует также с позицией Э. Гидденса⁶, Ю.Хабермаса⁷ которые рассматривают проект модерна как достаточно актуальный, сохраняющий определенную творческую потенцию. В то же время нельзя не признать, что возражения против такой точки зрения небезосновательны. Так, А. Гелен полагает, что «предпосылки Просвещения мертвы, продолжают действовать только его последствия»⁸.

Анализ таких исторически значимых феноменов как модерн и модернизация может проводиться на различных уровнях. За внешними эмпирическими явлениями, классифицируемыми в рамках предметных областей политики, экономики, социологии, истории технологий, права проявляются изменения на уровне как индивидуальной, так и коллективной ментальности европейских народов. Обращение к этим глубинным изменениям заставляет исследовательскую мысль искать ответ не только на вопрос как это произошло, но, прежде всего, почему. В этой связи возникает потребность не столько в предметно-эмпирическом, сколько в теоретико-культурном подходе, в рамках которого ментальность и цивилизация выступают нерасторжимыми элементами единой культурной системы.

Мы достаточно хорошо представляем себе то, как Европа стала Европой в смысле общемирового источника модернизационных воздействий. Но когда мы пытаемся понять, почему это произошло, ответ уже не представляется столь ясным, предполагая обращение к философской и теоретико-культурной областям научного дискурса. Когда мы пытаемся ответить на него, основываясь преимущественно на внешних эмпирических данных, многое оказывается недоступно для нашего понимания. Так, на уровне историко-эмпирического анализа практически невозможно объяснить, почему технологический прорыв XV века произошел в Европе, а не на Востоке, в частности в Китае, где для этого были достаточные внешние (материальные) предпосылки. Пытаясь ответить на вопрос, почему именно Европа первой вошла в эпоху модерна⁹ мы обращаемся к области глубинных характеристик европейской культурно-цивилизационной системы, определяющих направленность вектора ее исторического развития¹⁰.

Известный российский культуролог А. А. Пелипенко полагает, что Античность явилась прообразом западного утилитаристского общества¹¹ ее культурно-

ИНИОН. М., 2003. № 1. С.49-56.

⁶Giddens A. The consequences of Modernity Cambridge Polity Press, 1990.

⁷См.: Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. М., 1992. № 4. С. 40-52; Фарман И. П. Социально-культурные проекты Юргена Хабермаса. М.: ИФРАН, 1999. С. 18-22.

⁸Цит. по: Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М. М. Беляева, К. В. Костина, Е. Л. Петренко и др. М.: Весь Мир, 2003. С. 9.

⁹См., напр.: Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 119.

¹⁰Так, А. Ф. Лосев, обобщая свой взгляд на античность, заметил, что «...вся античность, как я доказываю в своих семи томах, основана на интуициях телесного, вещественного характера. И для нее абсолют – видимое небо, небесный свод, звезды, солнце, луна; вот этот видимый, осязаемый, слышимый, как они считали, космос, материальное чувство – это для нее абсолют. Античность исходит из интуиции вещи. Собрание всех вещей – это есть чувственный космос». См.: Лосев А. Ф. В поисках смысла // Вопросы литературы. 1985. № 10. С. 228.

¹¹Более подробно см.: Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. М.:

цивилизационная среда была ориентирована на более высокий уровень социокультурной динамики, чем в Древнем мире. Экзистенциальный кризис Древнего Востока, связанный с закономерным распадом традиционной мифо-ритуальной системы, был компенсирован в античности посредством укоренения человека на экзистенциальном уровне, что выражалось в развитии института частной собственности, неотчуждаемых гражданских прав.

Следует отметить, что эти тенденции не получили дальнейшего развития вследствие замедления исторической и социокультурной динамики, стремления к воспроизводству жизни в рамках традиции. Римская империя периода упадка испытывала стагнацию в различных областях жизни, в том числе и в столь важной для ускорения динамических процессов области технологий. Сами технологии к моменту гибели Западной Римской империи не развивались уже в течение столетий, и «нет никаких оснований считать, что Римский мир сохранял способность к технологическому прогрессу... в число общественно признанных социальных и интеллектуальных приоритетов никогда не включались успехи на уровне технологии»¹²

Истощение и постепенный упадок, а затем и гибель империи на западе потянули за собой и варварские народы Европы, пережившие глубокий социокультурный шок в течение нескольких столетий так называемых «темных веков», когда «развал системы коммуникаций и связей античного мира вернул большую часть Запада к примитивному состоянию, которое характерно для традиционных сельских цивилизаций почти доисторических времен»¹³. Что-то из античного наследия варварские народы запада Европы усвоить смогли, но большая его часть стала неактуальным прошлым, переместившись в область воспоминаний. «В этом обществе все еще почитались римские традиции. Но эти традиции, существовавшие только в христианской форме, уже не были живым опытом, а сохранились лишь как прекрасные воспоминания»¹⁴.

Через столетия после цивилизационной катастрофы, которой стало для Европы падение Западной Римской империи, из унаследованных элементов античности и все более распространявшегося христианского вероучения, религиозной практики и витальной энергии варварских этноплеменных образований стал формироваться новый культурно-цивилизационный ландшафт новой христианской Европы.

Это была уже совсем другая, обладавшая собственными характеристиками культурно-цивилизационная система. Отличительной чертой сформировавшейся в эпоху Средневековья западноевропейской культурно-цивилизационной системы стало формирование трехзонной модели мира, где между системообразующими полюсами Бога и Дьявола, Добра и Зла помещается область естественного, человеческого. Это трехчастное деление мира с выделением области естественного, собственно человеческого, во многом определило как направление, так и ускоряющуюся интенсивность динамических процессов в истории и социокультуре этой системы, стимулируя последовавшее в дальнейшем взрывное развитие обустроенного человеком материального мира.

«Расставшись с чистым августицизмом во времена Аквината, католическое мировоззрение делит бытие не надвое („свет" и „тьма") – а натрое: между горней областью сверхъестественного, благодатного и преисподней областью

Языки русской культуры, 1998. С. 339-342.

¹²Кенигсбергер Г. Г. Средневековая Европа, 400-1500 годы / Пер. с англ. А. А. Столярова; Предисл. Д. Э. Харитоновича. М.: Весь Мир, 2001. С. 35-36

¹³Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр. / Общ. ред. Ю. Л. Бессмертного; Послесл. А. Я. Гуревича. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. С. 113.

¹⁴Кенигсбергер Г.Г. Средневековая Европа, 400-1500 годы / Пер. с англ. А. А. Столярова; Предисл. Д. Э. Харитоновича. М.: Весь Мир, 2001. С. 80.

противоестественного до поры до времени живет по своим законам, хотя и под властью Бога, область естественного»¹⁵. Кроме того, «...католичество было как бы конкордатом между... духом и материей, что тем самым провозглашалось единодержавие духа в теории, но материи предоставлена была возможность пользоваться на практике всеми ее аннулированными правами»¹⁶ (курсив наш. – С. Г.).

На протяжении всего Средневековья в Западной Европе происходил непростой и временами мучительный процесс расставания с духом августинизма, менялось содержательное наполнение иноположенного трансцендентного божественного Абсолюта. Так, уже при рассмотрении Пьером Абеляром догмата о троичности Божества заметно «отсутствие всякого чувства субстанциальной реальности идеального»¹⁷. Вследствие развития этого процесса «небесные ценностные идеалы как бы низводятся на землю. Отступает мысль о том, что всякое новшество запретно, ибо вдохновлено дьяволом. Инновация, технический прогресс не отождествляются более с грехом. Радости и красоты рая могут теперь реализовываться на земле»¹⁸.

В период позднего Средневековья постепенно меняется юрисдикция метафизической проблематики, вопросы из этой сферы начинают переходить в ведение человека, их решение зависит теперь только от него, а отнюдь не от помыслов и действий неких сверхъестественных сил. Заметим, что в логику этого достаточно длительного, часто латентного по своим формам процесса укладывается победа номиналистов над реалистами, рост городов и создание университетов, сопровождавшееся все более выраженным стремлением европейского разума к бесконечным аналитическим процедурам. Этот процесс практически завершился в Европе в эпоху Нового времени: «Эпоха, которую мы называем Новым временем... определяется тем, что человек является масштабом и центром существующего. Человек – это существующее всегда и везде, т. е. то, что лежит в основе любой определенности, всего, что можно представить, это *subiectum*»¹⁹.

Но если в центре мироздания находится сам человек, то он может рефлексировать в отношении различных сфер жизни, меняя ее в рациональном духе, постепенно все меньше и меньше принимая в расчет освящающее социокультурную традицию сакральное начало. Теряющая свое сакральное обоснование социокультурная традиция больше подвержена изменению и человек в ее рамках приобретает иную степень свободы в выборе того, что можно принять из прошлого, а от чего можно отказаться.

Процесс рационализации мира вышел на поверхность жизни в эпоху Ренессанса и Реформации, но свое институциональное оформление получил уже в эпоху Нового времени. В нем нашли свое продолжение и были на практике реализованы выраженные в рамках западноевропейского культурного ареала принципы: общеэволюционный принцип эволюции от простых форм организации жизни к ее

15Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности. Ст. вторая. Закон и милость // Новый мир. М., 1988. № 9. С. 234-235.

16Гейне Г. К истории религии и философии в Германии / Пер. с нем. А. Горенфельда: Сочинения: В 10 т. Т. 6 / Под ред. Н. Я. Берковского, В.М.Жирмунского, Я.М.Металлова. М: Госиздат, 1958. С.36.

17Лосев А. Ф. Средневековая диалектика // Имя: Сочинения и переводы / Сост. и общ. ред. А.А.Тахо-Годи. СПб.: Алетейя, 1997. С.281.

18Ле Гофф Ж. С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентации на христианском Западе XII-XIII вв.) / Пер. с франц. С. Н. Голубева // Одиссей. Человек в Истории. М.: Наука, 1991. С.30.

19Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М. М. Беляева, К. В. Костина, Е. Л. Петренко и др. М.: Весь Мир, 2003. С. 145.

более сложным формам и принцип выделения все более автономного и самостоятельного субъекта из природного, а затем и социального контекста. Э. Нойманн заметил, что «анализ обнаруживает западную личность в постоянном движении как вперед, так и назад, но с устойчивым продвижением в направлении, определенном в самом начале: к освобождению человека от природы и сознания от бессознательного»²⁰.

Именно актуализация этих процессов и принципов, подкрепленная впоследствии возникновением национального государства и систематического капиталистического производства, сделало Европу, а затем и весь евроатлантический цивилизационный ареал источником модернизационных трансформаций в мировом масштабе. Модерность, постепенно выходя за пределы Европы, стала распространяться по всему миру во многом потому, что «никакие иные, более традиционные, общественные формы не могут противостоять ей... Является ли модернити исключительно западным феноменом с точки зрения образа жизни... Прямой ответ на этот вопрос должен быть утвердительным»²¹.

Рассмотрев наиболее важные теоретико-культурные составляющие этого процесса, обратимся теперь к историко-эмпирическому осмыслению явления модернизации. Модерность стала венцом, максимальной точкой выражения всей прогрессистской культурно-цивилизационной парадигмы. Идеология прогресса, приобретая все более секулярное наполнение, в течение всего периода модерности определяла европоцентризм исторического процесса, предполагая движение различных народов по восходящей лестнице к рационализму, секулярности, экономикоцентризму. Роберт Нисбет, в обобщенной форме излагая взгляды классиков социально-политической мысли на прогресс, говорит о том, что в целом классическую концепцию можно рассматривать как идею постепенного освобождения человечества от страха и невежества, движения по пути ко все более высоким уровням цивилизации²². Стадиальный подход, которого придерживались эволюционисты, неэволюционисты, марксисты и позитивисты в течение длительного времени вплоть до последних десятилетий прошлого века, господствовал, а в опосредованном виде и сегодня достаточно распространен в западной, во многом сохраняющей дух европоцентризма, науке²³.

При рассмотрении элементов модернизационных процессов, укладывающихся в контекстуальное поле социальной истории, политологии и экономики, отметим следующее. Вплоть до второй половины XX века реальное превосходство западной цивилизации над остальным миром было преобладающим, если не сказать абсолютным. В качестве альтернативного западному пути развития в течение большей части прошлого века выступал социалистический проект, представлявший собой отчаянную попытку достигнуть количественных экономических показателей ведущих государств модерности.

Социалистические варианты модернизации, практиковавшиеся в течение XX века

²⁰Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания / Пер. с англ. А. П. Хомик. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1998. С.391.

²¹Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С.119.

²²Цит. по: Василенко И. А. Политические процессы на рубеже культур. М.: УРСС, 1998. С. 136.

²³См., например: Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона (Lawrence Harrison, Samuel Huntington (eds.) Culture Matters: How Values Shape Human Progress. New York: Basic Books, 2000). М.: Московская школа политических исследований, 2002.

в различных странах мира, прежде всего в СССР, были преимущественно адаптационной реакцией незападных обществ на радикальное ускорение исторической и социокультурной динамики в рамках сложившегося ареала модерности. Не случайно и то, что вне этого ареала был воспринят преимущественно социалистический вариант модернизации, поскольку именно он в большей мере соответствовал коллективистской ментальности незападных обществ. Естественно, что обращение к социалистическому варианту модернизации не было неким инвариантом для неевропейских государств, здесь достаточно выделить модернизационные процессы в Японии и в некоторых странах Юго-Восточной Азии, условно обозначаемых как «тигры» и «драконы» Азии.

Через десять лет после начала социалистического эксперимента в России А. В. Луначарский рассматривал позиции европейских литераторов, философов и политиков, оценивавших возможность вовлечения в прогрессистскую парадигму развития незападных обществ, используя социалистические варианты модернизации. Они полагали, что самоуглубленная Азия стремится позаимствовать у Европы импульс к материальной, вещественной активности, но при этом практически невозможно добиться механического переноса капитализма на азиатскую, неевропейскую вообще, почву. Азия на данном этапе своего развития не может воспринять от Европы это стремление к прогрессу в материальной сфере жизни напрямую, через принятие капитализма, свободного рынка, введения политической демократии и соблюдения прав человека. Но опосредованное европейское влияние на Азию возможно через большевизм, который даст новое евангелие для развития азиатского региона, сам при этом сегментировавшись и переродившись: «Он будет идейной основой возрождения Азии, т. е. огромного большинства человечества. Но успехи вашего учения и движения на Западе будут ограничены. Здесь вы оболъщаетесь»²⁴.

Насколько социализм близок коллективизму Азии, настолько же далек индивидуалистической евроатлантической цивилизации, где его шансы исчезающе малы. Сегодня, рассматривая модернизационные процессы в исторической ретроспективе, стало понятно, что «в настоящее время существует и развивается множество цивилизаций. Проблема состоит как раз в том, что эти цивилизации, имея много сходных компонентов и постоянно находя точки пересечения между собой, продолжают развиваться, рождая новые варианты различных аспектов модернизма, каждая из которых предлагает собственную программу культурного развития. Все это способствует диверсификации подходов к пониманию модернизма и к оценке культурных программ, выдвигаемых различными частями современных обществ»²⁵.

Вторым альтернативным проектом, впрочем, не претендующим на универсальность, был проект модернизации посредством консервативной революции, представленный фашизмом в Италии и национальным социализмом в Германии. Отметим, что использование данной модернизационной модели во многом было обусловлено их схожей исторической судьбой. И Германия, на протяжении всего Средневековья стремившаяся к возрождению Римской империи, и Италия, где в XIII веке процветали торговые города-республики, по историческим меркам слишком поздно перешли к парадигме формирования национальных государств.

Дело в том, что городские торговые города-республики и имперские формы

²⁴Луначарский А. В. Письма с Запада // На Западе. М.-Л.: Госиздат, 1927. С.25.

²⁵Эйзенштадт Ш.Н. Множественность модернизмов в век глобализации // Глобализация: Контуры XXI века: Реф. сб. / РАН. ИНИОН. Центр научно-информ. исслед. глобальных и региональных пробл.; Отд. Восточной Европы; Отв. ред. Малиновский П. В. М., 2002. Ч. 1. С. 144. (Сер.: Глобальные проблемы современности).

государственности в меньшей мере, чем национальные государства, способствовали ускорению интенсивности исторической и социокультурной динамики. Результатом этого замедления динамических процессов стала задержка в процессе государственного объединения, Германия и Италия смогли решить эту задачу лишь в 70-е годы XIX века. Во многом именно вследствие этого формирование национальных мифологий приняло в этих странах столь агрессивную форму.

Анализируя модернизационные процессы, следует помнить, что они представляют собой синтез поступательной и рецессивной динамики, прогресса и регресса, хотя при их рассмотрении в достаточно длительном диахронном контексте преобладает поступательное начало. Как пример негативной адаптационной реакции на вызов евроатлантической цивилизации можно рассматривать опыт тоталитарных режимов XX века, включая, прежде всего, опыт нацистской Германии и в некоторой мере сталинского СССР. В рамках этих социокультурных проектов использовались технологические достижения модерности при одновременном отрицании демократических форм организации социума, прав человека, жесточайшей регламентации творческого потенциала личности. Тоталитарные режимы XX века сохраняли внешнюю оболочку общества модерности, отказавшись от его сущностных, онтологических основ.

В этой связи вызывает интерес позиция А. С. Ахиезера²⁶ рассмотревшего проблематику, связанную с формированием политической основы общества модерности, вызовами и проблемами, возникающими на этом пути. Он относит к странам второй модернизационной волны Германию прошлого века, отстающую от политически и экономически более развитых стран. Немецкие национальные социалисты пытались приспособить технологии открытого общества модерности к целям тоталитарного, закрытого общества. Национал-социализм в Германии явился реакцией на усиление внутреннего социокультурного кризиса и внешнеполитическое поражение. В данном случае речь идет, скорее, об использовании потенциала модернизации в инструментальной сфере, применении ее достижений в области технологий, военного строительства, частично в сфере экономики.

Тоталитарные режимы стремились приспособить часть этих достижений для воссоздания архаического, закрытого общества, идеология которого представляет собой смесь рационализма и иррационализма, опоры на науку и в то же время на наиболее архаичную мифологическую основу общественного сознания. Еще в 1923 году классик немецкой литературы Т. Манн говорил о том, что «просить немца быть приверженным тому..., что народы Европы называют свободой, было бы... равнозначно требованию к нему совершить насилие над своей природой»²⁷.

Во второй половине XX века положение радикально изменилось, Германия, начиная со своей западной части, стала составным, а впоследствии и ключевым элементом конструкции европейской модерности. Достаточно трудный путь уже проделали или продолжают движение в этом направлении и некоторые другие страны Европейского континента, включая Италию и Испанию, позднее Польшу, Венгрию и другие бывшие социалистические страны. Мы обращаемся к историческому контексту модернизационных процессов в этих европейских странах не только для того, чтобы отметить их разнообразие во внутриевропейском масштабе, но и желая подчеркнуть детерминированность исторических судеб тех или иных народов их историческим прошлым.

Остальная часть человечества, часто определяемая в годы после окончания

²⁶Ахиезер А. С. Социокультурные механизмы циклов культуры // Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. М.: Наука, 2002. С. 116-135.

²⁷Цит. по: Коукер К. Сумерки Запада / Пер. с англ. А. А. Арзуманова. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С.32.

Второй мировой войны как страны «третьего мира», не только не смогла предложить сколь-либо значимый альтернативный проект, но и эффективные локальные варианты развития для незападных государств. Положение изменилось во второй половине XX века, когда появились успешные, конкурентоспособные варианты воспроизводства модерности за пределами западной цивилизации. Свою трактовку модернизации представляют динамичные, экономически и социально успешные азиатские государства, страны, относящиеся к исламской цивилизации, пытающиеся использовать в экономической деятельности религиозные установления (запрет на получение ссудного процента в коранической традиции). Согласно точке зрения Ш. Эйзенштадта, «противоречие – между уникальностью Запада и тем, что он был как бы моделью для остального мира, а с другой стороны, спецификой динамики других цивилизаций, не было вполне очевидным во времена Маркса или Вебера, когда распространение капитализма и модернизация за пределами Европы были на ранних стадиях. Но оно стало гораздо более очевидным на более поздних стадиях модернизации после Второй мировой войны»²⁸.

Это противоречие находит зримое выражение в разительном неравенстве между различными цивилизационными ареалами в освоении материального мира, в сфере хозяйственной жизни. И. Валлерстайн разработал теорию мировой системы, объясняющую степень неравенства между странами первого (государства модерности) и третьего мира. Процесс формирования системы глобальных экономических и политических связей основывался на экспансии мировой капиталистической экономики, начиная, по крайней мере, с XVI века. Капиталистическая мировая экономика предполагает существование стран ядра, стран полупериферии, периферии и внешней арены.

К государствам ядра И. Валлерстайн относит: Великобританию, Нидерланды, Францию и присоединившиеся позднее страны Северо-Западной Европы. Именно в этих странах возникли современные виды предпринимательства, произошли промышленные революции. Государства, расположенные на юге Европы, вокруг Средиземного моря, стали полупериферией стран ядра. Часть азиатских и африканских территорий относилась к внешней арене, поскольку их практически не затрагивали торговые связи со странами ядра. Колониальные процессы и деятельность крупных корпораций вовлекли страны Азии и Африки в систему мировой хозяйственной жизни. И. Валлерстайн утверждает, что доминирующие в мировой системе страны ядра способны контролировать мировые торговые процессы, страны первого мира имеют возможность эксплуатировать ресурсы стран третьего мира²⁹.

Один из существенных аспектов происходящих процессов заключается, по-видимому, в следующем. Западная цивилизация периода модерности во все большей мере развивается в горизонтальной плоскости, оставляя за скобками свое, все более уменьшающееся, вертикальное измерение, что проявляется, в частности, в трансформации и наполнении новым, светским содержанием христианских по генезису смысловых комплексов и подсистем культуры. (Под вертикальным направлением мы понимаем ценности сакрально-трансцендентного измерения. Под горизонтальным направлением – материальные ценности.) Незападные цивилизации достаточно долго не могли ответить на вызов Запада во многом в силу доминирования вертикального измерения над горизонтальным. Ответ, контуры

²⁸Цит. по: Ерасов Б. С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002. С.364.

²⁹Валлерстайн И. Рождение и будущая кончина капиталистической миросистемы: Концептуальная основа сравнительного анализа // Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П. М. Кудюкина. СПб.: Университет, книга, 2001. С. 19-62.

которого стали проступать к концу прошлого века, заключается в попытке ускорения социокультурной динамики, включающей в себя формы хозяйственной жизни, общественной организации, технологии и т.д., при большем, чем на Западе, сохранении вертикального измерения жизненной стратегии, ее духовной (прежде всего религиозной) составляющей.

Следует отметить, что в рамках цивилизационного процесса стремление «догнать и перегнать» государства модерности, не теряя, или, по меньшей мере, радикально не трансформировав традиционной цивилизационной идентичности, достаточно проблематично. В случае практического воплощения этих трансформационных проектов, достигаемого, как правило, ценой крайнего напряжения сил общества и государства, получившая разновекторное направление движения система не может эффективно функционировать ни в одной из этих плоскостей. Сохраняющийся и сегодня инфантилизм и мифологизм массового сознания, и далеко не только в России, продолжает ориентироваться на возможность достижения всего комплекса цивилизационных благ и уровня жизни, ничем значимым при этом не жертвуя. В качестве иллюстрации приведем высказывание религиозного арабско-мусульманского мыслителя Сайида Кутбы, описавшего идеальное мусульманское общество, которое в своей материальной жизни соответствовало бы уровню современной (западной) цивилизации, а «по своему духу, мировоззрению – религиозным убеждениям, представлениям о жизни, цели человеческого бытия, месте человека во Вселенной, о его специфических свойствах, правах и обязанностях – базировалось на провиденциализме»³⁰.

Итак, процессы модернизации рассматриваются, как правило, в трех различных значениях. Как внутреннее развитие стран Западной Европы и Северной Америки, относящееся к европейскому Новому времени; догоняющая модернизация, которую практикуют страны, не относящиеся к странам первой группы, но стремящиеся их догнать; современные инновационные процессы, характерные для стран, относящихся к западной цивилизации³¹.

Нас в большей степени интересуют процессы, объединенные во вторую группу, поскольку Россия уже в течение последних трех столетий, хотя и с попятными движениями, осуществляет свой модернизационный проект. Это не означает, что вне сферы нашего внимания остаются иные грани модернизации, поскольку только в широкой системе модернизационных контекстов возможно понимание отдельных направлений модернизации. Различные авторы придерживаются достаточно широкого диапазона взглядов как на определение хронологических рамок модернизации, так и ее онтологические основания, что наиболее отчетливо проявляется в различии универсального (стадиального) и локального (цивилизационного) подходов³².

В рамках классических модернизационных теорий, восходящих к христианской традиции универсализма, модели модернизационных процессов разрабатывались в духе универсальной историчности, общего для всех народов и локальных цивилизаций направления развития. Изменение культурной идентичности рассматривалось в качестве неизбежного следствия социокультурных трансформаций, выступало своеобразным индикатором их радикальности.

30Цит. по: Сагадеев А. В. Дуализм земли и неба: Культурное наследие и идеология в современном арабском мире // Культурное наследие: Преемственность и перемены: Сборник реф. обзоров. Вып.3. М.: ИНИОН РАН, 1991.С.52.

31См., напр.: Zapf W., Habich R., Bulmanh T., DeUieyJ. The case of Germany: Transformation through unification // Sisyphus. W-wa, 2001. Vol. 15. P. 13.

32См., напр: Гавров С. Н. Модернизация незападных обществ: Соотношение локального и универсального // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. М., 2003. №2. С. 5–11.

Вариативность исторической и социокультурной реальности должна была уступить место инварианту, более или менее удачному слепку западного социокультурного дискурса. В 50-е годы прошлого века Ж.-П. Сартр, выражая господствующие в интеллектуальной среде представления, писал о том, что «множественность значений Истории можно положить в ее основание только на базе будущего сведения их воедино... Наша историческая задача в центре поливалентного мира состоит в том, чтобы приблизить момент, когда История будет иметь только одно значение, когда она будет иметь тенденцию раствориться в конкретных людях, делающих ее сообщая»³³.

Уже в 70-е годы прошлого века У. Мур, характеризуя динамику развития незападных обществ, писал, что «все идет в одном направлении, несмотря на различие темпов, рубежей и препятствий, модернизация – это рационализация общественной организации и социокультурной активности. Такой рациональный процесс ведет к сближению уровней развития. Модернизация поэтому – путь к конвергенции стран с различной исторической судьбой в едином мировом сообществе»³⁴.

В рамках западной цивилизации модерности в качестве идеала рассматривается индивидуалистическое существование человека, который стремится к соперничеству с Богом-Творцом, что вызывает настороженное отношение в менее секуляризованных регионах. Человек незападного мира может представлять модернизацию как «сжатую и гипертрофированную форму самой западной цивилизации»³⁵.

Унифицирующий подход к процессам модернизации незападных обществ вызывает амбивалентную реакцию вне традиционного ареала модерности от комплементарности в отношении вестернизационных усилий национальных элит до их полного неприятия, детерминированного социокультурной, религиозной традицией, представлением о месте в мире Бога и человека: «...Идея развития в западном понимании абсолютно неприемлема для неевропейских культур. Будущее станет не результатом доминирования одной западной цивилизации с ее пониманием свободы, цивилизации, рационализма и т. д., а будет представлять мир многих цивилизаций, вносящих в процесс развития свои знания, самобытность и действия для создания более гуманного, экономически эффективного и социально справедливого общества»³⁶.

Предлагаемое в будущем разноцветье различных цивилизаций, каждая из которых претендует на свою толику модерности вероятно, но такое положение вещей предполагает некоторую «безразмерность» модерности вообще, ведущую к невозможности выделить и зафиксировать ее общие, объединяющие черты. Бедуин на верблюде с мобильным или спутниковым телефоном не является еще одним подтверждением того, что цивилизация модерности распространилась на данный регион мира. Женщина в парандже, лишенная к тому же избирательных прав, как, впрочем, часто лишен их и мужчина за рулем западного автомобиля, еще не означают успеха модернизации.

Эти детали повседневного быта свидетельствуют лишь об имитации

33Цит. по: Коукер К. Сумерки Запада / Пер. с англ. А. А. Арзуманова М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 206.

34Цит. по: Кравченко И. И. Модернизация сегодняшней России // Экономические модели модернизации. М.: ИФРАН, 2002. С. 16-17.

35Сакаи К. Эстетическая жизнь в антиурбанистической культуре Японии // Ориентиры... М.: ИФРАН, 2001. С. 168.

36Виганд В. К. Ориентализация мировой системы – угроза Западу? // Глобальное сообщество: Картография постсовременного мира / Ред. А.И.Неклесса и др. М.: Вост. лит., 2002. С.382-383.

модернизационных процессов и ни о чем более. О движении в сторону содержательно наполненной модернизации могут свидетельствовать институциональные преобразования, дополненные радикальным изменением ментальности вышеозначенного бедуина. Мы полагаем, что несмотря на противодействие и даже прямое сопротивление модернизационным процессам в ряде регионов незападного мира нельзя отказываться от общего, необходимого для всех пакета модернизационных трансформаций, и здесь нельзя спрятаться за эвфемизмом множественности формирующихся модернов. Как заметил в разгар экономических реформ отец польского экономического чуда Л. Бальцеревич: «Каждая страна с какой-то точки зрения действительно особенна. Но это вовсе не означает, что существует некий успешный специфический метод лечения болезней, поразивших ее экономику. Китайцы и россияне, несомненно, отличаются друг от друга, но если они заболеют, например, туберкулезом, лечить их следует одинаково»³⁷.

Этот необходимый пакет модернизационных трансформаций подробно рассмотрен выдающимся российским культурологом Э. А. Орловой. Она вполне справедливо полагает, что социокультурные процессы, начавшиеся в наиболее успешных в экономической, социальной, политической и геополитической сфере государствах, относящихся к западной цивилизации, в XX веке получили распространение в глобальном масштабе. На уровне социокультурной организации общества эти процессы проявляются в форме движения от индустриализма к постиндустриализму в экономической сфере, в политической как движение от авторитарных к демократическим режимам, в правовой как переход от обычного к юридическому праву. «Им соответствуют изменения в области социально значимого знания и мировоззрения: в религиозной сфере заметен сдвиг от священного к более светскому обоснованию миропорядка; в философии – от монистического к плюралистичному миропониманию; в искусстве – от стремления к стилистическому единству к полистилистике; в науке – от объективизма к антропному принципу. Совокупность этих общих социокультурных тенденций принято называть модернизацией»³⁸.

Данные Э. А. Орловой характеристики модернизационных процессов, по нашему мнению, заслуживают серьезного, аргументированного рассмотрения. С нашей точки зрения, процессы модернизации охватывают все европейское Новое время, то есть около трех столетий, а не только период XX века. В сфере экономики движение к постиндустриальному обществу хронологически следует отнести ко второй половине прошлого века. В отношении политической сферы жизни общества процесс замены авторитарных режимов на демократические происходил в Европе в этот же период, причем поступательное движение временами сменялось попятным, как было, в частности, в Германии, Испании, Италии, СССР в первой половине XX века. Этот процесс продолжается и сегодня, свидетельством чему служат демократические революции в странах Восточной Европы и государствах, образовавшихся на месте СССР на рубеже 80-90-х годов прошлого века. В правовой сфере жизни общества движение от обычного к юридическому праву имеет еще более дальние исторические предпосылки, в первую очередь, использование в европейских государствах римского права, в своих основных чертах сформировавшегося еще в

37Лыкошина Л. С. Лешек Бальцеревич – «отец польских экономических реформ» // Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе: Сб. обзоров и реф. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобальных и региональных проблем. Отв. ред. Шаншиева Л.Н. М., 2003. С. 102.

38Орлова Э. А. Социокультурные предпосылки модернизации в России: Библиотека в эпоху перемен: Информ. сб. (Дайджест). Вып. 2 (10). М.: Изд. РГБ.2001.С.7.

период Римской империи.

Обращаясь к областям социально значимого знания и мировоззрения, хотелось бы отметить следующее. Процесс десакрализации мира, перехода к более светскому обоснованию мироустройства также является ровесником Нового времени, постепенно набирая силу, тотальность, приводя к большей рационалистичности и плюралистичности в социокультурной сфере жизни общества. По отношению к процессам, которые происходили на протяжении большей части XX века в философии, искусстве и науке, наши взгляды совпадают с определениями Э. А. Орловой.

Кроме Э. А. Орловой, являющейся ведущим российским специалистом в области изучения модернизационных процессов, их изучением занимались и занимаются целый ряд западных ученых.

Итак, приведем наиболее характерные в отношении проблем цивилизации модерности и процессов модернизации позиции западных ученых, включающих в себя и определение их содержательного наполнения.

Свою модель общества модерности предлагает Э. Гидденс, делая акцент на множественности ее институциональных проявлений, которые находят свое выражение в четырех «институциональных осях». Первой осью является индустриализм, определяемый Э. Гидденсом как система социальных отношений, основанных на масштабном использовании энергии и технологий в производственных процессах. Второй институциональной осью модерности является капитализм, рассматриваемый как система производства товаров, основанная на конкурентных рынках производства продукции и на специализации рабочей силы. Третью ось общества модерности образуют институты общественного надзора, которые являются основой усилившейся, в сравнении с периодом феодализма, институционализации, усложнения государственной власти. Административную систему общества модерности следует рассматривать в терминах контроля, реализовываемого на основе сбора и применения информации. Четвертое институциональное измерение охватывает формы монопольного контроля государства модерности над средствами насилия в пределах своих национальных границ³⁹.

Э. Гидденс, рассматривая институциональные принципы организации модерности, выделяет два фактора: национальное государство и систематическое капиталистическое производство. Генеалогически они восходят к специфическим чертам европейской истории. Аналогии в иных исторических периодах и культурных контекстах незначительны. Их пакетное распространение по всему миру состоялось во многом вследствие порождаемой ими мощи: «Никакие иные, более традиционные, общественные формы не могут противостоять ей, сохраняя полную изолированность от глобальных тенденций. Является ли модернити исключительно западным феноменом с точки зрения образа жизни, развитию которого способствуют эти две великие преобразующие силы? Прямой ответ на этот вопрос должен быть утвердительным»⁴⁰.

Вместе с тем существенное ослабление позиций европоцентризма и даже полное его изгнание из ряда научно-философских дискурсов способствовало известной плюрализации представлений о модернизации. Так возникло понятие «множественные модерны», о чем, в частности, говорит известный социолог и теоретик модернизации Ш. Эйзенштадт⁴¹. Возможность применения различных

39Фуре В. Н. «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса // Социологический журнал. М., 2001. № 1. С.51.

40Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 119.

41Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: Сравнительное

модернизационных моделей служит источником избыточной креативности, возможностей, вариантов будущего развития.

Свой взгляд на основные характеристики модерности дает Л. Пелликани. Согласно его точке зрения, модерность – это цивилизация, включающая в себя автономию подсистем, избирательное право, институционализацию социальных изменений, рационализацию, светскую культуру, торжество закона, универсализацию прав граждан⁴².

Д. Бергер представляет свое определение основных принципов, на которых базируется теория модернизации. Модернизация представляет собой, прежде всего, эндогенное достижение обществ, в которых разворачиваются модернизационные процессы; модернизационные процессы, характерные для различных частей социокультурной сферы, отличаются комплементарным характером, то есть поддерживают друг друга; страны, лидирующие в модернизационном процессе, не мешают тем, кто находится на более ранних этапах; процессы модернизации имеют общую направленность⁴³. С нашей точки зрения, здесь наиболее ценным представляется выделение институциональных социальных изменений, формирование новых, секулярных, автономных, рациональных институтов. Весьма важным представляется секуляризация социокультурной сферы, достижение большей автономии ее отдельных подсистем, формирование демократической политической системы, основанной на юридическом (римском по генезису) праве, декларация универсальных прав человека.

В соответствии с классическими модернизационными подходами модернизационные процессы сопровождаются трансплантацией западных по своей генеалогии политических институтов, открытого общества, партийной демократии. С их проникновением в различные сегменты социокультуры происходит постепенное изменение типа доминантной личности, т. е. ее активный тип «А» начинает численно превалировать над пассивно-созерцательным (традиционным) типом «Б». На первый план общественной жизни выходит активистская личность, проектирующая свою жизнь в рациональных рамках, личность, чье повседневное поведение определяют не идеалы, но интересы. Поскольку идеалы вполне абстрактны, а интересы конкретны, именно переход от доминирования одних к другим и позволяет укорениться в модернизирующейся стране института парламентской демократии. Ведь для того, чтобы осознанно голосовать за ту или иную политическую партию, необходимо четко осознавать свои интересы и то, насколько они выражены в программе и практически проводимой политике данной партии.

Модернизация усиливает также существующие различия в субкультурах элиты и незлиты; в течение длительного времени остается открытым вопрос, в какую сторону будет двигаться общество в условиях, когда основные политические субкультуры разнонаправлены. Вопрос, в какой степени должна измениться социокультурная традиция модернизирующегося общества, решается апостериорно, планирование изменений возможно, но прогностическое видение конечного результата, как правило, затруднено. В любом случае, для осуществления модернизационных трансформаций требуется достаточно значительное историческое время, что обусловлено, прежде всего, медленным изменением ментальности⁴⁴.

изучение цивилизаций / Пер. с англ. А. В. Гордона; Под ред. Б. С. Ерасова. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 14.

42Цит. по: Фомичев П. Н. Дискурсы глобализации и тенденции развития социологии: Аналитический обзор // Социологические исследования на пороге XXI в. / РАН. ИНИОН. М., 2000. С.36.

43См.: Цапф В., Хабиш Т., Бульман Я., Делей В. Германия: трансформация через объединение // Социс. 2002. № 5. С. 22.

44Так, говоря о перспективах изменения сознания наших соотечественников, один

Э. Аллард, критикуя классическую модернизационную теорию, говорит о понятии «множественные модерны», используемом в работах Ш. Эйзенштадта. Генеалогия модерности восходит к западному миру. Институциональные формы включают в себя демократическое национальное государство, рыночную экономику, образование и научное знание. Однако институциональная сфера организации общества модерности во многом оказалась различной в конкретных обществах. В большинстве обществ Дальнего и Среднего Востока, Африки принята базовая модель территориального развития. Элиты и неэлиты переняли многие важные характеристики западной модерности, принимая и отвергая по выбору разные элементы исходя из понимания собственных интересов. Модернизация незападных обществ сопровождалась процессом интерпретации и переформулировок имплантируемого инокультурного опыта.

Согласно точке зрения Ш. Эйзенштадта, эти процессы не привели к появлению одной универсальной цивилизации, но к различным модификациям модерности⁴⁵. Изменилось отношение к культурной традиции, которая из явного препятствия на пути модернизации стала восприниматься как необходимое условие ее успешности: «„Культура“ перестала быть главным злом, она стала добром»⁴⁶.

Для текущего успеха и тем более для закрепления промежуточных результатов модернизационных процессов крайне важна политическая организация трансформирующегося общества. Рассмотрение модернизационных процессов в исторической ретроспективе показывает, что изменения в политической организации общества, как правило, запаздывали, и запаздывали значительно, рассматриваясь не только как нечто второстепенное, то, с чем вполне можно подождать, но часто и как вредное, то, что выводит подданного из состояния почти абсолютной зависимости от власти.

Зависимыми людьми, а тем более рабами, вообще проще управлять и это управление фактически сведено к отдаче приказов, которые не обсуждаются, но выполняются. Здесь уместно вспомнить слова Петра I: «Иностранцы говорят, что я повелеваю рабами. Это неправда: не знают всех обстоятельств. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам; эти указы содержат в себе пользу, а не вред государству. Надобно знать, как управлять народом. Английская вольность здесь не у места, как к стене горох...»⁴⁷. Обобщая отметим, что указы эти могут содержать в себе как пользу, так и вред, но ни эта польза, ни вред неподвластны контролю со стороны общества.

Уже в XX веке, пусть и по иным причинам, элиты тоталитарных режимов не только не осознавали, но и отвергали как упадочные и вредные принципы политической организации общества модерности. Роль гражданского общества в обеспечении динамических процессов во всех областях жизни, в том числе в науке, промышленности, военном деле, гуманитарных областях культуры, была осознана в полной мере лишь во второй половине XX века.

Это признание не было абсолютным, опыт ряда незападных обществ во второй

из авторов современного нам этапа модернизационных трансформаций в России, А. Б. Чубайс, заметил: «Возможно, потребуется не одно десятилетие, чтобы изменить базовые представления в головах у людей». См.: Чубайс А. Б. Рождение хозяина // Приватизация по-российски. М.: Вагриус, 1999. С.306.

45Аллард Э. Сомнительные достоинства концепции модернизации // Социс. М., 2002. №9. С61.

46Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П. М. Кудюкина. СПб.: Университет, книга, 2001. С. 211.

47Ключевский В. О. Петр Великий среди своих сотрудников: Сочинения. В 9 т. Т.VIII / Под ред. В.Л.Янина; Послесл. В.А.Александрова; Комментарий, составили В.А.Александров, В.Г.Зимица. М.: Мысль, 1990. С.404.

половине XX века показывает, что используемые ими идеологические модели и практика повседневного существования восходят к традиционализму. Путь институциональных и ценностно-нормативных трансформаций был долгим даже в Европе. Достаточно вспомнить, что модерность окончательно воплотилась в Западной Европе лишь после окончания Второй мировой войны, когда в орбиту евроатлантического мира (либеральной суперцивилизации, по терминологии А.Ахиезера⁴⁸) вошла Западная Германия.

Заметим, что в модернизирующихся обществах достаточно часто наблюдается огрубление имплантированных инокультурных образцов, их редукция к более примитивным формам. У. Ганнерс рассматривает ряд моделей взаимодействия между культурами – донором и реципиентом, выделяя, как наиболее распространенный, сценарий «периферийной коррупции». Суть данного сценария заключается в процессе отфильтровывания высших достижений и ценностей культуры-донора, фиксирующем уровень межкультурного взаимодействия по «нижней планке», задаваемой культурой-реципиентом⁴⁹.

В 30-е годы XX века на материале российской истории к этой же теме обращался и Л. Д. Троцкий. С его точки зрения, «нация нередко вульгаризирует заимствованные извне достижения, приспособляя их к своей более примитивной культуре. При этом сам процесс ассимиляции приобретает противоречивый характер. Таким образом, усвоение некоторых элементов западной науки и техники, не говоря уже о военных и промышленных заимствованиях, привело при Петре I к усилению крепостничества. Европейское оружие и европейские займы – продукты более высокой культуры – привели к усилению царизма, который становился тормозом развития страны»⁵⁰.

В заключение приведем точку зрения одного из ведущих исследователей модерности, немецкого профессора У. Бека: «Модернизация ведет не только к образованию централизованной государственной власти, к концентрации капитала и все более утонченному переплетению разделений труда и рыночных отношений, к мобильности, массовому потреблению и т. д., но и – тут мы подходим к обобщенной модели – к тройной „индивидуализации“: освобождению от исторически заданных социальных форм и связей в смысле традиционных обстоятельств господства и обеспечения („аспект освобождения“), утрате традиционной стабильности с точки зрения действенного знания, веры и принятых норм („аспект разволшебствления“) и – что как бы инвертирует смысл понятия – к новому виду социокультурной интеграции („аспект контроля и реинтеграции“))»⁵¹.

Рассмотрев основные представления, связанные с понятием модернизации, мы можем перейти к вопросу об определении российской модели модернизации в ее комплексной культурно-цивилизационной специфике. Подчеркнем при этом, что исторические, политические, социологические и экономические аспекты данной проблемы будут интересовать нас преимущественно в контексте иллюстрирования, пояснения и дополнения философско-культурного ракурса российской модернизации.

II. Имперская и либеральная модели модернизации

Характеризуя модернизационные процессы в России, ряд авторов, в частности А. А. Кара-Мурза и А. Г. Вишневский, прибегают к термину «консервативная

48Ахиезер А. С. Диалог как основа современного философствования // Социокультурное пространство диалога. М.: Наука, 1999. С.221.

49Цит. по: Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. А.С.Дмитриева. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 157.

50Trotsky L. The History of the Russian Revolution. London: Gollenez, 1965. P.24.

модернизация», встраивая Россию в ряд тех стран, которые, стремясь к полноценному вхождению в модерн, ориентированы на сохранение или медленную трансформацию традиционных ценностей, институтов и отношений. «Сейчас едва ли можно сомневаться в том, что экономическая революция, осуществленная в СССР под лозунгами „построения социализма“, была „консервативной“. Но могла ли она быть иной? Для того чтобы пласты XVII или XVIII веков накрыли все последующие исторические слои, эти пласты должны были существовать в обществе и быть достаточно мощными... „Консервативная революция“ и есть такая уступка во имя модернизации. По самой своей природе она может принести только временное решение, рано или поздно подлежащее полному пересмотру»⁵².

Вспомним, пожалуй, одного из наиболее известных теоретиков консервативной революции в Веймарской республике Э. Юнга, который понимал ее как «восстановление всех тех элементарных законов и ценностей, без которых человек теряет связь с природой и богом и не может установить истинного порядка. Равенство необходимо заменить внутренними ценностями, социальные убеждения – верой в справедливость иерархического общества, механические выборы – органическим принципом фюрерства (вождизма), бюрократическое принуждение – внутренней ответственностью подлинного самоуправления, массовое счастье – правом народной личности»⁵³. Э. Юнг полагал, что важнейшей исторической задачей нового германского рейха станет защита христианской веры и церковной инфраструктуры от угрозы со стороны большевиков, то есть при всей своей революционности новое германское государство должно было защищать традиционные ценности⁵⁴.

Мы видим, что по ряду внешних признаков в социокультурных трансформациях ленинско-сталинской эпохи можно увидеть немало от настоящей консервативной модернизации, сравнение сталинского СССР и национал-социалистической Германии достаточно распространено, совпадения в идеологических лозунгах, произведениях монументальной пропаганды, в живописи и во многих иных областях искусства и жизни порой поражают своей дословностью⁵⁵. Но есть и не менее существенные различия. В первые десятилетия существования СССР большевики не отличались склонностью к сохранению или реставрации каких-либо ценностей традиционного уклада, они могли отказаться и отказывались от многого, в том числе пошли и на явное перерождение марксизма.

Время «собирать камни»⁵⁶, т.е. элементы, оставшиеся от традиционной культуры, наступило у них перед закатом советской империи, когда угасла вера в практическую

52Цит. по: Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. С.48.

53Цит. по: Херстер-Филиппс У. Консервативная политика в последний период Веймарской республики // Политическая наука: Типы власти в сравнительно-исторической перспективе: Проблемно-тематический сборник. Вып.3. М.: ИНИОН РАН, 1997. С.27.

54Там же. С. 28.

55Вот некоторые актуальные для Германии того времени лозунги: «Одна империя, один народ, один фюрер», «Германия, пробудись!», «Нет – нетрудовым доходам!», «Национализировать тресты!», «Универмаги – в общественную собственность!». См.: Карпухин О.И, Макаревич Э.Ф. Формирование масс: Природа общественных связей и технологии «паблик рилейшнз»: Опыт историко-социолог. исследования. Калининград: ФГУ ИПП «Янтар. сказ»,2001.С.355,357.

56В этом ряду стоят и одноименная повесть В. Солоухина, и активизация в познесоветский период деятельности Всесоюзного общества по охране памятников истории и культуры.

возможность осуществления идеократического проекта. Отказавшись от многого, большевики не смогли отказаться от исполнения имперского идеократического проекта, сначала рассматриваемого во всемирном масштабе, а затем локализованного до границ, во многом повторяющих границы царской империи. Он являлся той основой, на которой держалось советское государство и девальвация которого привела к естественному обрушению географического и социокультурного тела империи.

С нашей точки зрения, использование термина «консервативная модернизация» применительно к России некорректно хотя бы потому, что целью доминирующей линии российских модернизаций является отнюдь не трансформация российской цивилизации в сторону модерности. Эта дистанцированность проявлялась как до, так и после большевистской революции 1917 года. Так, Л.Пелликани полагает, что большевистская революция в России явилась «радикальной попыткой остановить распространение западной культуры. Советская система попыталась взять из западной цивилизации только науку и технологию, отказавшись от всего остального. Индустриальную мощь большевики использовали для борьбы с Западом и построения общества, враждебного индивидуализму и секуляризму»⁵⁷, то есть враждебное самим основаниям модерности. Сходных позиций придерживается и известный английский ученый в области международных отношений К.Коукер, полагающий, что «коммунизм обострил все незападное в России. Ленин был продуктом российской реакции против Запада, а не катализатором вестернизации страны»⁵⁸.

Мы не считаем вполне корректным в отношении России и употребление термина «догоняющее развитие», хотя некоторые авторы, занимающиеся проблематикой российских модернизационных трансформаций, полагают, что Россия развивается преимущественно в рамках этой модели модернизации⁵⁹. Несмотря на то, что в ряде исторических ситуаций направление движения Европы (или США) как опережающего и России как догоняющего совпадает⁶⁰, но при рассмотрении этой ситуации в

57Фомичев П. Н. Дискурсы глобализации и тенденции развития социологии: Аналитический обзор // Социологические исследования на пороге XXI в. / РАН. ИНИОН. М., 2000. С.36.

58Коукер К. Сумерки Запада. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 34.

59См., напр.: Кравченко И. И. Модернизация сегодняшней России // Экономические модели модернизации. М.: ИФРАН, 2002. С.6-30.; Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М.: ИФРАН, 1997. С. 58.

60Именно в этом смысле следует понимать программную фразу И. В. Сталина о том, что «мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет!». Цит. по: Геллер М.Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. С. 62. Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) имел в виду зримое, материальное отставание, измеряемое в тоннах выплавляемого металла, добываемой руды, угля, нефти, в штуках выпускаемых автомобилей, тракторов, аэропланов. В этом смысле империя безусловно догоняла, по отдельным показателям и перегоняла некоторые наиболее развитые государства модерности. Но это было наращивание «материального тела» модерности, приобретающего непропорциональные, уродливые формы, когда огромная «голова» военной промышленности покоилась на рахитичном и непропорционально маленьком и слабом «теле» гражданских отраслей экономики. Созданная система могла быть относительно эффективной лишь в условиях военного или предвоенного времени, в условиях мобилизации всех сил общества на очередном участке прорыва, но не могла выдержать бег на марафонскую дистанцию в состязании с развитыми государствами модерности. Но главное, что не позволяет нам

контексте многовекового исторического взаимодействия/борьбы России и Запада участники этой гонки уже не представляются бегунами, двигающимися в одном направлении по разным, но одинаправленным дорожкам. Разнонаправленность исторических траекторий, цивилизационных парадигм, принципов развития вполне очевидна, так что достаточно сложно говорить о «догоняющем развитии» в строгом понимании этого термина.

Мы полагаем, что задача осмысления характера модернизационных процессов в России требует введения специального термина и помещения его в особый типологический ряд. Наш ключевой тезис заключается в следующем.

В результате многовекового исторического взаимодействия с западной цивилизацией в России сложилась устойчиво воспроизводимая амбивалентная ситуация, при которой социокультурные основания российской цивилизации определяется и внутренне стабилизируются маятниковым циклом, где доминанта имперской модели модернизации чередуется с компонентой модели либеральной. При этом модернизационный процесс также имеет свою устойчивую доминанту – имперскую модель модернизации.

Что такое имперская модель модернизации? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо определиться с тем, какое государственное образование является империей. Сложившаяся повседневная практика употребления этого слова страдает известным эклектизмом, империей называют совершенно разнородные по своим внутренним основаниям государственные образования. Проникая из публицистического языка в язык научный, понятие империи своей расплывчатостью и безразмерностью порождает ситуацию содержательной неопределенности.

В целом мы солидарны с типологией империй, предложенной И. Г. Яковенко, подразделившим империи на два основных типа: колониальные и идеократические (традиционные)¹⁰. Колониальные империи являются, скорее, квазиимпериями, когда метрополия, как правило, географически удалена от колоний. В колониальной империи проявление имперскости во многом заключается в эксплуатации и ограблении колоний, а также, в качестве побочного эффекта, осуществлении в определенных рамках цивилизаторской миссии «белого человека»⁶¹ воспетой, в частности, Р. Кипплингом⁶². Но колониальные империи и колониальная система в целом являются локальным феноменом эпохи экстенсивной экспансии новоевропейской индустриальной цивилизации с целью господства над регионами, характеризующимися избытком сырьевых ресурсов.

Рассматривая типологию империй, попытаемся определить, что же, собственно,

рассматривать процесс российской модернизации как сугубо догоняющий, является отторжение той формы организации социокультуры, которая и порождает это «материальное тело» модерности.

61Заметим, что именно присутствие английских колонизаторов в Индии резко ускорило процесс формирования национального самосознания среди представителей местных этнических групп. Распространение, пусть и в локальных формах, английской системы образования, европеизация местных элит и подготовила, как это не парадоксально, саму возможность национального освобождения. Империя вообще является своеобразным «инкубатором» для национальных государств. Вызревая в теле империи до достижения жизнеспособного государственного состояния, колониально зависимые народы начинают, на определенном этапе своего развития, новую жизнь, уже в качестве независимых национальных государств.

62«Твой жребий – бремя Белых! / Как в изгнание, пошли / Своих сыновей на службу / Темным сынам земли; / На каторжную работу – / Нету ее лютей, – / Править тупую толпою / То дьяволов, то детей». См. Кипплинг Р. Бремя Белых // Избранное / Пер. с англ. В.Топорова. Л.: Худ. лит., 1980. С.469.

представляет собой российская форма государственности. Разные авторы с различных позиций оценивали и оценивают имперские качества России и СССР. Так, Г. П. Федотов отмечает, что «Россия является империей своеобразной. По своей национальной и географической структуре она занимает среднее место между Великобританией и Австро-Венгрией. Ее нерусские владения не отделены от нее морями. Они составляют прямое продолжение ее материкового тела, а массив русского населения не отделен резкой чертой от инородческих окраин. Но Дальний Восток или Туркестан, по своему экономическому и даже политическому значению, совершенно соответствуют колониям западных государств. Типологическое, то есть качественное сходство с Австро-Венгрией еще значительнее»⁶³.

В свою очередь Ален Безансон не считал СССР колониальной империей, приводя достаточно убедительную аргументацию, с которой мы во многом согласны: «СССР не есть империя. Чтобы иметь империю, нужно иметь привилегированный народ, главным образом военные методы завоевания и ясно поставленные цели. Всеми этими характеристиками обладали Римская, Испанская, Британская и Французская империи. Русский народ не имеет привилегий. У него есть „преимущества“ как у наиболее надежного союзника коммунизма, и партийные лидеры в основном рекрутируются из его рядов – даже в национальных республиках. Но эти преимущества не являются правами»⁶⁴.

В обоих случаях рассматривается колониальный вариант империи, и здесь действительно можно привести аргументы в пользу противоположных позиций. С нашей точки зрения, то обстоятельство, что Россия/СССР имеет определенные черты, сближающие ее с колониальными империями, не позволяет ее именно так и классифицировать. Мы вполне солидарны с точкой зрения В. Ф. Галецкого, согласно которой «русский, турецкий, австрийский и венгерский этносы были имперообразующими, но они, как представляется, все же были в первую очередь инструментом, а не целью имперского строительства, (курсив наш. – С. Г.) Особенно это касается русского и турецкого этносов»⁶⁵.

Представляется, что проблема определения природы России как имперской (или неимперской) заключается в следующем. Империи колониальные значительно отличаются от империй идеократических. Понятие идеократической империи имеет более глубокое содержательное наполнение, поскольку целью ее существования является метафизическая сверхзадача, заключающаяся в осуществлении на земле божественного проекта. «Цели и ценности средневековой империи носят иррациональный характер. Они трансцендентны человеку»⁶⁶. В этой сверхзадаче коренятся и истоки стремления к достижению мирового господства во имя торжества трансцендентного Должного.

Именно установление всемирного, безграничного торжества Должного является доминирующей целью теократической империи, а практические, рациональные цели носят скорее дополнительный и вспомогательный характер. Идеократическая империя по своему определению всемирна⁶⁷, поэтому локализирующие империю

⁶³Федотов Г. П. Судьба империй // Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. Т. 2. СПб.: София, 1991. С.316.

⁶⁴Цит. по: Поляков Л. В. Путь России в современность: Модернизация как деархаизация. М.: ИФРАН, 1998. С. 133.

⁶⁵Население и глобализация / Н. М. Римашевская, В. Ф. Галецкий, А.А. Овсянников и др. М.: Наука, 2002. С.50-51.

⁶⁶

⁶⁷«Империя – земное отражение небесной духовной субстанции, а поскольку Святая Русь безгранична, то и Российская империя не может иметь конечных границ. Установить религиозной империи вечные границы – значит усомниться в божественном, вселенском характере породившей ее Истины. Средневековый

географические границы временны и неустойчивы. Так, американский историк А. Рибер полагает, что «имперские государства основаны на завоеваниях, их границы не являются естественными и культурными, а представляют собой военные „фронтиры"»⁶⁸.

Доктрина всемирного господства Должного, приходящая в мир через институт имперской Власти, как правило, артикулируется достаточно ясно всегда, но идеологическая оболочка в зависимости от эпохи меняется, воплощаясь в различных конструкциях. В Древнем мире и античности мы видим лишь исторические «черновики» идеократической империи, пика своего развития она достигла уже после завершения периода античности. Именно тогда средневековые христианство и ислам дали референтные (высшие) образцы имперской государственности и имперской идеологии. С нашей точки зрения, применительно к России можно говорить как об империи идеократической, империи великой мессианской идеи и в меньшей мере как об империи колониальной.

И. Г. Яковенко полагает, что российское государство «...имеет выражено имперский характер. Московское царство (восстановившееся после распада государства в Смуту) было традиционной империей. Россия 1721-1917 годов являла собой эталон империи. В последнее десятилетие тезис об имперском характере Советского Союза стал общим местом»⁶⁹. Точку зрения о имперском характере России/СССР разделяет и ряд западных историков. В качестве иллюстрации этой достаточно распространенной позиции можно привести высказывание американского историка Д. Роули, полагающего, что «и деспотизм, и империя продолжили свое существование в несколько иных формах (до 1991 года включительно. – С.Г.)»⁷⁰.

Зададимся в этой связи вполне закономерным вопросом: какие же факторы способствуют имперскому строительству и, главное, устойчивому воспроизводству империи? Это целый комплекс факторов, играющих как основную, так и вспомогательную в отношении этого процесса роль. Не следует полагать, что серия успешных завоевательных войн, а также использование имперских титулов и риторики⁷¹ являются достаточными условиями для создания и сколь-либо длительного существования империи. Декларация империи на уровне риторики, с одной стороны, и массовое распространение, укоренение имперского сознания, с другой – явления различные, далеко не всегда сопутствующие друг другу.

человек переживает империю как отражение Бога в земной топологии. И православие (коммунизм), и православная (коммунистическая) империя могут быть не вселенскими, не всемирными лишь временно, пока Создатель или История не закончили срок испытания людей. Но настанет день, и Учение, а значит и Империя, охватят собой весь мир. На этом стоит традиционное религиозное сознание». См.: Яковенко И. Г. От империи к национальному государству (Попытка концептуализации процесса) // Полис. 1996. №6. С. 119.

68Цит. по: Большакова О. В. Российская империя: Система управления (Современная зарубежная историография): Аналитический обзор / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. отеч. и зарубеж. истории; отв. ред. Шевырин В. М. М., 2003. С. 35.

69Яковенко И. Г. Российское государство: Дополнительность социального и культурного анализа // Россия: Трансформирующееся общество / Под ред. В.А.Ядова. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С. 171.

70Цит. по: Большакова О. В. Российская империя: Система управления (Современная зарубежная историография): Аналитический обзор / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. отеч. и зарубеж. истории; отв. ред. Шевырин В. М. М., 2003. С.31.

Именно наличие устойчивого и постоянно воспроизводимого имперского сознания делает возможным как успешное строительство империи, так и ее перманентное возрождение. Мы не приуменьшаем в этом смысле значение геополитических факторов, без удачного совпадения которых мечты о создании или возрождении империи так и остаются мечтами, удачное сочетание геополитических факторов столь же необходимая часть этого условного двучлена имперского строительства.

Из истории известно, что в средневековой Европе не удалось выстроить сколь-либо полноценные теократические империи, хотя попытки имперского строительства предпринимались на протяжении всего этого периода. Европейская история пестрит калейдоскопической сменой имперских наименований, так, например, французские крестоносцы захватили власть в Восточной Римской империи (Византии), получившей у историков конца XVIII века название «Латинская империя». Известный французский историк Ф. Бродель описывает первую и вторую Генуэзскую империи, состоявших из собственно Генуи и ее торговых факторий⁷². Существовали Датская империя⁷³ империя Каролингов, и наконец, наиболее известная, Священная Римская империя. Европа на протяжении всего Средневековья стремилась к возрождению Римской империи; один из идеологов создания единой Европы, французский политик Р. Шуман, заметил, что «начиная от Каролингов и кончая Карлом V идея создать Германскую империю по образцу Римской империи придавала их непомерным усилиям что-то мистическое»⁷⁴.

Однако ни у Каролингов, ни у Оттонов имперское строительство не увенчалось воссозданием ее более или менее правдоподобного, аутентичного и, главное, устойчивого образца. Так, даже наиболее известная средневековая империя на западе Европы – Священная Римская империя германской нации являла собой территориальное образование с неустойчивыми границами, а император не имел своего постоянного домена⁷⁵. В результате этих героических усилий, предпринимаемых в течение всего европейского Средневековья, развернутого теократического проекта в Европе осуществить не удалось.

Это обстоятельство не исключает рецидивов имперских тенденций уже в Европе Нового и Новейшего времени, проявившихся, в том числе, в попытках практического осуществления имперского проекта. В Европе XIX века можно вспомнить имперское строительство Наполеона Бонапарта, в Европе XX века – предполагавшийся тысячелетним гитлеровский Третий рейх. Сами попытки практического имперского строительства оказались достаточно скоротечными, а созданные образования имперского типа – неустойчивыми. Мы полагаем, что имперское строительство в Европе является скорее побочной линией, неким историческим аппендиксом. Мы вполне солидарны с положением, согласно которому генеральной линией, доминантой исторического развития в европейской истории выступал процесс формирования национальных государств⁷⁶, в то время как все ответвления от этой

⁷²Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 1: Роль среды / Пер. с фр. М.А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 446-448.

⁷³См., напр.: Кеншсбергер Г.Г. Средневековая Европа, 400-1500 годы / Пер. с англ. А. А. Столярова, Предисл. Д. Э. Харитоновича. М.: Весь Мир, 2001. С. 113.

⁷⁴Шуман Р. За Европу / Пер. с фр. В. Божовича. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 39.

⁷⁵См., напр.: Егер О. Средние века: Всемирная история в четырех томах. Т. III. М.: АСТ, 2000. С. 79-120.

⁷⁶См., напр.: Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др; Пер. с нем. М. С. Панина. М.: Праксис, 2002. С. 121-145.

линии показали свою историческую неэффективность: «Европа – это единственный культурный мир, который развивался не имперским путем. То, что мы называем Азией, – зона имперского развития...»⁷⁷.

Имперское строительство в Европе носило лишь компенсаторный, дополнительный характер, имперский принцип государственного устройства оказался не в состоянии эффективно конкурировать с линией, направленной на создание национальных государств. Но эта конкуренция в целом оказалась полезна, поскольку сама идея национального государства, вырастающая из средневековых национальных монархий, смогла получить свое практическое воплощение в исторической полемике с универсалистско-имперским теократическим проектом.

Вследствие общей направленности европейского исторического процесса к формированию национального государства имперское сознание в европейских странах не смогло укорениться «всерьез и надолго», что не позволило проводить в рамках Европы эффективную политику имперского строительства. Даже в Испании при Габсбургах, более других приблизившихся к осуществлению имперского проекта, имперское сознание не стало преобладающим в общественном сознании: уже Филиппа II гранды называли не императором, а королем.

Австрийские Габсбурги стремились к укоренению на своей территории имперской традиции и культивации духа империи, и Австро-Венгерская империя просуществовала в течение нескольких столетий. Ее устойчивости и воспроизводимости во времени в немалой степени способствовала и необходимость военного сдерживания Османской империи, поскольку отдельные народы, населяющие Австро-Венгрию, по одиночке это сделать были не в состоянии. Но после ослабления и последующего угасания Османской империи последовал относительно безболезненный распад Австро-Венгерской империи, и австрийский народ не сохранил сколь-либо значимых имперских комплексов. Имперский рецидив в австрийской истории все-таки имел место, когда во время включения Австрии в 1938 году в состав гитлеровского Третьего рейха был незначительный всплеск имперских настроений, не оказавший в силу своей временной ограниченности серьезных последствий для национального сознания.

Колониальные империи были еще менее способны к формированию исторически устойчивых имперских комплексов. Так, в Англии, наследнице огромной колониальной империи, ностальгия по колониально-имперскому величию сохраняется не столько в массовом, сколько в субкультурном сознании аристократических слоев. Еще в меньшей степени имперское наследие воздействует на современных голландцев, бельгийцев, португальцев, построивших, как, впрочем, и англичане, национальное государство и гражданское общество: «Нация... отличается от Империи тем, что Империя объединяет людей через „службу себе" (через „государево дело"), а Нация – через взаимозависимость „каждого с каждым", через взаимосвязь всех автономных, „приватных дел"»⁷⁸.

Таким образом, внутренние тенденции западноевропейской истории в значительной мере определялись взаимодействием доминантной линии формирования национальных государств, дополняемых компонентой имперских тенденций. Внешнее воздействие на западноевропейское развитие оказывало длительное противостояние с «настоящей», т. е.

77Померанц Г. Великие нации живут мировыми задачами // Западники и националисты: возможен ли диалог?: Материалы дискуссии. М.: ОГИ, 2003. С. 127.

78Кара-Мурза А.А. Между «Империей» и «Смутой» // Между «Империей» и «Смутой»: Избранная социально-философская публицистика. М.: ИФРАН, 1996. С.88.

теократической империей. Сначала это была Восточная Римская империя (Византия), затем Арабский Халифат, в последующем Османская империя и последовательно Московия (начиная с завоевания Иваном Грозным Казанского и Астраханского ханств), Российская империя, СССР. Обращаясь к вопросу об истоках и смысле русского коммунизма, Н. А. Бердяев вполне справедливо отмечал, что «большевизм есть третье явление русской великодержавности, русского империализма, – первым явлением было московское царство, вторым явлением петровская империя»⁷⁹.

В теократических империях имперские тенденции носят доминантный характер, а процессы формирования национального государства не завершаются, не доходят до зрелых форм национального строительства. Все остальные слагаемые культурно-цивилизационной системы выстраиваются противоположным образом, то есть все то, что в Европе является доминантным и системообразующим, в империях периферийно и маргинально и, соответственно, наоборот.

В ходе исторического процесса на протяжении веков базовые характеристики крупных культурно-цивилизационных общностей формируются по принципу самоопределения по отношению к своей противоположности. В качестве примера подобного подхода можно привести точку зрения Б. С. Ерасова: «Ислам и индуизм, существовавшие на протяжении веков бок о бок нередко в рамках одного общества, совершенствовали свою символику и вероучение в постоянном взаимодействии и отталкивании друг от друга»⁸⁰.

Европа не стала бы Европой, не будь по соседству теократической империи и не вызывая она постоянного страха у европейцев, возникающего по разным поводам, но всегда как страх части против целого, малого против большего⁸¹. Россия развивалась в постоянном взаимодействии с Европой, чаще это взаимодействие происходило в процессе военных действий, а не торговых обменов, но война также является частной формой межкультурного взаимодействия, представляя возможность для восприятия инокультурного опыта. Россия без европейского воздействия также развивалась бы по-иному.

В связи с этим нам представляется не только возможным, но и необходимым рассматривать проблему российской модернизации не как саморазвертывающийся процесс, протекающий сам по себе как нечто естественное, а как один из аспектов вышеозначенного макроисторического диалектического взаимодействия.

Что же такое имперская модернизация? Империя не ставит своей задачей эволюционировать в направлении интеграции в цивилизацию модерности, более того, она боится либерального перерождения и внутренней слабости, неизбежной при принятии инокультурных институтов политической демократии,

⁷⁹Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. М.: Наука, 1990. С.99.

⁸⁰Ерасов Б. С. Цивилизации: Универсалии и самобытность / Б. С. Ерасов; Отв. ред. Н. Н. Зарубина. М.: Наука, 2002. С. 132.

⁸¹В качестве характерного примера возможно привести слова Г. Гейне, выразившего витавший в европейском воздухе страх в отношении «стремлений Московии, которая замышляет ни более ни менее, как завоевать или хитростью добыть на берегах Босфора ключ ко всемирному господству... Воодушевление римско-католическими догматами уже поизносилось, идеи революции возбуждают только вялый энтузиазм, и нам, конечно, надо поискать новых, свежих источников фанатизма, которые мы могли бы противопоставить неограниченной славяно-греко-православной вере в императора». См.: Гейне Г. Лютеция: Статьи о политике, искусстве и народной жизни / Пер. с нем. А. В. Федорова: Сочинения: В 10 т. Т.8 / Под ред. Н.Я. Берковского, В. М. Жирмунского, Я. М. Металлова. М.: Госиздат, 1958. С. 119.

капиталистического рынка, необходимости брать на себя обязательства в сколь-либо значительном объеме соблюдать права человека.

Задачи имперской модернизации состоят не в перерождении, размягчении империи, для нее важно взять у противника только то, что позволит успешно с ним бороться (в более мягком варианте – конкурировать). Имперская модернизация предполагает не структурную трансформацию общества, но преимущественно количественные изменения внутри тех или иных сфер, прежде всего связанных с потребностями военного строительства. Более того, имперская модернизация осуществляется, прежде всего, во имя стабилизации и консервации базовых характеристик империи, чему служат как инокультурные заимствования, так и достижение конкурентоспособности отдельных элементов культурно-цивилизационной системы.

Так, в отношении частного, но вполне представительного случая имперской модернизации советского периода, Л. Пелликани полагает, что если «общество модерна – правовое общество, то коммунистическое государство в своих действиях не связано никакими законами. Коммунистическое государство не является тоталитарным вариантом государства модерна, поскольку отрицает все главные принципы модерности и заимствует только научно-технические достижения для установления господства партийной бюрократии»⁸².

Переход в результате модернизации от империи к национальному государству мы наблюдаем на примере Турции⁸³ где национальная элита осознала неэффективность и прямую губительность имперской политики: «В государстве, которое, простираясь от Востока до Запада, соединяет в себе различные национальные элементы, обладающие различными характерами и культурой, внутренняя организация естественно порочна в самой своей основе и является потому несостоятельной»⁸⁴. Пройдя через длительный период упадка и военных поражений, Турция показала миру редкий пример добровольной деконструкции теократической империи, найдя в себе силы сменить имперскую парадигму на программу построения национального государства⁸⁵.

Уже в 1923 году Мустафа (Кемаль) Ататюрк пошел на радикальный разрыв с имперским наследием, отказавшись от старой письменности, представлявшей собой турецко-арабо-персидскую смесь на основе арабского алфавита, заменив ее на новый официальный язык, созданный на основе разговорных форм и основывающийся на латинице. «Создание современной Турции в результате реформ Кемалю Ататюрку можно рассматривать как парадигматический образец гражданского национализма... Ататюрк выбрал Запад, наиболее отчетливо выразив это отменой культурного и литературного средства, через которое выражала себя мусульманская элита империи»⁸⁶. В последние десятилетия Турция активно движется в направлении интеграции в европейское политическое, экономическое, культурное пространство. В то же время возможность аналогичного выбора для

82Цит. по: Фомичев П. Н. Дискурсы глобализации и тенденции развития социологии: Аналитический обзор // Социологические исследования на пороге XXI в. / РАН. ИНИОН. М., 2000. С.36-37.

83Более подробно см., напр.: Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М.: ИФРАН, 1997. С 212-230; Лурье СВ. Историческая этнология. М.: Академический проект, 1997. С. 242-254.

84Кемаль М. Путь новой Турции. Т. III. Интервенция союзников. Греко-турецкая война и консолидация национального фронта 1920-1921. М.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1934. С. 72.

85Там же. С. 72-73.

86Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру: Пер. с англ.; Под ред. В. И. Иноземцева. М.: Логос, 2003. С. 11-12.

России затрудняется инерционным воздействием традиционной феодально-имперской программы.

Имперская модернизация не связана с деконструкцией империи, напротив, ее успешное проведение способствует решению задач имперского строительства и воспроизводства в новых исторических и социокультурных условиях. Именно специфика выполняемых задач позволяет рассматривать имперскую модернизацию как особый историко-культурный феномен.

Мы изложили общую модель имперской модернизации; естественно, что реальные исторические и социокультурные процессы протекают не столь прямолинейно и механистично. Противостояние и конфликт тоже являются формой культурно-цивилизационного диалога, а его диалектика не укладывается в жесткие механистические схемы. Отклонения от этих схем не отменяют общей логики, выстроенной в контексте исторического взаимодействия с Европой, нашедшего свое выражение в асимметричном и неравновесном сочетании имперской и либеральной моделей российской модернизации.

Под либеральной моделью мы понимаем такой тип восприятия культурно-цивилизационного опыта Запада, который предполагает трансформацию российского общества в либеральном направлении. Согласно точке зрения Дж. Бербанк, «воображаемый „Запад" стал моделью или антимоделью для воображаемой „России", и эта бинарная оппозиция отрезала возможность иных культурных проектов»⁸⁷. Таким образом, историческая диалектика отношений России и Запада в контексте модернизации приобретает еще одно измерение, которое лишь на первый взгляд представляется сугубо внутренним измерением российской цивилизации.

Употребление термина «российская цивилизация» небесспорно. Ряд культурологов и исследователей цивилизаций, в частности Гр. Померанц, считают его неправомерным, тем не менее, значительная часть исследователей принимают этот термин⁸⁸. С нашей точки зрения термин «российская цивилизация» выглядит вполне корректным в качестве обозначения субцивилизации внутри восточнославянской (или православной) цивилизационной общности.

Имперская и либеральная модели модернизации в российской истории находятся не просто в состоянии последовательного чередования, эта последовательность не столь линейна. Как разные по силе проявления тенденции, они практически всегда действуют параллельно. В период, когда империя переживает очередной этап имперской модернизации, инокультурные элементы, нелегитимные по отношению к имперским элементам социокультурной системы, в эту систему неизбежно проникают: «Стремление завершить трансформацию наиболее архаичных общественных институтов соседствовало с негативным восприятием западного опыта капиталистической модернизации. Желание сохранить реальные или мнимые достоинства национальной культуры с теми или иными особенностями социокультурной структуры входило в противоречие с процессом даже сильно ограниченных военно-административных преобразований»⁸⁹.

Проникая в российское социокультурное пространство, эти инокультурные

87Цит. по: Большакова О. В. Парадигма модернизации в англо-американской русистике (Российская империя) // Политическая наука. Политическое развитие и модернизация: Современные исследования: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. политической науки. Росс, ассоц. полит, науки; Отв. ред. и сост. А. Г. Володин. М., 2003. С. 156.

88См., напр.: Ерасов Б. С. Цивилизации: Универсалии и самобытность / Б.С.Ерасов; Отв. ред. Н.Н.Зарубина. М.: Наука, 2002. С.419-461.; С.Хантингтон говорит о православной цивилизации с центром в России, см.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М: АСТ, 2003. С.56.

элементы способствует внутренней эрозии имперских оснований системы, подготавливая тем самым почву для последующего всплеска либеральной модернизационной тенденции. В свою очередь, изобилие инокультурных элементов, сопровождающееся ослаблением имперских оснований социокультурной системы, вызывает брожение в обществе и, как правило, различную по степени жесткости репрессивную ответную реакцию со стороны имперской системы.

Постоянное проникновение в пределы российской социокультурной системы европейского влияния, инфильтрация в нее западных по своей генеалогии элементов во многом определяют амбивалентное чувство притяжения и отторжения, которое испытывает Россия в отношении Запада, ставшего «...для русских одновременно и целью, к которой стремятся, и целью, по которой стреляют...»⁹⁰. Что любопытно, для российского западника Запад – это, скорее, воплощенное Должное: «Запад для „западника" – лишь идеальная точка зрения, а не культурно-географическая реальность»⁹¹. На другом полюсе общественной и культурной жизни знак восприятия западной цивилизации меняется на прямо противоположный: «...от Запада к нам идет зло. Это стимулирует страх, активность субъекта по защите наших ценностей, активной к ним партиципации и нашей высшей Правды, стимулирует страх перед отпадением, что автоматически ведет к партиципации ко злу Запада»⁹².

Следует отметить, что рефлексия по поводу азиатской компоненты в российской цивилизации в общественном сознании выражена значительно более слабо, чем постоянная дискуссия о нашем отношении к Европе. Отмечается, что в составе России есть и своя «внутренняя Азия – азиатские народы и азиатская территория, но все-таки она не может причислить себя к Востоку, потому что в течение многих веков модернизировала свое евразийское пространство»⁹³.

Подданные империи испытывают к либеральной цивилизации противоположные чувства притяжения и отторжения. С одной стороны, империя стремится овладеть притягательными благами либеральной цивилизации – товарами, знаниями, технологиями, но с другой стороны, имперское сознание отвергает ту целостную систему, которая эти блага порождает. Сталкиваясь с обилием инокультурных заимствований, имперская социокультурная система боится перерождения, поскольку, достигнув определенных количественных уровней, инокультурные элементы начинают самоорганизовываться и воспроизводить систему целиком. Здесь вполне уместно вспомнить Т. Парсонса, рассматривавшего процессы сегрегации импортируемого социокультурного опыта в странах, осуществляющих модернизацию, и отметившего, что в постоянных попытках подразделить импортируемый инокультурный опыт на приемлемый и не приемлемый проявляется тенденция к сохранению ценностей культуры «высшего уровня, открывая в то же время дорогу радикальным изменениям на следующем уровне ценностной спецификации, т. е. на уровне основных функциональных подсистем»⁹⁴.

89Соловьев Э. Г. У истоков российского консерватизма // Политические исследования. М., 1997. №3. С. 146.

90Цит. по: Пивоваров Ю. С. Русская история как «Русская идея». Часть II. Властечетричные и идеологические основания // Россия и современный мир. 2003. №3. С. 29.

91Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Избранные статьи: В III т. Т. II. Таллинн: Александра, 1992. С. 18.

92Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. II. М.: Филос. общество СССР, 1991. С. 352.

93Федотова В. Г. Между Европой и Азией // Западники и националисты: возможен ли диалог?: Материалы дискуссии. М.: ОГИ, 2003. С. 82.

94Парсонс Т. Очерк социальной системы // О социальных системах / Пер. с англ.

С нашей точки зрения, в России эти изменения на уровне основных функциональных подсистем строго дозировались, поскольку заимствуемое должно функционировать в узких, жестко ограниченных рамках и ни в коем случае «не пускать корни», иначе диссистемные элементы могут оформиться в альтернативную систему. Поэтому дозирование и сегрегация инокультурных элементов является задачей, к решению которой имперское сознание всегда относится очень серьезно.

Существующий механизм поддержания внутренней стабильности российской социокультурной системы, постоянного воспроизводства имперского сознания препятствует инновационным процессам. Система ограждается от внешней среды при помощи контроля и подавления нежелательной, с точки зрения элиты, социокультурной информации. Московское царство, Российская империя, СССР стремились воспринимать инокультурную, прежде всего западную, информацию, относящуюся к сфере технологическо-инструментальной. Таким образом, достигалось воспроизводство социокультурной, религиозной идентичности, замедлялись процессы исторической и социокультурной динамики, когда «образ их воспитания, чуждый всякого основательного образования и гражданственности, признается их (московскими. – С.Г.) властями самым лучшим для их государства и наиболее согласным с их образом правления, которое народ едва ли бы стал переносить, если бы получил какое-нибудь образование и лучшее понятие о Боге, равно как и хорошее устройство. С этой целью цари уничтожают все средства к его улучшению и стараются не допускать ничего иноземного, что могло бы изменить туземные обычаи»⁹⁵.

Временами политика контроля и ограничения коммуникаций приобретала черты автаркии, т. е. последовательного и целенаправленного обособления страны в экономической, политической, культурной сферах. Примеров этого ограничительного подхода к информации и человеческим контактам, идущим из Европы, великое множество, здесь же приведем лишь несколько из них. Так, информационные сообщения своего времени – «Куранты», составлявшиеся на основании иностранных источников в Посольском Приказе, – до января 1703 года считались государственной тайной⁹⁶ это то, что касается контроля за распространением информации. В качестве иллюстрации к сфере ограничения человеческих контактов можно привести следующий исторический факт: уже «Иван III ввел смертную казнь за переход западной границы»⁹⁷.

Подобная практика не раз впоследствии воспроизводилась в отечественной истории. Еще раз в качестве иллюстрации сказанного обратимся к запискам Дж. Флетчера: «Бежать отсюда (из Московии. – С.Г.) очень трудно, потому что все границы охраняются чрезвычайно бдительно, а наказание за подобную попытку, в случае, если поймут виновного, есть смертная казнь и конфискация всего имущества. Учатся только читать и писать, и то весьма немногие. По той же причине не дозволено у них иностранцам приезжать в их государство из какой-либо образованной державы иначе, как по торговым сношениям, для сбыта им своих товаров и для получения через них чужеземных товаров»⁹⁸. На новом этапе

А. Харраша; Под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. М.: Академический Проект, 2002. С. 662.

⁹⁵Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов) / Отв. ред. и автор вступит. статьи Н. М. Рогожин; Сост. и автор комментариев Г. И. Герасимова. М.: Междунар. отношения, 1991. С. 137.

⁹⁶Пайпс Р. Россия при старом режиме / Пер. с англ. В. Козловского. М.: Независимая газета, 1993. С. 50.

⁹⁷Кантор В.К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации: Историческо-социологические очерки. М.: РОССПЭН, 1997. С. 123.

⁹⁸Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI-XVII

исторического развития, уже в XX веке, практика контроля, ограничения и монополизации информации стала повседневной практикой тоталитарных режимов, «институциональная монополизация истинного слова, запрет на стилевое разнообразие... вошли в инструментарий тоталитарного насилия»⁹⁹.

Отметим, что одно из присущих империи противоречий заключается в малосочетаемых с точки зрения формальной логики в одном государственном организме началах изоляционизма и агрессии. С одной стороны, для империи характерно жесткое метафизическое противопоставление своих и чужих и отгораживание от последних всеми возможными способами, поскольку «премудрость бо еллинская мати всем лукавым догматом»¹⁰⁰. Так, еще в XVII веке архангельские купцы, возвращаясь домой после общения с иностранцами, совершали в церкви специальные очистительные обряды, о распространенности данной практики свидетельствует и Сигизмунд Герберштейн: «Кто ел с латинянами, зная об этом, должен быть очищен очистительными молитвами... Купцы и путники, ходящие в латинские страны, не лишаются причастия, но допускаются к нему после примирения с церковью через покаянные молитвы»¹⁰¹.

С другой стороны, это же четкое подразделение мира на «эллинов и варваров», чистых и нечистых, праведных и неправедных провоцирует империю на борьбу с Мировым злом, как правило, осуществляемую посредством использования военной силы, экспансионистского расширения, поскольку идеократическая империя предпочитает рассматривать себя как империю всемирную. Именно поэтому империя просто не может, не имеет внутреннего права стоять на месте и обживать пространство внутри естественных границ. О британской колониальной экспансии метафорично и поэтически сказано у Ханны Арендт: «Экспансия – это все... Я аннексировал бы планеты, если бы мог»¹⁰². Этот порыв к мировому господству действует с непреложностью природного инстинкта, и посему печальный исторический опыт мировых империй, поглотивших больше, чем способны переварить (обустроить), не учитывается последователями дела имперского строительства¹⁰³.

Сами подданные империи, разделяющие имперские представления, полагают, что если бы не неблагоприятные исторические обстоятельства, чьи-то ошибки и недочеты на местах, то практическое осуществление проекта мирового господства,

веков глазами дипломатов) / Отв. ред. и автор вступительной статьи Н. М. Рогожин; Составитель и автор комментариев Г. И. Герасимова. М.: Междунар. отношения, 1991. С.71-72.

99Кола Д. Политическая социология / Пер. с фр. А. И. Кристаловского, Ю. А. Немешева, А. А. Тарасевича-Скрыльникова; Предисл. А. Б. Гофмана. М.: Весь Мир, ИНФРА-М, 2001. С.260.

100Аввакум, «Писанейце» боярину Ф.М.Ртищеву // Житие Аввакума и другие его сочинения / Сост., вступ. ст. и коммент. А. Н. Робинсона. М.: Сов. Россия, 1991 С. 127.

101Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеина, А.В.Назаренко; Под ред. В.Л.Янина. М.: Изд-во МГУ, 1988. С.95.

102

103В конце XIX - начале XX веков царское правительство всерьез рассматривало идею о прокладке железнодорожных путей через Персию в Индию, имевшую своей целью распространение на этот регион российского влияния. Планы эти вызвали серьезное беспокойство у английских колониальных властей: «Мысль о вторжении в Индию русской армии кажется на первый взгляд нелепой, но кто не признал бы до русско-японской войны нелепою мысль об отправке полумиллионной армии в Манчжурию...». См. Павлович М.П. (Мих. Вельтман) Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего: (К вопросу о причинах мировой войны). Кн. 1. 4.2. 2-е изд., доп. М.–Пг.: Книгоиздательство «Коммунист», 1919.С.55.

или, по меньшей мере, установление контроля над обширными территориями, обрамляющими границы империи, вполне возможно¹⁰⁴. Мнение, разделяемое многими россиянами, что если бы не беловежские соглашения (национальное предательство и сговор за спиной народов), то СССР мог бы существовать чуть ли не вечно – явление из того же смыслового ряда.

Насколько эти представления противоречат нараставшим в конце 80-х – начале 90-х годов XX века тенденциям, помнят, очевидно, современники тех событий. В 1990 году М. Гефтер, как и многие в те годы в СССР и за его пределами предчувствовали близкий цивилизационный слом, очередной русский бунт и геополитический передел: «А уже на близком, на подходе, – Россия как вызов, как неизвестность, как вулкан, который едва начинает дымиться, а завтра такую лаву вывалит из своего кратера, которая сожжет гораздо больше судеб человеческих, чем лава азербайджано-армянской междоусобицы»¹⁰⁵. К счастью, эти предчувствия не стали отражением будущей реальности, учитывая масштаб геополитического слома, все обошлось относительно мирно.

Но предположим на минуту, что не было бы «предательства», а был вдохновенный патриотический порыв в России, на Украине, в Закавказье... Предположим, что советская армия выполнила присягу на верность СССР и силовыми (военными) методами попыталась навести «порядок» в национальных республиках бывшего союзного государства. Готовность участвовать в событиях по такому сценарию в стране была. В мае 1991 года в Москве проходила первая Всероссийская конференция воинов-интернационалистов, принявшая обращение к военнослужащим армии и флота, в котором, в частности, говорилось следующее: «В сложных условиях внутригосударственной обстановки армия остается надежным гарантом нерушимости Союза ССР, залогом гражданского согласия и мира, оплотом безопасности общественного развития»¹⁰⁶.

Развитие событий по силовому сценарию означало бы, как минимум, десятилетие, проведенное в окопах, миллионы загубленных человеческих жизней, десятки миллионов беженцев и вынужденных переселенцев, прямое или опосредованное участие в конфликте различных государств и военных блоков из дальнего зарубежья. Кто в такой ситуации может претендовать на имя патриота, человека, которому небезразлична судьба его сограждан, а кто – на имя потенциального военного преступника (см. развитие ситуации в бывшей СФРЮ)? С нашей точки зрения, патриотами, людьми, спасшими свои народы от братоубийства, чуть ли не впервые в истории империи принявшими меры не постфактум, а упредительно, стали Борис Ельцин, Станислав Шушкевич и Леонид Кравчук. Кроме того, организация разнородных географических и культурных пространств под эгидой империи – это даже не столько вчерашний, сколько позавчерашний этап развития человечества, XX век вообще можно определить как век деконструкции империй.

Постараемся теперь обрисовать идеально-типический образ пропитавшегося эманациями Должного подданного империи. Этот образ социального субъекта крайне противоречив, и эта противоречивость стала более акцентированной, явной благодаря процессам модернизации. Имперская власть, осуществляющая имперскую модель модернизации, желает видеть абсолютно послушного себе

104Вспомним, например, мечту первых лет советской власти о создании Всемирной Республики Советов или практическое установление политического и военного контроля со стороны СССР, осуществившееся после окончания Второй мировой войны над странами Восточной Европы и союзнических отношений с Китайской Народной Республикой, что в совокупности покрывало основную часть империи Чингизхана.

105Гефтер М. Порог (Из монологов 1990 года) // Век XX и мир, 1990. №6.С34.

106Цит. по: Геллер М.Я. Российские заметки. 1991-1996. М.: МИК, 1998. С.28.

подданного, обладающего в то же время активной жизненной позицией. Так, французский историк Левек заметил, что «Петр еще больше увеличил рабство русских, требуя, чтобы они стали похожими на свободных людей»¹⁰⁷, а наш современник, А. Безансон, обращаясь уже к эпохе царствования Николая I, отмечал, что власть безуспешно пыталась решить еще петровскую дилемму – как «заставить раба, сохранив его таковым, действовать сознательно и свободно»¹⁰⁸.

Заметим, что проблема эта не решаема в принципе, когда человек берет на себя всю тяжесть принимаемых решений и несет за них полноту ответственности, он перестает быть рабом и становится свободным, вне зависимости от преходящих исторических обстоятельств. О таком освобождении советского человека перед лицом чрезвычайных обстоятельств, на войне в ее крайних проявлениях писал Василий Гроссман в романе «Жизнь и судьба», ощущение внутреннего освобождения было и у героев Виктора Некрасова в «Окопах Сталинграда», когда под огнем, отрезанные от начальства, командиров и комиссаров, люди становились свободными, переставали бояться говорить вслух о И. В. Сталине, политических репрессиях, концентрационных советских лагерях.

Но имперская власть полагает иначе; кроме кратких в контексте исторического времени перерывов не прекращая эту искусственную, основанную на системе воспитания, пропаганды и репрессий селекцию-выведение имперского субъекта, совсем еще недавно воплощенного в идеально-типическом образе советского человека. В нем должны сочетаться беззаветная любовь к государству и в то же время отсутствие каких-либо частных интересов; он должен был быть оптимистичен, спортивен¹⁰⁹ и альтруистичен, а главное, в любой момент без колебаний готов пожертвовать собственной жизнью ради осуществления очередного идеократического проекта.

Имперская «держава, основанная на аккумулярованной и монополизированной мощи всех своих индивидуальных членов, неизбежно лишает каждого из них его силы, отнимает у него его природные и человеческие возможности. Он становится винтиком накапливающей власть машины, и ему остается только утешать себя тонкими размышлениями о конечном ее предназначении, сама же машина устроена так, что, просто повинувшись своему внутреннему закону, она может сожрать земной шар»¹¹⁰.

Кроме того, он не имеет собственности в западном, юридическом смысле. Все, чем он владеет, принадлежит ему лишь временно и условно, с позволения Власти, которая в любой момент вправе все отобрать, поскольку такие понятия, как право на частную собственность и свобода личности в этой системе ценностей практически отсутствуют. На вербальном уровне и даже на уровне письменных деклараций и «законодательных» актов они могут присутствовать, но слова, не имеющие ни институционального, ни ментального подкрепления, остаются не более чем благими декларациями. Счастье идеально-типического подданного империи не в правах и свободах, не в собственности, а в бескорыстном служении Должному, являющемуся

107Цит. по: Стариков Е. Н. Общество-казарма: от фараонов до наших дней. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. С. 306-307.

108Безансон А. Россия в XIX веке // Советское настоящее и русское прошлое: Сборник статей / Пер. с фр. А. Бабица (главы IV-XI) и М. Розанова (главы I-III). М.: МИК, 1998. С. 13.

109Вспомним, в частности, парады советских физкультурников на Красной площади в СССР 30-х годов, посмотрим для наглядности кинохронику того времени или пройдем по залам, посвященным советскому искусству 20-х – 40-х годов XX века в Третьяковской галерее на Крымском валу.

110Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю.А.Кимелева, А.Д.Ковалева и др. М.: Центр Ком, 1996. С.214.

ему в образе имперской Власти: «Служба для государства на высоком посту – это и есть подлинная самореализация в России»¹¹¹.

Мифологема идеального подданного империи является одной из главных химер имперского сознания, демонстрируя значительную историческую устойчивость и воспроизводясь на новых отрезках исторической и социокультурной динамики, получая соответствующие времени идеологические и лексические опосредования. Более того, проецируясь в различные сферы общественного сознания, эта мифологема носит всепроникающий характер. А. Ф. Лосев, размышляя о современной ему России XX века, говорил о том, что «Россия, конечно, немножко приобщилась к Западу, но безличного, бездушного, безыдейного, каменного здесь очень много. Рабства много»¹¹².

В эпоху модерности институциональная и ценностно-нормативная экспансия западной цивилизации модерности «породила длящуюся и поныне конфронтацию между культурными и институциональными основами западного модернизма, с одной стороны, и основами других цивилизаций, как целых регионов, так и отдельных стран – с другой»¹¹³. С этой экспансией связан еще один феномен, о котором нельзя не сказать в контексте нашего дискурса. Речь идет о так называемом «эффекте навязанного развития», хотя сам этот термин не имеет четкого определения и довольно широко употребляется культурологами, социологами и политологами¹¹⁴. Эффект навязанного развития не является самостоятельной моделью модернизации, это во многом иллюзия модернизации, сопутствующая различным ее моделям. Нередко приходится встречать изложение позиции, согласно которой имитативные формы либерального общества, в ходе модернизации искусственно привносимые в общества традиционные, со временем усваиваются, превращаются из имитационных в подлинные.

Еще В. Г. Белинский, сравнивая современные ему Москву и Петербург, замечал, что в северной столице западное влияние привело к тому, что в быт простонародья вошли «кофе и сигары, которыми даже лакомятся подгородные мужики, а прекрасный пол... без кофею решительно не может жить; подгородные крестьянки Петербурга забыли уже национальную русскую пляску для французской кадрили, которую танцуют под звуки гармоники, ими самими извлекаемые...»¹¹⁵.

Имитационные формы повседневной жизни прививаются достаточно легко, но сколь велика дистанция от усвоения формы к усвоению содержания. Процесс наполнения имитативной формы соответствующим содержанием не более чем вероятностен, хотя российская модернизация долгое время осуществлялась в форме подражания внешним проявлениям европейской культуры. Элемент подражания внешним формам чужой культуры можно увидеть, в частности, как в преобразованиях Петра I, так и в модернизационных трансформациях послепетровского периода.

111Скворцов Л. В. Осевая связь России и Западной Европы: глобальное значение евразийского равновесия // Гипотетический эзотеризм и гуманитарное самосознание: Избр. тр. М.: РАН ИНИОН, 2000. С.235.

112Бибахин В. В. Из рассказов А. Ф. Лосева // Начала: Религиозно-философский журнал. 1992. №2(8). С. 129-130.

113Эйзенштадт Ш.Н. Множественность модернизмов в век глобализации // Глобализация: Контуры XXI века: Реф. сб. / РАН. ИНИОН. Центр научно-информ. исслед. глобальных и региональных пробл. Отд. Восточной Европы; Отв. ред. Малиновский П. В. М., 2002. Ч. 1. С. 139. (Сер.: Глобальные проблемы современности).

114См., напр.: Black C. E. The Dynamics of Modernization: a Study in Comparative History. N.Y., 1966.

115Белинский В. Г. Петербург и Москва // Современные записки. М.: Сов. Россия, 1983. С. 247.

В то же время в случае прекращения внешнего воздействия достаточно часто наблюдается процесс отторжения либеральных реформ, навязанные формы либерального жизненного уклада в ряде случаев могут исчезать почти полностью, не оставляя ощутимого следа. Более того, антимодернизационная волна часто отбрасывает общество до уровня исторически более низкого, чем предмодернизационный. Классическим примером в этом отношении может служить взрыв традиционализма, произошедший в форме исламской революции в Иране, это пример поучительный, но далеко не единственный. Наша собственная история дает этому немало примеров, и здесь уместно вспомнить, что «Россия в основе своей цивилизации – Азия, но эту Азию Петр повернул в Европу и европеизировал верхний слой, народ оставив азиатским. В результате, когда империя рухнула, верхний европейский слой был почти полностью сметен и в несколько приемов уничтожен»¹¹⁶.

Мотив навязанного развития присутствует в российской исторической практике двояко. О нем приходится говорить в связи с тем, что империя вынуждена заимствовать у Запада не только технологии, но и определенные социокультурные институты в целях эффективного противостояния тому же Западу в условиях мирового стратегического соперничества. Такое вынужденное заимствование нельзя назвать прямым эффектом навязанного развития, но и недооценивать инокультурное влияние было бы серьезной ошибкой. Нетрудно представить, как бы строились отношения между имперской российской властью и ее подданными, если бы не косвенное, а иногда и прямое присутствие (давление) Запада, вспомним хотя бы требование западных стран, предъявляемые к СССР после подписания Хельсинского заключительного акта, в частности, его гуманитарной «четвертой корзины»: соблюдайте права человека. Причем речь шла о соблюдении прав человека в европейском, западном понимании, которое со временем распространилось в различных цивилизационных ареалах мира.

Поскольку практическое соблюдение прав человека было протivoестественно самой природе имперской власти как в советский, так и в досоветский периоды, то этот аспект внутренней российской жизни напрямую зависел от влияния Европы, евроатлантической цивилизации в целом. Но проблема отторжения гражданских прав не носит изолированного характера, она стоит в одном ряду постоянного отторжения импортируемых в Россию западных институтов. Отметим, что институты представительной демократии, суда, избирательной системы получили в России преимущественно внешние, подражательные формы, что не только серьезно меняло их изначальное (западное) содержание, но и уменьшало устойчивость этих институтов перед лицом антимодернизационных тенденций.

Здесь следует коснуться вопроса соотношения развития военных, промышленных и социальных технологий с эволюцией российской имперской власти. Известный российский философ-эмигрант Б. П. Вышеславцев, говоря о современной ему западноевропейской жизни, совершенно справедливо замечал: «Что новое здесь появилось, чтобы так изменить условия жизни? Ответ ясен: это точная наука (математическое естествознание и биология) и научная техника, это научные открытия, на которых построен индустриализм. А, кроме того, и, прежде всего, это рациональная организация права и государства, это либеральное правовое демократическое государство, обеспечивающее личную безопасность и свободу, без которой нет творчества и изобретения и науки (курсив наш.- С.Г.)»¹¹⁷.

Обращаясь к нашему совсем еще недавнему советскому прошлому, вспомним, как на основе мобилизационной модели развития все силы участников этого

¹¹⁶Померанц Г. Великие нации живут мировыми задачами // Западники и националисты: возможен ли диалог?: Материалы дискуссии. М.: ОГИ, 2003. С. 127.

¹¹⁷Вышеславцев Б. П. Кризис индустриальной культуры / Сост. и прим. Сапова В. В.; Вступ. статья Левицкого С.А. М.: Паритет, 1995. С. 184.

экстремального процесса использовались для создания современной для того времени тяжелой индустрии. Советская имперская модернизация проводилась на основе широчайшего использования рабского труда, миллионы советских заключенных строили каналы, заполярные и сибирские города, добывали урановую руду, на их костях строился реальный социализм.

Крепостной советский ученый, работавший в шарашке, под угрозой отправки из «круга первого»¹¹⁸ в двенадцатый круг вообразенного Данте и воплощенного в реальности И. В. Сталиным ада, на пределе сил добивался военно-стратегического паритета с государствами модерности, прежде всего с США, поддерживая научно-технологический уровень середины XX века. Советский заключенный, попавший в «двенадцатый круг», голыми руками, без всяких средств защиты добывал урановую руду, гарантированно и мучительно умирая через достаточно непродолжительный отрезок времени. Это только крайние примеры, между которыми лежит бесчисленное множество изломанных человеческих судеб, бездна страданий, огромная смертность, по совокупности ведущие к депопуляции нации. В результате этого крайнего перенапряжения народных сил численность российского населения составила к 1995 году около 146 млн против 270 млн человек, которые, по оценкам экспертов, могли бы жить в нашей стране в том же 1995 году. Прямые и косвенные потери России в течение прошлого века составили порядка 121 миллиона человек¹¹⁹.

Во второй половине XX века радикально изменился как внешнеполитический контекст, в котором находился СССР, так и задачи, стоящие перед страной. Наиболее развитые государства модерности стали постепенно переходить к пост-индустриальной стадии развития. В книге «Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества», вышедшей в свет в 1964 году, Г. Маркузе заметил, что «Наше (западное. – С. Г.) общество отличается завоеванием центробежных социальных сил с помощью технологии, а не террора на двойной основе подавляющей эффективности и возрастающего уровня жизни...»¹²⁰. Уровень постиндустриальных технологий предполагает наличие эмансипированного менталитета, в новых условиях деятельность ученого раба не может быть сопоставима по эффективности с работой свободного ученого. Эволюция советской системы в сторону большей терпимости, наблюдаемая со второй половины 50-х годов прошлого века, сопровождавшаяся приближением отдельных элементов жизненного уклада к западным стандартам, произошла не только вследствие ее постепенного добровольного перерождения в гуманистическом духе. Во многом само это перерождение было обусловлено вынужденным приспособлением системы к новым историческим обстоятельствам, став своеобразной и неизбежной платой за обеспечение военно-политической конкурентоспособности.

Советское правительство, Политбюро ЦК КПСС стали действовать с оглядкой на Запад, который постепенно становился крупнейшим торговым партнером и всегда был для страны источником новых технологий, получение которых становилось все более важным. Так, например, после выхода на Западе главного труда А. И. Солженицына «Архипелаг Гулаг» члены Политбюро ЦК КПСС пространно обсуждали вопрос, что же в этих условиях делать со столь известным российским писателем, ставшим к тому времени лауреатом Нобелевской премии по литературе. Все предложения, по сути, сводились к двум: выслать за границу и судить в СССР по всей строгости советского закона. И засудили бы, отправили в Верхоянск, как

118 Подробно см.: Солженицын А. И. В круге первом.

119 Вишневецкий А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ. 1998. С. 125-126.

120 Цит. по: Вольф Р. П. О философии / Пер. с англ. О. Л. Безручкина, В. И. Спиридоновой; Под ред. В. А. Лекторского, Т. А. Алексеевой. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 133.

предлагал тов. Косыгин, поскольку «туда никто не поедет из зарубежных корреспондентов: там очень холодно»¹²¹. Но, как с большим сожалением отметил тов. Соломенцев, «Солженицын – матерый враг Советского Союза. Если бы не внешнеполитические акции, которые осуществляет сейчас Советский Союз, то можно было бы, конечно, вопрос решить без промедления. Но как то или иное решение отразится на наших внешнеполитических акциях? (курсив наш. – С.Г.)»¹²².

Таким образом, внутренняя политика в СССР оказалась в некоторой зависимости от политики внешней, международного контекста, в котором приходилось действовать Министерству иностранных дел и Международному отделу ЦК КПСС. Оказалось, что в индустриальном, а тем более в постиндустриальном мире достижению военной и технологической эффективности сопутствует внутренняя эрозия имперской системы, активизируется эффект навязанного развития, проявляющийся, прежде всего, в распространении диссистемных элементов, привносимых вестернизацией.

В свою очередь Российская, а затем и советская империя выступали источником навязываемого развития по отношению к своим колониям и полуколониям, внутренней и внешней Азии. Классическим примером может служить советская модернизация в Средней Азии. В 70-е годы прошлого века казалось, что традиционный уклад в этих странах навсегда ушел в прошлое, исламские основы культуры просматривались слабо, сохраняясь скорее в имплицитной форме. Тем не менее после распада СССР эти страны быстро откатились к своему естественному историческому состоянию, т. е. средневековым феодальным деспотиям, а соседний Афганистан после ухода советских войск вернулся «к той ситуации кланово-племенной фрагментарности, которая была характерна для него в течение тысячелетий и которую на время заморозили русско-английское соперничество и затем логика холодной войны»¹²³.

Сегодня максимальное самораскрытие базовых характеристик социокультурной системы среднеазиатских государств сдерживается лишь их существованием в рамках современного международного порядка, не отличающегося благосклонностью к средневековым формам изоляционизма. В то же время в случае ослабления внимания международного сообщества к гуманитарным вопросам навязанные извне атрибуты либеральной политической системы, которые на этой почве трудно назвать даже декоративными, были бы просто отменены. По мере того, как происходит ослабление базовых принципов, на которых организуется империя и смещение цивилизационного уклада от периферии к центру, все больше и больше народов, втянутых прежде в ее орбиту, получают возможность жить в большем соответствии со своей социокультурной традицией. Именно самовоспроизводство этой традиции не позволяет этим народам участвовать в мировом разделении труда, быть частью мира модерности: «Логично предположить, что в XXI веке произойдет сброс целых слоев и зон, которые невозможно социально и экономически утилизировать, а легче и дешевле выбросить»¹²⁴.

Мы полагаем, что модернизационный процесс в российском обществе во внешнем аспекте детерминируется телеологией имперского противостояния Западу, которая выражается в амбивалентном отношении притяжения и отталкивания. Во внутреннем аспекте модернизационный процесс детерминируется динамикой борьбы доминирующей имперской и выступающей в качестве компоненты

121Буковский В. Московский процесс. М.: МИК; Париж: Русская мысль, 1996. С. 125.

122Там же. С.123.

123Фурсов А. И. Срединность Средней Азии (об историческом месте Центральной Азии в региональной системе мира) // Рубежи. 1997. № 2. С. 99.

124Там же.

либеральной моделей модернизации. Такова общая схема; тому, как эта схема проявляется в истории, посвящен наш следующий параграф.

III. Историческая последовательность российских модернизаций

Прежде чем обратиться к исторической последовательности российских модернизационных трансформаций и проанализировать на эмпирическом материале чередование и взаимодополняемость имперской и либеральной моделей модернизации, хотелось бы выразить свое отношение к одной достаточно распространенной в научных и околонучных кругах аберрации исторического зрения. Ее суть заключается в метафизическом рассмотрении России как объекта исторически неподвижного и всегда равного самому себе. Однако границы страны, состав населяющих ее народов, соответствующий этому составу культурно-цивилизационный ландшафт многократно менялись. Кроме того, «В истории мы видим пять разных России: Россию киевскую, Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую и, наконец, новую советскую Россию»¹²⁵. Игнорирование этих изменений является шагом в направлении мифологизации истории. Но в области мифа нет и самой истории в ее развитии, а есть единая Богоданная имперская держава, в любой момент времени содержащая в себе всю полноту своего исторического бытия.

Такой статичный взгляд на отечественную историю и культуру, с нашей точки зрения, не правомерен, он не учитывает изменения, происходящие под воздействием исторической и культурной динамики: «Живая культура не может представлять собой повторения прошлого – она неизменно рождает структурно и функционально новые системы и тексты. Но она не может не содержать в себе памяти о прошлом»¹²⁶. Вместе с тем мифологический взгляд на российскую историю обусловлен преемственностью устойчиво воспроизводящихся ментальных стереотипов народного сознания и соответствующих им форм социальных отношений.

Ментальные стереотипы, возникшие еще в эпоху Киевской Руси, набрали силу и утвердились во времена возвышения Москвы и формирования русской народности на основе различных этнических групп на территории Владимиро-Суздальского княжества и прилегающих к нему территориях. Собираение земель и формирование государственного типа по московской модели закрепило эти тенденции, воспроизводящиеся при различных исторических потрясениях, географических и этнокультурных трансформациях. Рассматривая воспроизводство традиционных программ, вновь и вновь организующих жизнь общества, А. С. Ахиезер отмечает, что «высокая степень их неизменности гарантируется не только соответствующей культурной ориентацией на воспроизводство некоторого „абсолютного“, „естественного“, неизменного порядка, не только мощью исторической инерции, но и системой репрессий, возникающих вместе с культурой»¹²⁷.

Эти универсальные программы в самых разнообразных исторических обстоятельствах воспроизводятся достаточно регулярно с большей или меньшей степенью полноты. В частности, Б. Кагарлицкий полагает, что эти особенности российской истории возможно определить преимущественно в рамках миросистемного подхода, и объясняются они периферийным положением России в

¹²⁵Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. М.: Наука, 1990. С.7.

¹²⁶Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б.А. Избранные труды: В 2 т. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Гнозис, 1994.С.245.

¹²⁷Ахиезер А. С. Как «открыть» закрытое общество. М.: Магистр, 1997. С.15.

миросистеме и столь же периферийным участием страны в процессах международного разделения труда и торговли¹²⁸.

Одно из следствий выборочного инокультурного заимствования заключалось в образовавшемся колоссальном разрыве между постоянно подтягиваемым к европейскому уровню военно-техническим потенциалом и отсталостью социальной жизни. Повседневная жизнь основной массы народа, которую составляло крестьянство, вплоть до Октябрьской революции 1917 года во многом сохраняла архаичный языческий уклад¹²⁹ следы которого сохраняются в некоторых субкультурах и сегодня. Изменения повседневной народной жизни происходили внепланово, главным образом в результате побочных следствий имперских модернизаций. Процесс этот протекал как в виде инокультурных (субкультурных) заимствований, так и в форме вынужденной адаптации тех или иных сторон социальной жизни к актуальным на данный момент задачам имперского строительства.

Так, В. И. Ленин указывал на то обстоятельство, что «неграмотный человек стоит вне политики и поэтому должен выучить алфавит. Без этого не может быть политики»¹³⁰, то есть необходимость достижения всеобщей грамотности обусловлена, прежде всего, задачами текущего момента, чтобы у простого человека была возможность читать декреты и указы советской власти, что в секулярной форме продолжало традицию Средневековья, когда человек должен был знать грамоту, прежде всего для того, чтобы читать Священное Писание. Декрет Совета народных комиссаров «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» от 26.12.1919 года устанавливал санкции за нежелание учиться грамоте, то есть за фактическое уклонение от участия в общественно-политической жизни СССР: «Уклоняющиеся от установленных настоящим декретом повинностей... привлекаются к уголовной ответственности»¹³¹.

Следование имперской модели модернизации, как правило, не приводило к изменению повседневной народной жизни¹³² европеизации подвергались преимущественно элиты. Лишь в краткие периоды либеральных модернизаций реформаторы сознательно обращались не только к реформированию государственной, но и общественной жизни.

С нашей точки зрения рассмотрение взаимодействия двух моделей российской модернизации нельзя начинать со времени, когда вошло в обиход само слово «модернизация». Поскольку сам феномен взаимопроникновения двух моделей модернизации тесно связан с феноменом реформаторства и формированием специфики российского культурно-цивилизационного ареала, то рассмотрение российской модернизации следует начать с ее предыстории.

Итак, начнем. Вот как проф. М. Н. Сперанский характеризует Москву XV века «(она. – С. Г.) вырабатывает однобокий, отсталый тип средневекового мирозерцания на основах непонятого или дурно понятого византизма: религиозная, позднее национальная, исключительность, формальное отношение к

128См.: Кагарлицкий Б. Периферийная империя: Россия и миросистема. М.: Ультра. Культура, 2004. 528 с.

129См., напр.: Ломоносов М. В. О сохранении и размножении русского народа // Избр. произв. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1980. С. 131-148.

130Цит. по: Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. С. 43.

131Цит. по: Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. С.43.

132Исключением из наблюдаемой закономерности служит советский этап модернизации, когда изменения затронули всю толщу народной жизни, в той или иной форме привнеся в нее элементы европеизма.

идеям религии, буквализма, обрядность, отсутствие образования, заменявшегося лишь начетничеством, – все черты общего средневекового склада ума, но доведенные до односторонности, подчас уродливости»¹³³.

Эпоху царствования Ивана III можно охарактеризовать как синкретическую, характеризующуюся нерасчлененностью тенденций, которые в дальнейшем будут позиционированы как противоположные. Мы видим, что стороны, формы и отношения социальной и хозяйственной жизни, параллельные европейским, были достаточно сильны в российской жизни. О «Московских Афинах», «европейском веке» российского Средневековья, царе-первостроителе увлекательно рассказал А. Янов¹³⁴. Но были и другие тенденции, связанные с привычной уже к тому времени традицией деспотизма и властного произвола (Иван посадил в тюрьму своего внука Дмитрия¹³⁵, не говоря уже о казнях и заточениях людей более низкого звания, массовых насильственных переселениях жителей Новгорода, Твери, Вятки...)¹³⁶.

Хотя эта политика в отношении жителей завоеванных территорий кажется вполне либеральной в сравнении с той, которая проводилась его преемниками Великим князем Василием и тем более сыном Василия Государем и Великим державным князем Иваном IV (Грозным). Из наблюдений проезжавшего по тогдашней Московии Дж. Флетчера, относящихся к жителям этих земель, собранных уже «под руку» Москвы: «Он (Василий. – С.Г.) перебил и увез с собой три части жителей из четырех, коих после того отдал или продал татарам, служившим ему на войне»¹³⁷. На фоне этих амбивалентных тенденций укреплялась и имперская идея, чему в немалой степени способствовал брак Ивана III с Софьей Палеолог с последующей легитимизацией державоприемства от павшего под ударами турок-османов 29 мая 1453 года Константинополя.

От этих достаточно известных исторических перипетий обратимся к ключевому в рамках нашего дискурса вопросу о взаимоотношениях двух моделей модернизации, формирования и противоборства двух альтернативных линий развития российской культуры и общества. Если эпоха Ивана III в своей синкретичности содержала множественность возможных вариантов развития, в том числе имперскую и протолиберальную тенденции, то в эпоху Ивана IV (Грозного) российское общество впервые, еще не вполне осознавая этот поворот как содержательный выбор, повернуло от европеизма к азиатчине. Начальный период правления Ивана IV положил начало своеобразному алгоритму российского реформаторства, достаточно регулярно воспроизводящемуся в позднейшей истории. Молодой монарх-реформатор собирает вокруг себя неформальный круг единомышленников с целью осуществления реформ, в определенной мере носящих либеральный характер.

Реформы терпят неудачу по различным причинам, прежде всего их отторгает сама система, но последствия этого отторжения усугубляются также непоследовательностью и недальновидностью самих реформаторов. Иван IV разочаровывается в реформах и переходит к авторитарной политике подавления не

133Цит. по: Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI-XVII веках // Москва и Запад в XVI-XVII веках. Борис Годунов. М.: Богородский печатник, 1999. С.45.

134Янов А.Л. Россия: У истоков трагедии. 1462-1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С.41-52.; Янов А.Л. Тень Грозного царя. Загадка русской истории. М.: КРУК, 1997. С. 24-29.

135Вернадский Г. В. Россия в Средние века / Пер. с англ. Е. П. Беренштейн, Б.Л. Губман, О. В. Строганова. Тверь: ЛЕАН. М.: АГРАФ, 2001. С. 144.

136Там же. С.68-72, 107-112.

137Флетчер Дж. О государстве Русском. Проезжая по Московии (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов) / Отв. ред. и автор вступительной статьи Н. М. Рогожин; Составитель и автор комментариев Г. И. Герасимова. М.: Междунар. отношения, 1991. С.86.

только реальных, но и потенциальных оппонентов, их слуг, их крестьян, их родных и домочадцев. В жестокости проводимой политики, в размахе репрессий и смертоубийств царь далеко вышел за рамки сложившейся к тому времени в Московии практики управления государством. На этом этапе властвования Ивана IV, реформаторы пропадают: кто на плахе, кто в ссылке, кто в монастыре.

Все мы знаем и пример другого разрешения дилеммы «подданный и деспотическая российская власть», продемонстрированный А.Курбским – бегство за границу¹³⁸. А из-за границы можно и обличить тирана, это тоже большая общественно-политическая и литературная традиция, начало которой было положено письмами бывшего любимца царя и героя Казанской и Ливонской войн А. М. Курбского к Ивану IV: «Обычай у московских князей издавна желать братии своих крови и губить их убогих ради и окаянных вотчин, насытства ради своего»¹³⁹.

Проекты реформ, разработанные правительством Избранной рады, послужили своеобразным прототипом для всех последующих либеральных реформ, содержательным ядром либерального проекта, который на протяжении нескольких столетий вдохновлял наиболее динамичную и буржуазно ориентированную часть российского общества. Либеральный проект в России всегда существовал неотрывно от идеологии сближения с Европой, и его не удавалось довести до конца в разные периоды российской истории.

Как победа стяжателей закрыла для российского общества путь церковной реформации, так и имперская реакция пресекла на начальном этапе дефеодализацию, начатую, в частности, земской реформой. Административная, военная и, прежде всего, земская, реформы, намеченные правительством Избранной рады, были продиктованы осознанием не только военно-технического, но также политического и социального отставания от Европы. Хотя логика и методы их осуществления в некоторой мере сохраняли родство с логикой и методами, характерными для имперской модели модернизации, эти реформы содержали в себе и определенные либеральные элементы.

Тем не менее Россия осуществила в те годы важнейший исторический выбор, заключающийся в отторжении либеральной модели развития, что не раз самым пагубным образом скажется в дальнейшем, вплоть до цивилизационной катастрофы, последовавшей за Октябрем 1917 года: «...разве наше поколение не расплачивается сейчас за грехи древней Москвы? Разве деспотизм преемников Калиты, уничтоживший и самоуправление уделов, и вольных городов, подавивший независимость боярства и Церкви, – не привел к склерозу социального тела империи, к бессилию средних классов и к „черносотенному“ стилю народной „большевистской“ революции»¹⁴⁰?

С тех пор, как потерпело неудачу правительство Избранной рады, в российской истории наблюдается стремление затормозить историческую и социокультурную динамику, сохраняя консенсус между движением вперед и движением назад с достижением обычного с тех пор результата: поражением реформаторов и победой консервативной, антиреформаторской части властной элиты. «Митрополит Макарий,

138Начиная с середины XIX века разновеликие волны российской эмиграции накатывали на Европу, а временами и на другие континенты, достигнув своего пика после Октябрьской революции 1917 года, когда, по некоторым оценкам, страну покинуло порядка трех миллионов человек.

139Цит. по: Ключевский В. О. Лекция XXVIII // Сочинения: В 9 т. Т. II / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. В. А. Александрова; Коммент. составили В.А.Александров, В. Г.Зими́на. М.: Мысль, 1990. С. 155.

140Федотов Г. П. Правда побежденных // Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. Т. 2 / Составл., вступительная статья, примечания Бойкова В.Ф. СПб.: София, 1991. С.23.

глава иерархии, сумел стать наперсником, духовным наставником царя. День за днем, упорно и методично внушал ему, что он, московский царь, всемогущ и всесилен, что перед ним все – рабы»¹⁴¹. Царь Иван оказался прилежным учеником, позднее, отвечая на обличительные письма А. М. Курбского, он в разных вариациях повторял запомнившиеся слова митрополита: «Ведь ты в своей бесосоставной грамоте твердишь все одно и то же, переворачивая „разными словесы“, и так, и этак, любезную тебе мысль, чтобы рабам помимо господ обладать властью... Это ли совесть прокаженная, чтобы царство свое в своей руке держать, а рабам своим не давать властвовать? Это ли противно разуму – не хотеть быть обладаемому своими рабами? Это ли православие пресветлое – быть под властью рабов?»¹⁴².

В дальнейшем произошел перенос тяжести военных действий из восточной части России на ее западные границы, что повлияло на все дальнейшее развитие страны. Значение изменения военно-стратегических приоритетов, предпринятых Иваном IV, выходит за пределы конкретной исторической ситуации, хотя и для современников этих событий последствия были катастрофическими: крымским татарам был открыт путь на Москву. Крымский хан Девлет-Гирей опустошил центральную часть государства, сжег Москву и, что самое главное, «людей погибло невероятное множество: более ста двадцати тысяч воинов и граждан, кроме жен, младенцев и жителей сельских, бежавших в Москву от неприятеля, а всех около восьмисот тысяч»¹⁴³.

Именно с Ивана IV (Грозного) и с завоевания им Казанского и Астраханского ханств, с начала вступления в «татарское наследство» и начинается история Российской империи, начинается задолго до объявления в 1721 году императором Петра I. Большая часть современных западных историков придерживаются именно такой точки зрения¹⁴⁴. Отметим, что мы также разделяем эту точку зрения в отношении хронологического начала и содержательного наполнения процесса имперского строительства в Московском царстве/России.

Реформаторская активность Бориса Годунова в начале его правления амбивалентна, в ней достаточно тесно переплетаются не получившие концептуального противопоставления как имперские, так и протолиберальные тенденции. Несмотря на внутреннюю амбивалентность реформ, в целом возможно утверждать, что по своей общей направленности они ближе к протолиберальному направлению. К этому направлению нельзя, естественно, причислить такие властные действия, как отмена права на переход крестьянина от одного владельца к другому в Юрьев день, но вполне можно причислить содействие развитию типографского дела, образования, приглашение на постоянное жительство в страну иностранцев¹⁴⁵ и проведение политики, направленной на сближение с Европой.

Недолгий период правления Годунова можно вспомнить хотя бы потому, что он отказался от продолжения имперско-деспотического террора и принимал возможные

141 Янов А.Л. Тень Грозного царя. Загадка русской истории. М.: КРУК, 1997. С.67.

142 Цит. по: Ключевский В. О. Лекция XXVIII // Сочинения: В 9 т. Т. II / Под ред. В. Л. Янина; Послел. В. А. Александрова; Коммент. составили В. А. Александров, В. Г. Зимица. М.: Мысль, 1990. С. 157.

143 Карамзин Н. М. История государства Российского. М.: Эксмо, 2003. С.716.

144 Большакова О.В. Российская империя: Система управления (Современная зарубежная историография). Аналитический обзор / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. отеч. и заруб. истории; отв. ред. В. М. Шевырин М., 2003. С. 36.

145 См., напр.: Годунов Б. Речь перед иноземцами (13 декабря 1601 г.) // Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. III. Политическая мысль в России: X - первая половина XIX в. / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит, науки; Руководитель проекта Г. Ю. Семигин и др. М.: Мысль, 1997. С.258.

меры по ликвидации его последствий. Его царствование вновь выявляет определенную закономерность, заключающуюся в том, что либеральные правители России действуют нерешительно. И эта нерешительность отнюдь не только ситуационна, обусловлена внешними причинами, но и причинами внутреннего свойства. В критический момент исторические деятели, условно относимые к либеральной линии российской модернизации, от Б. Годунова до М. С. Горбачева, пытаются проводить амбивалентную политику, сочетающую в себе как стремление к либеральным реформам, так и заложенное как в самой системе, так и в них самих стремление к консервативному имперскому откату, физиологический страх перед реформируемой системой. Так, американский историк Фрэнсис Вчисло заметил, что «...черты „полицейского менталитета" (уже в эпоху „Великих Реформ" 1860-1870-х годов. – С.Г.) обнаруживаются... и в мировоззрении реформаторов, поскольку в основе их взглядов лежало признание примата государственного интереса и сохранения (консервации) порядка и стабильности»¹⁴⁶. Сказано лаконично, – но емко и верно.

Во второй, кризисный период правления Б. Годунова (с 1602 года) истончалась и постепенно распалась либеральная составляющая его политики, а имперско-деспотические элементы стали проявляться во все большей степени, особенно тогда, когда возникла прямая угроза личной безопасности и власти. Окончательно имевшие выраженный либеральный оттенок реформы были остановлены хаосом наступившего Смутного времени.

В контексте нашего дискурса нельзя обойти вниманием и такую яркую историческую фигуру как Лжедмитрий I. Фигура эта, как поручик Киже, окружена разнообразными домыслами, имеющими как мифологический, так исторический и литературный характер. О Лжедмитрии I, воспитанном вне традиций Московского государства и волей случая оказавшемся на его престоле, Н. И. Костомаров писал следующее: «Он заговорил с русскими голосом свободы;.., все это должно было освоить русских с новыми понятиями, указывало им на иную жизнь»¹⁴⁷. Во время своего царствования, длившегося 331 день, Лжедмитрий I проявил себя более решительным реформатором либерального толка, чем его предшественник (т. е. Борис Годунов), он «удивлял бояр остроумием и живостью ума в делах государственных. Державный прошлец часто забывался: оскорблял их своими насмешками, упрекал невежеством, дразнил хвалою иноземцев и твердил, что Россияне должны быть их учениками, ездить в чужие земли, видеть, наблюдать, образоваться и заслужить имя людей»¹⁴⁸.

В связи с рассмотрением гипотезы нашего исследования, согласно которой из двух моделей модернизации – имперской и либеральной – Россия, в соответствии с доминирующей традицией, ориентируется преимущественно на имперскую модель, отметим, что в трудах российских историков, более или менее осознано разделяющих имперскую идеологию, периоды либеральных преобразований и их инициаторы выглядят как явные чужеродные вкрапления, время хаоса и разброда. В крайнем своем выражении эта идеология рассматривает периоды либеральной модернизации как локальные проявления мирового зла. Так и официальная версия начала XVII века, гласившая, что самозванный Дмитрий есть не кто иной, как монах-

¹⁴⁶Большакова О.В. Российская империя: Система управления (Современная зарубежная историография). Аналитический обзор / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. отеч. и зарубеж. истории; отв. ред. Шевырин В. М. М., 2003. С. 15.

¹⁴⁷Костомаров Н. М. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Чарли, 1993. С.373.

¹⁴⁸Карамзин Н.М. История государства Российского (репринтное воспроизведение издания 1842-1844 годов). Книга III. Т.ХI. М.: Книга, 1989. С 128.

расстрига, вор и пьяница Гришка Отрепьев, носила выраженный пропагандистский характер. Современники событий относились к этой версии по-разному, в том числе и довольно скептически, но все мы, благодаря А. С. Пушкину, помним именно этот образ Лжедмитрия I.

Отметим, что поворот от свободы в сторону усиления деспотического государства и агрессивного имперского изоляционизма, произошедший на соборе 1613 года. В эти годы была упущена имевшаяся историческая возможность направить вектор развития России в сторону Европы, например, провести имевшие значительную либеральную составляющую реформы по плану Михаила Салтыкова¹⁴⁹. Каждая нереализованная возможность такого рода отдаляла Россию от Европы, закладывая фундамент дальнейшего отставания в различных областях жизни, отставания, которое впоследствии приходилось преодолевать столь мучительно и столь дорогой ценой.

Признавая подготовленную почву, наличие объективных и субъективных предпосылок для Петровских реформ, обычно имеют в виду реформы, проводимые во второй половине царствования Алексея Михайловича, что во многом справедливо. Еще в допетровский период проводились значительные горные разработки, вводились полки «иноземного строя», европейские воинские звания¹⁵⁰, элементы европейского стиля одежды и многое другое: «Так почувствовали в Москве потребность в европейском искусстве и комфорте, а потом и в научном образовании. Начали иноземным офицером и немецкой пушкой, а кончили немецким балетом и латинской грамматикой»¹⁵¹.

В контексте нашего дискурса интерес вызывает период правления Софьи, когда была предпринята очередная и впоследствии почти забытая попытка либеральной модернизации. Не углубляясь в детальное изложение фактографической основы событий, отметим, что многое из того, что было сделано еще при Алексее Михайловиче и затем развито его ближайшими преемниками, было разрушено имперской модернизацией Петра I. Нас в большей мере интересует не то, как и в чем конкретно предшественники Петра I предвосхитили его реформы¹⁵², а направление этих реформ.

Не скрывая своего критического отношения к старомосковским порядкам, Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащекин, Ртищев, их менее известные современники, бояре Б. И. Морозов, Н. И. Романов, А. С. Матвеев, а позднее русский западник Василий Голицын двигали Россию в Европу. Характеризуя личность и размах реформаторских планов Василия Васильевича Голицына, польский посланец Невилль, приехавший в Москву в 1689 году, писал: «Если бы я захотел написать все, что узнал об этом князе, я никогда бы не кончил; достаточно сказать, что он хотел населить пустыни, обогатить нищих, дикарей превратить в людей, трусов в храбрецов, пустошь и шалаши в каменные палаты»¹⁵³.

149См., напр.: Пропозиции Федора Салтыкова: Рукопись из собрания П. Н. Тихонова. СПб., б. г.

150Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI-XVII веках // Москва и Запад в XVI-XVII веках. Борис Годунов. М.: Богородский печатник, 1999. С. 121.

151Ключевский В. О. Лекция LVIII // Сочинения: В 9 т. Т. III / Под ред. В.Л.Янина; Послесл. В.А.Александрова; Коммент. В.А.Александрова, В.Г.Зими́на. М.: Мысль, 1990. С.264.

152Подробно о предпетровских реформах см.: Ключевский В. О. Лекция LII-LVIN // Сочинения: В 9 т. Т. III / Под ред. В. Л. Янина; Послесл.

В. А. Александрова; Коммент. В. А. Александрова, В. Г. Зими́на. М.: Мысль, 1990.С.241-342.

153Цит. по: Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI-XVII веках // Москва и Запад в XVI-XVII веках. Борис Годунов. М.: Богородский печатник, 1999. С.116.

Именно в этот период наряду с укреплением геополитических позиций, заключением мира с Польшей и возвращением Киева¹⁵⁴, разрабатывался либеральный проект крестьянской реформы. Согласно этому проекту крестьяне получали во владение землю, а повинности ограничивались ежегодным налогом¹⁵⁵ имперская модернизация Петра I, напротив, довела закрепощение до крайних форм, либеральные планы реформирования общественной жизни не получили развития, В. В. Голицын не стал сподвижником Петра I. Еще при Софье были отменены местничество¹⁵⁶ и средневековые судебные жестокости – преступникам перестали отрубать руки, ноги и пальцы, что на фоне повседневной практики дознания и казней, характерной для петровского периода нашей истории, было значительно более гуманно. При Федоре начал разрабатываться проект создания Славяно-греко-латинской академии, в котором была заложена либеральная идея всесословного образования, и не Софью, а Наталью Нарышкину – мать Петра, фактически правившую со времени свержения Софьи и до своей смерти в 1694 году, следует считать символом застоя, невежества и консерватизма.

Исходя из внутренних условий развития страны, контрреформаторское движение, последовавшее после свержения Софьи, с большой долей вероятности могло привести к очередному отказу от предмодернизационных трансформаций. Однако в контексте изменяющейся внешней, прежде всего европейской среды Россия должна была соответствовать новым задачам геополитического противостояния набирающей силу Европе. Опираясь на одну лишь традиционалистско-изоляционистскую политику, достичь этого было практически невозможно.

Дело в том, что начиная, по крайней мере, с XVIII века страны, исторически не относящиеся к западному миру, в том числе Россия, переживают вызов западной цивилизации модерности, давая более или менее успешный ответ на радикальное ускорение процессов социокультурной динамики. Народы незападной части мира были вынуждены трансформировать, менять препятствующую адаптации к возникающему в рамках западной цивилизации новому миру часть своей социокультурной традиции. Различные части незападного мира достаточно болезненно переживали процессы модернизации, но в сложившихся условиях полное, аутентичное воспроизводство социокультурной традиции означало бы на следующих отрезках исторической и социокультурной динамики потерю как фактической, так и номинальной государственной независимости, т.е. колониальную зависимость от более развитого государства или группы государств модерности. Ф. Фукуяма называет вынужденные изменения модернизационного характера, на которые идут менее развитые страны, «оборонной модернизацией»¹⁵⁷. Модернизация во многом является формой адаптационной реакции российской социокультурной системы на вызов западной цивилизации. «Российская „модернизация“, начавшаяся в XVIII веке, – первый пример приспособления „отсталой“ страны к западноевропейской модернистской революции»¹⁵⁸.

В контексте проблемы отставания России от Запада обычно имеют в виду ее

154См.: Московский договор 1686 года о вечном мире с Польшей.

155Ключевский В. О. Лекция LVIII (Кн. В. В. Голицын. Подготовка и программа реформ) // Сочинения: В 9 т. Т.III / Под ред. В.Л.Янина; Послесл. В. А. Александрова; Комментар. В. А. Александрова, В. Г. Зимины. М.: Мысль, 1990.С.331-342.

156Закон от 12 января 1682 года.

157Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М. Б.Левина. М.: АСТ, Ермак, 2004. 128 с.

158Страда В. Интеллигенция как зеркало европейской революции: Пер. с ит. // Россия/Russia. Новая серия под ред. Н. Г. Охотина. Вып. 2[10]: Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология / Сост. Б.А.Успенский. М.: ОГИ, 1999. С.31.

военно-технические и хозяйственно-технологические аспекты, поскольку именно в этой области модернизационные изменения проходили в первую очередь. Стремление к реформам в военно-технической области было вызвано неспособностью военной конкуренции с Европой. На этапе имперской модернизации Россия заимствовала европейские технологии, инструментальные знания, относящиеся к сферам промышленности, науки, военного дела, а также некоторые элементы быта и образа жизни: «Научная революция пришла в Россию после военной, и естественные науки на протяжении многих лет считались в основном вспомогательными для военного дела»¹⁵⁹.

Кроме того, российской власти потребовалось «служилое сословие, достаточно подготовленное, чтобы выдержать соревнование с Европой. Для достижения этой цели, да и для соответствия более сложным общественным задачам воспитание становится более разнообразным. К учебнику артиллерии и памятке сержанта пехоты добавляется некоторая общая культура (курсив наш. – С.Г.)»¹⁶⁰.

Заметим, что технологический рывок, совершенный в эпоху Петровских реформ, не был подкреплен соответствующими изменениями в политическом устройстве и социальной жизни общества, это было строительство на непрочном фундаменте. В последующие исторические эпохи имперской власти ценой запредельного напряжения народных сил удавалось создать конкурентоспособную в отношении западных контрагентов армию и военную промышленность, но этот успех всегда был локальным, ему не соответствовал ни уровень развития гражданских отраслей экономики, как было в советский период нашей истории, ни уровень развития социума, как это было в досоветской России.

Реформы Петра I явили собой модельный образец имперской модернизации, впервые оформившейся в наиболее полном виде, избавившейся от осознанных либеральных включений; «самодержавие и крепостное право оказались при Петре инструментами модернизации»¹⁶¹. Но некоторые результаты этих реформ, независимо от намерений реформаторов, привнесли в российское общество и либеральные, диссистемные в отношении имперской системы элементы. При Петре величие империи продолжало оставаться главной целью, а общество лишь средством для ее осуществления. В этой системе координат государство – самая значимая, доминантная ценность, властитель воплощает в своей персоне Власть и идею общественного блага, подданный, стоящий на более низких ступенях социальной лестницы, особой ценности для власти не представляет.

Формула имперского мобилизационного прорыва, при которой закреплялось именно такое отношение между человеком и Властью, незначимость человеческой жизни, подспудно вызревавшая в Московской модели государственности, при Петре I воплотилась в наиболее явных формах. Так, Г. В. Плеханов, характеризуя Петровский период реформ, справедливо заметил: «Европеизуя Россию, Петр и здесь довел до крайности ту черту ее строя, которая сближала ее с восточными деспотиями... Строй, характеризуемый преобладанием этой черты, прямо противоположен демократическому: в нем все порабощены, кроме одного, между тем как в демократии все свободны, по крайней мере, de jure»¹⁶².

¹⁵⁹Биллингтон Дж. Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М.: РУДОМИНО, 2001. С. 153.

¹⁶⁰Безансон А. Россия в XIX веке // Советское настоящее и русское прошлое: Сборник статей / Пер. с фр. А. Бабича (главы IV-XI) и М. Розанова (главы I-III). М.: МИК, 1998. С. 15.

¹⁶¹Кагарлицкий Б. Периферийная империя: Россия и миросистема // Борис Кагарлицкий. М.: Ультра. Культура, 2004. С. 349.

¹⁶²Плеханов Г. В. История русской общественной мысли: В 3 кн. М.–Л.: Госиздат, 1925. Кн. 1. С. 38.

В свое время не без оснований считалось, что границы Европы очерчены границами распространения Магдебургского права. В средневековой Европе правовые традиции сочетались с развитой городской культурой, в отличие от России, где были города, но не было полноценного городского общества и, тем более, Магдебургского права¹⁶³. В России не сложилась развитая инфраструктура городского общества, так, начиная с освободительной крестьянской реформы 1861 года и чуть ли не до конца прошлого века «не отдельные люди, группы и социальные слои, а весь город и значительная часть села оказались в маргинальном, активно-переходном состоянии»¹⁶⁴. Даже в чисто статистическом отношении Россия стала преимущественно городской страной лишь к 60-м годам XX века.

Но вернемся к оценке некоторых результатов модернизационных преобразований российского императора и самодержца Петра I. Узкий слой просвещенной городской интеллигенции послепетровского времени при всем ее влиянии на мировоззрение образованной части общества сам по себе не мог стать той социальной силой, которая могла преобразовать социокультурные основания общества. Многочисленное православное духовенство тоже не могло сыграть роль социальной силы, способной реализовать исторические интересы общества, а не Власти. Интересы власти и были для него интересами общества, а для подавляющей части подданных империи западные ценности продолжали оставаться чем-то внешним, общество во многом сохраняло архаический уклад, традиционные верования и ценности.

В результате имперской модернизации Петра I увеличился существовавший к тому времени разрыв между Властью и обществом, поскольку общество не претерпело столь же радикальных трансформаций. Но и власть изменилась преимущественно на внешнем уровне, по словам А. А. Кизеветтера, «из-под внешней оболочки нового канцелярского жаргона на вас глядит старая московская Русь, благополучно переступившая за порог XVIII столетия и удобно разместившаяся в новых рамках петербургской империи»¹⁶⁵. Российское общество не было внутренне единым и до Петра I, но после имперского этапа петровской модернизации цивилизационный раскол¹⁶⁶ внутри российского общества резко усилился, проявляясь затем в контексте актуальных исторических реалий и вызовов новых исторических эпох. В рамках этой дуалистической по своим основаниям картины мира Власть обречена на постоянные рецидивы идеократического проекта, поскольку только стремление к такого рода великим метафизическим целям оправдывает ее архаический по своему генезису абсолютистско-имперский статус.

Стремлением к осуществлению очередного идеократического проекта оправдывается и индифферентность Власти по отношению к таким социальным измерениям, как законность, морализм и даже простой здравый смысл. Лишенное сильной либеральной составляющей, остающееся во многом традиционалистским российское общество почти безропотно принимает предложенный статус Власти и модель цивилизационного раскола. А.Н.Толстой в 1918 году писал о результатах Петровских реформ: «Но все же случилось не то, чего хотел гордый Петр; Россия не

163Магдебургское право получило распространение на неподвластных Москве русских землях, прежде всего в пределах Великого Княжества Литовского.

164Дьячков В.Л. О нашем месте под солнцем, или о том, что бывает за неправильное и несознательное демографическое поведение // Социальная история: Ежегодник, 2000. М.: РОССПЭН, 2000. С.351.

165Цит. по: Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М.: Наука, 1988. С. 145.

166См., напр.: Ахиезер А. С. Раскол // Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России.) Т. II. Теория и методология: Словарь. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С.390-394.

вошла, нарядная и сильная, на пир великих держав. А подтянутая им за волосы, окровавленная и обезумевшая от ужаса и отчаяния, предстала новым родственникам в жалком и неравном виде – рабою. И сколько бы ни гремели грозно русские пушки, повелось, что рабской и униженной была перед всем миром великая страна, раскинувшаяся от Вислы до Китайской стены»¹⁶⁷.

Попытки ограничения абсолютизма в послепетровский период нельзя принимать за реальную активизацию либеральных тенденций, это скорее процесс упорядочения властных отношений внутри системы. Ближайшие преемники Петра I, традиционно представляемые незначительными государственными деятелями, едва различимыми в тени «великого реформатора», занимались устранением наиболее явственных перекосов в государстве, поскольку предшествующий период имперской модернизации, сопровождавшейся рядом успешных военных компаний, привел к милитаризации страны, истощившей ее ресурсы.

Так, в течение царствования Петра I «его военные экспедиции постоянно поглощали 80-85 % дохода России, а однажды (в 1705 году) обошлись и в 96%»¹⁶⁸. Элементом демилитаризации исторические заслуги преемников царя-реформатора и ограничиваются, поскольку имперская модель модернизации продолжала крепнуть и самосовершенствоваться. Оказалось, что «великий реформатор» не использовал до конца мобилизационные возможности, представляемые феодально-имперской системой, и при Анне Иоанновне в 1736 году вышел указ, закрепляющий за фабрикантами всех вольных мастеровых «навечно с потомством». Имперская модель даже из самих фабрикантов делает рабов, намертво прикрепленных к условно отданным им во владение производствам для службы теократии (в лице все той же имперской Власти). Вспомним советских директоров, в буквальном смысле головой отвечающих за выполнение госплана или современных банкиров и хозяев «заводов, газет, пароходов», назначаемых непосредственно Властью. Именно так, от Власти, возникли некоторые «олигархические» состояния и «олигархи»¹⁶⁹.

Несоразмерная человеку и в этом смысле антиевропейская социальная модель уже в ранний послепетровский период заняла доминирующее положение в ментальности практически всех слоев общества. И появление некоторых прав у российского дворянства по указу о «Вольности дворянской» не изменило феодального характера правящей элиты. То, что было прогрессивным для Европы XII – XIII веков, для России XVIII века таковым являться уже не могло. Обеспечение относительного¹⁷⁰ корпоративного иммунитета феодальной элиты, которая лишь в незначительной степени использовала исторические возможности для самотрансформации в ходе либеральной модернизации, имело иные, не европейские последствия. Российская элита трансформировалась преимущественно в пределах своей феодальной Природы и функций, не стремясь к большей проницаемости своих социальных страт, сопротивляясь буржуазному перерождению и пополнению своих рядов выходцами из менее статусных социальных групп.

Известный американский социолог Ричард Лашманн, чья книга «Капиталисты вопреки себе» получила высшую награду Американской социологической ассоциации, наглядно показывает, как происходило буржуазное перерождение

¹⁶⁷Цит. по: Стариков Е. Н. Общество-казарма: от фараонов до наших дней. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. С.301.

¹⁶⁸См., напр.: Пайпс Р. Россия при старом режиме / Пер. с англ. В. Козловского. М.: Независимая газета, 1993. С. 493.

¹⁶⁹Подробнее см: Крыштановская О. В. Бизнес-элиты и олигархи: итоги десятилетия // Мир России. М., 2002. Том XI. №4. С.3-60.

¹⁷⁰Вспомним знаменитую фразу Павла I: «В России велик только тот, с кем я говорю и пока я с ним говорю». Цит. по: Геллер М.Я. История Российской империи: В 3 т. М: МИК, 1997. Т. II. С. 224.

феодалы в Западной Европе. Сами феодалы поколение за поколением решали проблемы своих локальных сообществ, обусловленные проблемами политической централизации, крестьянскими волнениями и, прежде всего, распространением денежных отношений. Этот процесс адаптации к изменяющейся внешней среде в политике, социальных отношениях, экономике привел на определенном этапе к тому, что «графы, бароны и епископы... превратились в титулованных предпринимателей и... изменили всю социальную среду»¹⁷¹. В России ничего подобного в сколь-либо значимых масштабах не происходило.

Спустя столетия от времени описываемых событий, в СССР даже в позднесоветский период действовало негласное решение, заключавшееся в определенных гарантиях личной неприкосновенности представителей послесталинской коммунистической элиты и продолжавшее традиции феодального корпоративного иммунитета. Это решение, принятое после кровавого разгула сталинского режима, было продиктовано благими намерениями, но выведение, начиная с определенного уровня, части партхозноменклатуры из-под власти законодательных норм имело выраженный феодальный характер. Приближает ли нас к европейскому уровню развития распространение правового иммунитета не только на самодержца, но и на приближенные к нему феодальные кланы? Этот вопрос намеренно риторичен, поскольку приближение происходит, скорее, к Европе XII-XIII века. Эту внутреннюю близость России с Европой раннего Средневековья и противоположность с капиталистической Европой Нового времени отмечали сами европейцы: «Европа эпохи Петра I была иной, чем в 1200 году. С той Европой Россия была внутренне близка, с Европой же более позднего времени – душевно противоположна»¹⁷².

Более развитая в техническом отношении, а следовательно, пользующаяся и более высоким уровнем повседневного материального комфорта Европа XVI-XVIII веков притягивала образованное русское общество того времени множеством разнообразных соблазнов. Воплощением европейского соблазна стали часы, телескопы, оружие, предметы повседневного обихода, светские книги, картины европейских мастеров, вошедшие в повседневную жизнь наиболее динамичной и образованной части русской элиты. Отторгалось иноконфессиональное влияние, образцы социально-политического устройства европейского общества. Но имплантация элементов европейской цивилизации в отрыве от порождающего их целого – процесс малоэффективный.

Фактический провал работы Представительной комиссии в царствование Екатерины II указывал на определенные границы возможных реформ, свидетельствуя о реакции отторжения всесословного менталитета возможных трансформаций социокультурной системы в либеральном духе. Предпринимаемые и рассматриваемые Екатериной II реформы либеральной направленности были остановлены пугачевским бунтом, надолго положившим конец тому периоду просвещенного абсолютизма, который в наибольшей степени соответствовал своему названию. «Французская революция окончательно привела ее в ужас, и она возобновила прежний зажим. Власть вернулась к суровостям и репрессиям»¹⁷³. Восстание Е. Пугачева было проявлением хаоса, бессмысленного и беспощадного (по А. С. Пушкину) русского бунта, по определению не имеющего сколь-либо конструктивной программы действий. Г. Р. Державин после смерти Екатерины II

171Дерлугьян Г. Под длань империи // Эксперт. 2004. № 12 (413) С.82.

172Шубарт В. Европа и душа Востока / Пер. с нем. З. Г. Антипенко и М. В. Назарова. М.: Альманах «Русская идея» (Вып. 3, 2-е, исправленное издание), 2000. С.62.

173Берлин И. Рождение русской интеллигенции // История свободы. Россия / Предисловие А. Эткинса. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С.10.

писал, что «...в последние годы, с князем Потемкиным упоена была славою своих побед, то уже ни о чем другом и не думала, как только о покорении скипетру своему новых царств»¹⁷⁴. Физическое тело империи расположенное в постоянно растущих, расширяющихся границах требовало мобилизационного, простого и быстрого, в идеале военного управления, единоначалия посредством армейской отдачи и исполнения приказов. Екатерина II полагала, что «пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит»¹⁷⁵.

Столь велико имперское искушение к безграничному расширению жизненного пространства, когда движение вовне заменяет движение внутри, отодвигает назревшие и перезревшие реформы внутренней жизни, препятствуя основательному обустройству центральных губерний России. Это еще одно важное обстоятельство, во многом объясняющее повторяющийся выбор в пользу стагнации и/или имперской модели модернизации, и отторжения модели либеральной.

Экстенсивное территориальное развитие, включение в состав Российского государства регионов, находящихся на разных уровнях развития, относящихся к разным цивилизациям, оставило в наследство современной России исключительную неоднородность регионов в экономике, качестве социума, культурных традициях. Гетерогенность российской социокультурной сферы, прежде всего, обусловлена достаточно компактным расположением на ее территории различных цивилизационных, этнокультурных, религиозных форм. В XIX – начале XX века у российского государства «не было ни малейшего шанса решить национальный вопрос. Он перекрывает все пути эволюции режима, поскольку либеральная, демократическая, прогрессивная альтернатива, представляющая собой возможное решение прочих проблем, не дает решения национального вопроса и в результате приводит к распаду империи (курсив наш. – С. Г.)»¹⁷⁶.

Именно эта цивилизационная неоднородность впоследствии способствовала провалу социалистического варианта политики перестройки, проводимой советским руководством во главе с М. С. Горбачевым, и вызвала сильное внутреннее напряжение в постсоветской России. Это напряжение может быть большим или меньшим, проявляться как в политических – легальных и ненасильственных, так и в насильственных – нелегитимных формах. Отметим, что с течением времени необходимость поддержания физического тела империи во все большей степени ограничивала эффективность, глубину и радикальность модернизационных трансформаций в рамках как имперской, так и либеральной модели.

Возвращаясь к нашему историческому прошлому, продолжим анализ наиболее значимых в рамках нашего дискурса этапов российской истории. После краткого и противоречивого периода правления Павла I на российской исторической сцене снова появляется молодой монарх, предполагавший провести ряд социокультурных трансформаций в проевропейском, либеральном духе. В начале эпохи правления Александра I вполне вероятным представлялось проведение в стране либеральных реформ, проекты которых обсуждались в близком к императору кружке молодых интеллектуалов. Но эти реформы в абсолютном своем большинстве не получив практического воплощения остались лишь на стадии обсуждений и проектов. Взгляды Александра I постепенно эволюционировали от относительного либерализма к консерватизму, что сопровождалось сохранением наиболее важных и

174Цит. по: Геллер М.Я. История Российской империи: В 3 т. М: МИК, 1997. Том II. С. 215.

175Цит. по: Геллер М.Я. История Российской империи. В трех томах. М: МИК, 1997. Том II. С. 162.

176Безансон А. Российская империя и советское владычество // Советское настоящее и русское прошлое: Сборник статей / Пер. с фр. А. Бабица (главы IV-XI) и М. Розанова (главы I-III). М.: МИК, 1998. С. 102.

в то же время достаточно архаических для того времени элементов российской социокультурной традиции.

Война с Наполеоном Бонапартом, заграничные походы российской армии еще более усилили либеральные устремления в обществе, прежде всего среди непосредственных участников событий, молодого и образованного гвардейского офицерства: «Русские офицеры увидели воочию порядок вещей, в котором свобода и право получали должное ограждение, и с горьким чувством сравнивали с этим то, что они находили у себя по возвращении из заграничных походов. В них зародилось неудержимое стремление водворить те же начала в своем отечестве»¹⁷⁷. Офицеры, прошедшие наполеоновские войны, и стали наиболее активными участниками декабристского движения, героями и жертвами истории: «Они были самой эксцентричной ветвью того интернационала левого романтизма, у которого уже были и свои жертвы (Риго), и свои победители (Боливар, Ипсиланти). Сами декабристы были побеждены, но не уничтожены»¹⁷⁸. В декабре 1825 года не удалось приступить к своевременным либеральным преобразованиям, радикально изменить траекторию развития России. Революции, имевшей шанс остаться в истории как Великая русская революция, не произошло.

Европа шла путем буржуазных трансформаций, Россия консервировала феодально-имперские основы социокультурной системы. Мы полагаем, что цивилизационный срыв, произошедший в России в результате Октябрьской революции 1917 года, был во многом платой за эту политику консервации отсталости и старого порядка. Да, внутри этой огромной резервации под названием Российская империя была высокая культура, цвели вишневые сады и было так уютно пить чай на террасах барских усадеб. Но цену этого остановленного «прекрасного мгновения», цену торможения исторической и социокультурной динамики в апокалиптическом огне Гражданской войны и десятилетий политических репрессий на себе почувствовали не только прямые потомки тогдашних защитников феодальной империи, но и десятки миллионов советских людей всех «сословий и званий».

Тридцатилетнее царствование императора Николая I свелось к профилактическому осмотру и возможной отладке архаичного механизма империи. Николай I не любил и не видел пользы не только в отношении правовых и политических заимствований из Европы, но и в отношении заимствований технологических, к которым с такой любовью относился Петр I. Николай думал об освобождении крепостных крестьян, учредив девять (!) секретных комитетов, которые должны были готовить предложения по этому вопросу. Но нежелание обижать дворянство пересилило, император полагал, что дворянское землевладение необходимо сохранить. В результате «предпочли не делать ничего, или почти ничего. Более надежное и полное, нежели австрийское или прусское, русское крепостничество в 1812 году обеспечило победу. Кризис возник с Крымской войной, и с полувекowym запозданием... Этот роковой разрыв Россия так и не смогла преодолеть»¹⁷⁹.

Несмотря на полноту жизненной энергии и административную активность

¹⁷⁷Чичерин Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия // О свободе: Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 504.

¹⁷⁸Безансон А. Россия в XIX веке // Советское настоящее и русское прошлое: Сборник статей / Пер. с фр. А. Бабича (главы IV-XI) и М. Розанова (главы I-III). М.: МИК, 1998. С. 12.

¹⁷⁹Безансон А. Россия в XIX веке // Советское настоящее и русское прошлое: Сборник статей / Пер. с фр. А. Бабича (главы IV-XI) и М. Розанова (главы I-III). М.: МИК, 1998. С. 14.

император не имел склонности к проведению модернизации ни в имперской, ни тем более в либеральной формах. Исключение составляют лишь некоторые технические проекты. Так, комиссия во главе с выдающимся либеральным государственным деятелем эпохи – М. Сперанским – кодифицировала, упорядочила многотомное и крайне противоречивое собрание российских законодательных актов, начиная с судебных, изданное к 1830 году в 45 томах.

Стагнация в самых различных сферах, начиная от социальной и кончая организацией и вооружением армии и флота, предопределила поражение России в Крымской войне. Император любил изящный парусный флот и относился к паровым бронированным кораблям как к очередной быстро преходящей европейской моде, в стране было совершенно недостаточное количество железных и шоссейных дорог. Слабость империи в военной области, высшей области человеческой деятельности в империи, открыла дорогу реформам.

В тот раз за сохранение «политической стабильности» пришлось платить унижительным для феодальной империи, более всего ценившей военную мощь вообще и воинскую доблесть в частности, поражением в Крымской войне. Но именно это поражение привело к началу единственного во всей российской истории периода последовательной и успешной либеральной модернизации. Ставшая очевидной военная слабость России потребовала коренных реформ, как и полтора века до этого при Петре I, но в этот раз реформы пошли вглубь, переворачивая социальное устройство общества, открывая, пусть и не столь широкую, дорогу для капиталистического этапа развития страны.

Следует помнить, что военная слабость государства всегда является лишь следствием «потерянного времени» в социальной, политической, экономической областях. Важнейшими архаическими неустройствами России того времени была феодальная организация хозяйства вообще и крепостная зависимость крестьян в частности. Власть понимала, что «прежняя безропотная покорность крепостных людей, доходившая иногда до изумительного самозабвения, слабеет с каждым поколением, несмотря на то, что суровость и жестокость в личном обращении с ними еще быстрее смягчается. „Народ стал сильно портиться“, – слышим мы беспрестанно из уст старых помещиков и приказчиков»¹⁸⁰. Реформы Александра II проводились в интересах всего общества, а не только властного субъекта, несмотря на сохранение имперской атрибутики и имперской геополитики. 19 февраля 1861 года было объявлено о проведении «Великой реформы», отмене крепостного права: «Мы были последней крупной страной в Европе, которая отказалась от этого института. Но от феодализма мы не отказались. Община была чистым пережитком феодализма, и тогда тоже почвенники доказывали, что это особенность русской жизни, русского духа, национальная идея»¹⁸¹.

Перечислим последующие реформы Александра II в хронологической последовательности: 1864 – реформы в сфере народного образования, в том числе принятие нового университетского устава, содержавшего положение об университетской автономии; 1864 – земская реформа, содействовавшая развитию местного самоуправления; 1864 – судебная реформа; 1865 – некоторое ограничение цензуры и реформа печати; 1870 – городская реформа, заложившая основы муниципального самоуправления; 1874 – военная реформа, предполагавшая введение всеобщей воинской повинности. Либеральные реформы Александра II представляли собой наиболее значимую в нашей истории попытку модернизации по либеральной модели, когда реформировались не только технологии, но и социальные институты.

180 Покровский М. Н. Крестьянская Реформа // История России в XIX веке. Т. 3. СПб.: Изд-во Т-ва бр. А. и И. Гранат и К. С. 77.

181 Ясин Е. Г. Прелюдия // Знание - сила. 2001. № 2. С. 64.

В годы александровских реформ духовно-интеллектуальная жизнь России как никогда приблизилась к европейской. Эти судьбоносные для страны реформы надо было проводить значительно раньше, критическое опоздание к середине XIX века составляло порядка двух столетий, но и при таком опоздании творческого потенциала, в них заложенного, хватило на весь период до Октябрьской революции 1917 года. К сожалению, «Великая реформа», как ее называли современники, не смогла вывести страну на путь развития по европейскому типу, использование либеральной модели модернизации пришлось на годы царствования императора Александра II, завершившись с его трагической смертью. В пореформенной России трансформационные процессы развивались в разных направлениях, архаическая стихия народной жизни сопротивлялась модернизационным процессам: «С одной стороны, шел ограниченный процесс наращивания культуры, перерастания умеренного утилитаризма в развитый, происходил переход к более прогрессивным формам труда, общественной жизни. Но одновременно шел и другой, прямо противоположный, то есть возврат к догосударственным ценностям разрушения государства, уничтожения власти, всего, что выходило за рамки эмоциональных связей. Эти два процесса взаимоисключали, взаиморазрушали друг друга»¹⁸².

Мы знаем, что свернуть с колеи имперского развития на том этапе исторического развития так и не удалось. Это трагическое для дальнейшего развития России обстоятельство было обусловлено как объективными, так и субъективными факторами. Начнем с последних. Здесь следует выделить «бесов», поджигателей и бомбистов, с такой глубиной психологического проникновения изображенных Ф. М. Достоевским в одноименном романе. В результате целого ряда покушений им удалось буквально затравить Александра II накануне подписания последним буржуазной конституции: «Ясным снежным днем 1 марта 1881 года... в Санкт-Петербурге молодая светловолосая женщина с непокорным лицом, ожидавшая на берегу канала появления саней в сопровождении казачьего эскорта, быстро взмахнула платком. Глухие раскаты взрыва, сани опрокинулись, и на снегу возле парапета канала остался лежать человек с седеющими бакенбардами, ноги и нижняя часть тела которого были разорваны в клочья... Так партия „Народная воля“ убила царя Александра II»¹⁸³. В независимости от субъективных намерений революционеров из «Народной Воли» вновь произошло отклонение вектора развития страны от буржуазного европейского пути развития, в очередной раз совершился выбор в пользу сохранения феодально-имперских оснований российской культурно-цивилизационной системы.

Поток инокультурных по своему происхождению инноваций, буквально захлестнувший страну в годы александровского либерального этапа модернизационных трансформаций, вызвал критическое напряжение культурно-цивилизационной системы, хаотизацию социокультурного пространства, привел к началу формирования альтернативной либерально-буржуазной дисистемы. Естественно, что эти процессы вызвали острое сопротивление феодально-имперской системы, приведшее к отторжению либеральных привнесений александровской эпохи.

Феодальная, а во многом еще и дофеодальная Россия была напугана радикальными изменениями, вызванными осуществлением либерального модернизационного проекта второй половины XIX века. Вспомним отношение

182Ахиезер А. С., Давыдов А. П., Шуровский М. А., Яковенко И. Г., Яркова Е.Н. Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 203.

183Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера / Пер. с франц. Ю. В. Гусевой, В. А. Бабинцева. М.: НПЦ Праксис. Оренбург: Оренбургская книга, 2001. С.4.

государственных крестьян к робким попыткам правительства реорганизовать крестьянскую жизнь, сделать ее более свободной, когда «сначала была реорганизована опекавшая их административная система, чтобы „заставить их быть свободными“. Потом попробовали ввести сельскохозяйственные улучшения. Крестьяне оставались пассивными, безразличными, иногда бунтовали»¹⁸⁴.

Подобное, но в еще больших масштабах повторилось и в ходе Великой крестьянской реформы 1861 года, когда крестьянские волнения были направлены не только против недостаточной радикальности реформы, но и против освобождения как такового. Получивший впоследствии известность как либерально настроенный цензор Александр Никитенко в дневниковой записи, датированной декабрем 1857 года, заметил, что: «В публике боятся последствий рескрипта об эмансипации – волнений между крестьянами. Многие не решаются летом ехать к себе в деревню»¹⁸⁵. С нашей точки зрения, важным представляется характер народных волнений, не соответствующий логике марксистского изложения истории народно-освободительного движения, но вполне соответствующий особенностям традиционной ментальности. Так, еще российская императрица Екатерина II утверждала, что «в России революции приводят к усилению власти, а не к ее ослаблению и что они вспыхивают, когда народ опасается безвластия, а не когда он страдает от деспотизма»¹⁸⁶.

Время Александра III вошло в историю как время контрреформ; передавая господствующее общественное настроение того времени, К.Д. Кавелин в 1888 году писал: «После радужного настроения, светлых надежд и кипучей деятельности, наполнивших собой эпоху реформ, наступили годы полного и горького разочарования, и было от чего: светлые надежды не сбылись, победное шествие реформ остановилось, отчасти попятилось назад. Радужное настроение превратилось в мрачное, ироническое, дошедшее в некоторых до отчаяния или крайнего озлобления»¹⁸⁷. В годы царствования Александра III у имперской власти хватило сил на антитеррористические акции, наведение порядка и «подмораживание» России, но радикально обновить имперскую эсхатологическую идеологию, чего требовали задачи очередного этапа модернизации, она не смогла. Страна в очередной раз столкнулась с необходимостью радикальных модернизационных преобразований, обусловленной все большим ускорением исторической и социокультурной динамики европейской цивилизации модерна.

Вспомним трудную судьбу новых пореформенных институтов в эпоху правления Александра III. Так, постоянно ограничивались пределы властной компетенции и круг вопросов, рассматриваемых земскими учреждениями, в недрах государственного аппарата с завидной регулярностью возникали планы по передаче основных его функций бюрократическим управленческим структурам. Реакция эпохи Александра III носила вялый, слабо акцентированный характер, император, как и его сын и наследник, Николай II, пытались сохранить наиболее значимые элементы российской социокультурной традиции, как-то приспособить к ней многочисленные европейские заимствования.

Задача, заключающаяся в создании эффективного, работающего, жизнеспособного симбиоза между феодально-имперской и либерально-капиталистической системами, оказалась на этом этапе исторического развития

184Безансон А. Россия в XIX веке // Советское настоящее и русское прошлое: Сборник статей / Пер. с фр. А. Бабича (главы IV-XI) и М. Розанова (главы I - III). М.: МИК, 1998. С. 13.

185Геллер М.Я. История Российской империи: В 3 т. М.: МИК, 1997. ТомШ.С.87.

186Там же. Том II. С. 196.

187Цит. по: Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Три модели развития России. М.: ИФРАН, 2000. С.220.

страны не просто трудной, но и неразрешимой. М. Вебер, говоря о России начала XX века, совершенно справедливо заметил, что «страна, еще каких-то 100 лет назад напоминая своими наиболее укорененными в национальной традиции институтами монархию Диоклетиана, не может найти такую формулу реформы, которая имела бы местные „исторические“ корни и была бы при этом жизнеспособной»¹⁸⁸.

Возможности адаптационного развития монархической системы приближались к своему естественному истощению, впереди были годы первой русской революции и второе, еще более судьбоносное испытание для империи – Первая мировая война. Ни в годы царствования Александра III, ни Николая II основная часть насущных для страны исторических проблем не решалась, они «подмораживались», загонялись вглубь, что только увеличивало их будущий разрушительный потенциал. Со временем нерешенные проблемы обострились до предела, что усугубилось бездарной политикой властного слоя, не сумевшего дать сколь-либо позитивный ответ на вызовы времени. Попытка искать ответы в нашем чуть ли еще не допетровском прошлом крайне дорого обошлась как высшим, так и низшим российским сословиям. В. Вейдле, говоря о крахе пореформенной, в определенной мере модернизированной России, отметил, что «при встрече с народом новая Россия разбилась о наследие Древней Руси, не преобразованное Петром и его преемниками на троне или у трона, она разбилась о географию, о неизменность народной жизни, ее победил все тот же стихийный разлив русской земли»¹⁸⁹.

Приверженность последнего российского императора Николая II консерватизму, стремление действовать в рамках, задаваемых российской социокультурной традицией, причем не только в сфере властного управления, но и в повседневной жизни, непонимание динамично изменяющегося европейского мира привели империю Романовых к катастрофе, прелюдией которой стала Первая мировая война. Наиболее радикально антиправительственно и антиимперски настроенная часть российского общества полагала, что «самодержавная империя со всеми своими вешателями, погромами, безвкусной роскошью галунов, голодом, сибирской каторгой, застарелым беззаконием не имела шансов пережить войну»¹⁹⁰.

Как мы знаем, империя Романовых войну пережить не смогла, но ее крушение стало не просто катастрофой империи, оно затронуло все российские сословия, это был первый в XX веке и самый страшный цивилизационный срыв России. В годы первой русской революции страна подошла к очередному историческому выбору, предполагавшему либо принятие европейского пути развития и, соответственно, использование модели либеральной модернизации, либо продолжение феодально-имперской линии развития, все более и более затруднительной с динамичным течением времени. Россия склонялась ко второму варианту, император и большая часть бюрократии готовы были вслед за К. Н. Леонтьевым провозгласить: «Мы верим, мы имеем смелость верить, что Россия еще может отстраниться от западноевропейского русла... Мы еще верим в силу русского охранения и в свежесть русского ума»¹⁹¹.

188 Вебер М. К состоянию буржуазной демократии в России // Рубежи. 1997. № 5(20). С.126.

189 Вейдле В. Три России // Умирание искусства / Сост. и авт. послесл. В.М.Толмачев. М.: Республика, 2001. С. 139.

190 Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера / Пер. с франц. Ю. В. Гусевой, В. А. Бабинцева. М.: НПЦ Праксис. Оренбург: Оренбургская книга, 2001. С.60.

191 Леонтьев К.Н. Религия – краеугольный камень охранения // Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891) / Сост. и коммент. Г.Б.Кремнева; Вступ. ст. и коммент. В. И. Косика. М.:

На субъективном уровне положение усугублялось очевидной слабостью либеральных сил в революционные и первые послереволюционные годы. Справедливо отмечая, что Москва и особенно Петербург накануне революции были «совершенно западными городами», не следует забывать, что кроме жителей Москвы, Петербурга и некоторых других крупных городов, по многим параметрам сопоставимых с европейскими, в остальной России народ жил в другой исторической эпохе, обладая соответствующей ей ментальностью.

Деревни, которые зимой заносило снегом так, что между ними не было никакого сообщения, с трудом можно назвать обществом в собственном смысле этого слова, здесь просматривается вполне явная историческая аналогия с развитием европейского феодализма. «Рожденный в весьма редко сотканном обществе, где торговля мало что значила и деньги были редкостью, европейский феодализм глубоко изменился, когда ячейки человеческой сети уплотнились, а обращение товаров и звонкой монеты стало более интенсивным»¹⁹², – этот процесс уплотнения «человеческих» связей, торговых контактов, упрочения денежных отношений не успел достигнуть зрелых форм в царской России, не успел радикально изменить крестьянскую среду.

К 1917 году царская империя превратилась в исторический анахронизм, что было платой за стремлением «подморозить Россию» и отторжение либеральных реформ. Модернизационные трансформации в либеральном духе приводят к временной (текущей) хаотизации социокультурного пространства, такими трансформациями трудно управлять, но они обеспечивают задел на будущее, позволяют со временем встать на путь буржуазного европейского развития. Стремление к стагнации как, впрочем, и укрепление базовых имперских оснований системы посредством использования имперской модели модернизации, позволяет сохранить текущую, сегодняшнюю стабильность, но поскольку реальные проблемы в самых различных областях не решаются или решаются неэффективно, за сегодняшнюю стабильность приходится платить завтрашними социальными взрывами, военными поражениями и в своем крайнем выражении эта политика приводит к цивилизационным катастрофам.

Мы полагаем, что исторические катастрофы в течение последних нескольких столетий случались в России из-за слишком долгого и упорного стремления сохранить историческую, политическую, экономическую и культурную самобытность. Стремительность социокультурной динамики в рамках западной цивилизации требовала столь же стремительной реакции. Очень долго российская власть и общество пытались найти рецепты ответа в традиции, в прошлом, использовать отжившие механизмы, приемы, социальные институты. В результате то, что в Европе вызревало в течение столетий, в России приходилось делать быстро, в ничтожный исторический срок пяти-пятнадцати лет: «Когда правительство, вместо того чтобы вести народ путем постепенных улучшений, останавливает всякое движение и подавляет всякую свободу, оно неизбежно приводит к необходимости крутого перелома. Приходится разом наверстать потерянное время»¹⁹³. Успех в рамках большого скачка – явление весьма стохастичное, куда более результативна модернизация в виде открытого эволюционного процесса, когда перемены происходят постоянно.

Когда разрушается картина мира, свойственная носителю традиционного

Республика, 1996. С. 224.

192Блок М. Феодальное общество // Блок М. Апология истории или ремесло историка / Пер. с фр. Е. М.Лысенко. М.: Наука, 1986. С. 134-135.

193Чичерин Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия // О свободе: Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М.: Прогресс-Традиция. 2000. С. 509.

сознания, происходит процесс десакрализации привычных ценностей и иерархий, начинается общественное брожение, волнения, в своем крайнем выражении эти процессы выливаются в русский бунт. Так, в Петрограде 1917 года начались массовые волнения, переросшие в февральскую революцию. В 1917-1921 годах большевики смогли использовать волну народного бунта, когда две эсхатологические доктрины нашли точки соприкосновения, определив и победу большевиков в Гражданской войне, и более чем семидесятилетний период советской власти в СССР.

На очередном, большевистском этапе имперской модернизации решались исторические задачи, которые уже давно были решены в Европе, это было критическое опоздание, предопределившее и столь ужасающе большое число человеческих жертв, первый в XX веке цивилизационный срыв России¹⁹⁴. Большевистская революция была внесистемным решением системных задач империи, проявлением искомой К.Леонтьевым свежести не только русского ума, но и ума других народов, населяющих империю. Абсолютно неадекватная и, соответственно, неконкурентоспособная в XX веке идеократическая средневековая православная монархия сменилась идеократией марксистской, сумевшей дать иные, соответствующие духу времени обоснования для притязаний на осуществление вселенского божественного проекта. Этих подкрепленных перманентным всеобъемлющим насилием обоснований хватило почти на весь прошлый век, СССР сумел возродить империю на принципиально новых и долгое время весьма действенных идеологических основаниях: «Из трех великих многонациональных империй, существовавших в Европе во времена Первой мировой войны – Австро-Венгерской, Оттоманской и Российской, – только последней предстояло выжить, по крайней мере, до 1991 года... первый марксистско-ленинский режим стал российским имперским режимом, наследником царской империи»¹⁹⁵. Место самодержца российского занял генеральный секретарь ЦК КПСС, место народа-богоносца занял пролетариат, в новой табели о рангах класс-гегемон. Идеологема «православие, самодержавие, народность» в подкорректированном виде превратилась в новую/старую триаду, пронизывающую все, партийность пришла на место православия, власть КПСС на место самодержавия¹⁹⁶.

Определенная преемственность между российским и советским имперскими проектами наблюдается и в определении главного источника Мирового Зла. Он по-прежнему на Западе, но появились и новые акценты; так, мировой буржуазии была отведена роль его (Мирового зла) наиболее аутентичного воплощения. Старая, как российский имперский мир идеологема, сочетающая в себе изоляционизм и агрессию, возродилась на новых, ленинско-сталинских основаниях. Изоляционизм обосновывался ситуацией осажденной крепости – СССР; так, в одном из неопубликованных выступлений М. И. Калинин в ноябре 1934 года говорил: «Вот, товарищи, зарубите себе на носу, что пролетарии Советского Союза находятся в осажденной крепости, а в соответствии с этим и режим Советского Союза должен соответствовать крепостному режиму»¹⁹⁷. А постоянная готовность к внешней

194Так, в течение только XX века страна пережила две, пусть и разномасштабные, цивилизационные катастрофы с нарушением преемственности в развитии: в 1917 и в 1991 годах.

195Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века.: Пер. с англ. М.: Логос, 2003. С.20.

196В ироническом, ерническом духе эта советская преемственность в отношении триады «православие, самодержавие, народность» замечательно обыграна в романе В. П. Аксенова «Остров Крым».

197Цит. по: Голубев А. В. «Мировая республика» или «закрытое общество»: СССР в 1920-1930-е годы // Россия и современный мир. 2003. №3. С. 126.

экспансии обосновывалась необходимостью расширения на Европу и далее везде власти трудящихся, освобождения силами Красной Армии от практики эксплуатации человека человеком, проложить путь к созданию Всемирной республики советов.

По документам эпохи и мемуарам непосредственных участников революционных событий тех лет¹⁹⁸ мы знаем, насколько силен был революционный энтузиазм наиболее политизированной части наших сограждан, от эсхатологии окончательной победы мировой революции захватывало дух даже у некоторой части образованных людей, вспомним хотя бы хрестоматийный пример А. В. Луначарского, ставшего народным комиссаром по делам просвещения в советском правительстве. Большевицкая революция 1917 года позволила не просто обновить и регенерировать империю, но и вызвать массовый всплеск пассионарной энергии, расчистившей и одновременно архаизовавшей общественное сознание.

Новая идеократия ленинско-сталинского периода нашей истории явилась народу в гораздо более чистых мифологических формах, конец истории, построение самого справедливого коммунистического общества не откладывались на будущее за пределами человеческой жизни, полемически упрощая, В. И. Ленин говорил о том, что «коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны»; и последний, по-видимому, коммунистический лидер СССР, искренне веривший в будущее торжество коммунизма, Н. С. Хрущев, инициировал в 1962 году принятие новой программы КПСС, декларировавшей, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», дословно повторяя заключительный тезис из резолюции XXII съезда КПСС¹⁹⁹. Вот и окончание человеческой истории, достижение заветной мечты человечества, сегодняшнее создание общественного строя, при котором от каждого человека общество получает по его способностям, отдавая ему по его потребностям, эсхатологический вариант построения земного рая, тысячелетнего царствия Божия во главе с КПСС.

Неудивительно, что на протяжении большей части советского периода нашей истории мы видим всплески эсхатологических настроений, последний мощный всплеск был стимулирован принятием новой программы партии: «Новая Программа КПСС обещала построить коммунизм, и эта задача, собственно говоря, уже была выполнена самим произнесением сакральных слов: „Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!“». Строительство утопии – и есть воплощение утопии, так как все, что для этого нужно, – наличие цели и вера²⁰⁰. Следует отметить, что эсхатологические настроения, инспирированные идеей победы пролетарской революции во всемирном масштабе с последующим столь же всемирным строительством коммунизма, по своей радикальности не только не уступали, но временами и превосходили традиционные формы средневековой христианской эсхатологии.

Победа большевиков и установление советской власти в России/СССР предполагало победу самого динамичного и современного на тот исторический момент западного политико-экономического учения – марксизма. Но марксизм столкнулся в России с колоссальным пластом архаической народной жизни, тысячелетней культурой русского крестьянства, свойственной, как заметил Г. фон Скерст «...русскому типу крестьянина, сохранившего в своих обычаях и преданиях

198См., напр.: Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера / Пер. с франц. Ю. В. Гусевой, В. А. Бабинцева. М.: НПЦ Праксис. Оренбург: Оренбургская книга, 2001. С.41-90.

199Резолюция XXII съезда КПСС // Материалы XXII съезда КПСС. М.: Госполитиздат, 1961.С.319.

200Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. 3-е изд. М.: Новое лит. обозрение, 2001. С. 12.

нечто от незапамятных времен»²⁰¹. Он практически сразу столкнулся с Россией традиционной, необузданной в своем понимании свободы. Еще русский эмигрантский историк Н.Н.Алексеев заметил, что в октябре 1917 года в России победила «демократия первобытная, кочевая, политически аморфная, полуанархическая»²⁰². Адаптация европейской составляющей марксизма к условиям внешней среды была абсолютно неизбежна, марксизм на российской почве сумел сохранить преимущественно свою внешнюю оболочку, потеряв внутреннее содержание, и уже в этой, выхолощенной форме, стать идеологическим оформлением так называемого «реального социализма». Вскоре после революционного срыва Российской империи Ф. Степун писал о том, что «большевизм не только грех России перед самой собой, он еще и грех социализма перед самим собой»²⁰³.

В результате деятельности в совершенно чужеродной среде горстка сознательных марксистов была очень быстро, по историческим меркам, поглощена, переварена и абсорбирована малообразованной массой крестьянства и мещанства российских городов. РСДРП(б) была приспособлена для нужд восстановления империи и проведения очередного этапа имперской модернизации. Пришедшие на смену этой революционной кагорте новые «марксисты» «диалектику учили не по Гегелю», то есть не были отягощены грузом европейской философской, экономической, политической традиции, да и грузом культуры вообще.

Такая практическая, ситуационная сборка-восстановление государства на практике привела к быстрому перерождению марксизма и восстановлению империи. Культурно-цивилизационный срыв, произошедший в России этого периода, вывел на поверхность жизни из недр памяти идеи справедливости, понимаемые в духе архаического равенства, как уравнительность материального достатка, нивелирование всех и вся под некий усредненный шаблон. Это равенство без сословий, отторжение той порчи народа, о которой после реформ Александра II говорили славянофилы, когда народ испортили «материальные похоти, банки, концессии, акции, дивиденды»²⁰⁴, то есть утверждавшиеся буржуазные приемы хозяйствования вели к материальному разделению, угрожали коллективным формам народной жизни.

Большевики попытались на практике реализовать свои марксистские, радикально западнические идеи, столь же значительно перерождавшиеся в процессе практической реализации. Так, неизменный набор революционных социалистических лозунгов, включающий в себя требование отмены частной собственности, семьи, государства, официальной церкви после короткого периода хаоса и деструкции реализуется в совершенно неузнаваемом в отношении первоначальных планов виде. Официальная церковь вступает в полосу гонений, храмы закрываются, священнослужители подвергаются массовым репрессиям, что приводит к ее постепенному оттеснению в сферу частного, локального, в отдельные периоды советской истории даже чего-то маргинального, отжившего. Но это отнюдь не означает торжество атеизма и классической рациональности, поскольку на смену уходящей религии приходит новый квазирелигиозный культ, в основу которого было

201Цит. по: Бондарев Г.А. Ожидающая культура. М.: Философско-антропологическое изд-во, 1996. С. 87.

202Цит. по: Пивоваров Ю. С. Русская история как «Русская идея». Часть II. Властечетричные и идеологические основания // Россия и современный мир.2003.№3.С12.

203Степун Ф. А. Мысли о России. Вступительная статья и составление В. Борисова // Новый мир. 1991. №6. С.230.

204Геллер М. Я. История Российской империи. В трех томах. М.: МИК, 1997.Том III.С.93.

положено «единственно верное учение» – марксизм-ленинизм. Марксизм в его ленинско-сталинской редакции заменил советскому человеку философию, науку и религию.

Институт семьи, пошатнувшись в 1920-е годы, когда в СССР были еще сознательные марксисты (как в этой связи не вспомнить А. М. Коллонтай и И. Ф. Арманд), а сам марксизм еще не прошел через полосу перерождений, на волне сталинского термидора уже в 1930-е годы не только полностью восстанавливает, но даже укрепляет свои позиции. В Советском Союзе не только не проявилось сколь-либо значимой тенденции к отмиранию государства, что должно было произойти согласно марксистской теории, но проявилась прямо противоположная тенденция к его укреплению. Уже в 30-е годы прошлого века советское государство сумело подняться в «предгорья» имперской организации и могущества, достигнув этих «вершин»²⁰⁵ после окончания Второй мировой войны.

Почему совершая очередной исторический выбор, страна опять выбрала путь имперского строительства? Ведь в начале революции многие большевики выступали, скорее, за демонтаж империи, в ходу было определение царской империи как тюрьмы народов, независимость де-юре и/или де-факто получили Финляндия, Польша, Прибалтийские губернии, Украина, Средняя Азия, народы Кавказа. Сравнивая послереволюционную Советскую Россию и послереволюционную Францию времен Наполеона Бонапарта, нельзя не отметить следующее. Квазиимперское государство Наполеона, почти сразу сменившее террористический революционный режим, оказалось недостаточно сильным для того, чтобы повернуть с ключевой национально-либеральной дороги европейской истории в аппендикс имперского строительства. Оказалось, что для такого поворота недостаточно было быть даже очень талантливым полководцем, это был скорее волюнтаристский порыв, не подкрепленный объективными историческими и социокультурными условиями.

В противоположность постреволюционной Франции имперское государство большевиков имело под собой гораздо более благоприятную историческую и социокультурную почву, основывающуюся на многовековой традиции имперского строительства. В течение краткого периода свободы, наступившей в стране после февральской революции 1917 года, не удалось ни построить демократию, ни изменить траекторию исторического развития России, традиция строить и воспроизводить империю на новом этапе истории оказалась сильнее большевиков. Эти слова были сказаны по поводу итогов Великой французской революции, но они вполне подходят и для обозначения итогов демократической революции в России: «Нельзя изгладить в течение нескольких месяцев следы двадцати столетий монархии и рабства (курсив наш. – С.Г.)»²⁰⁶.

В России/СССР все возвращалось на круги своя, и к середине 30-х годов XX века новая, советская «великодержавность» требовала своего оформления... стала употребляться относительно дореволюционной России формула „наименьшего зла“: определение России как „тюрьмы народов“ стало смягчаться. О присоединении окраин перестали говорить как о захватах. Вместо этого предлагалось следующее объяснение: в состав России была включена Украина, ибо это лучше, чем если бы последнюю захватила Польша. То же с Грузией: лучше, чем резня. Монархический

²⁰⁵Через несколько десятилетий после описываемых событий советский философ А. А. Зиновьев обозначил успехи Советского Союза как «зияющие высоты». Но проходит время, в процессе обратной инверсии у вершин меняется знак, минус на плюс, и сегодня «высоты» у А.А.Зиновьева уже не зияющие, но снова сияющие во всем своем сверхчеловеческом величии.

²⁰⁶Матьез А. Французская революция. Т. III. Террор / Пер. с фр. С. Лосева; Пред. Н.М.Лунина. М.: Московский рабочий, 1930. С.207.

патриотизм стал в какой-то мере отвечать задачам патриотизма социалистического. Почувствовав свою силу, мощь, прочность, государство к 30-м годам задыхалось без истории, но истории покорной»²⁰⁷).

После относительно либерального в экономическом плане периода НЭПа, не распространявшего, впрочем, эти либеральные послабления в сферу идеологии, начался очередной этап имперской модернизации: «На рабском труде крестьянства, на голоде рабочих и горожан да на иностранных кредитах и технической помощи – строится пятилетка»²⁰⁸. Сталинскую модернизацию можно назвать выражено имперской и потому, что целью ее было построение мировой империи, исподволь нацеленной на мировое господство. Кроме того, эклектический уклад, созданный в России сталинского периода, вобрал в себя все добуржуазные типы социума, от патриархально-общинного до рабовладельческого и феодального. И такой размах добуржуазности в индустриализирующейся стране трудно связать с догоняющим характером традиционно понимаемой модернизации. Термин «консервативная модернизация» здесь также не совсем уместен, ни большевики вообще, ни И. В. Сталин в частности, не испытывали особых симпатий к ценностям традиционного уклада российской жизни.

За годы советской власти было достигнуто резкое изменение в удельном соотношении городского и сельского населения, страна из преимущественно крестьянской (более 80 % проживало в деревне²⁰⁹) стала преимущественно городской.

Путем искусственного голода и принудительной коллективизации были уничтожены миллионы крестьян на Украине, в России и Казахстане. Американский историк Роберт Конквест подсчитал, что «коллективизация и связанный с ней голод непосредственно, впрямую, были причиной смерти около 15 миллионов крестьян»²¹⁰.

Контрапунктами, ключевыми этапами процесса раскрестьянивания, начавшегося еще в годы Гражданской войны, были коллективизация, взрывное развитие тяжелой индустрии, голодовки начала 1930-х годов и Великая Отечественная война, надломившие крестьянство демографически. Заключаящими аккордами процесса, занявшего большую часть века, стало предпринятое уже при Л. И. Брежневом расселение неперспективных деревень. В социокультурном плане этот процесс в течение всего периода раскрестьянивания поддерживался радикальным неравенством жизненных шансов молодых поколений горожан и селян, в экономическом – неэквивалентностью обмена между городом и деревней, существующим разрывом в ценах на промышленную и сельскохозяйственную продукцию.

Попытка подъема сельского хозяйства в нечерноземной зоне России, спасения деревни, предпринятая в 70-е годы прошлого века во многом благодаря крестьянскому происхождению первых лиц советского государства, оказалась неэффективной. К этому времени крестьянский уклад жизни был уже безвозвратно

²⁰⁷Неретина С. С. Тропы и концепты. М.: ИФРАН, 1999. С. 252-253.

²⁰⁸Федотов Г. П. Правда побежденных // Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. Т.2. СПб.: София, 1991. С. 18.

²⁰⁹О процессах изменения в соотношении между городским и сельским населением в России XX века более подробно см., напр.: Лухманов Д.

²¹⁰Цит. по: Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. С.45. Эволюция сельского расселения в первой половине XX века // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монографич. сб. М.: ОГИ, 2001. С.225-239.; Трейвиш А. Город, село и региональное развитие // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монографич. сб. М.: ОГИ, 2001. С.337-373.

разрушен, картина сельской жизни являла собой завершающий этап длительной исторической катастрофы, заколоченных крест-накрест изб, запустения, доживания в родных местах старших возрастных групп крестьян. Разрушился крестьянский мир, генеалогически восходящий к архаическому, доисторическому периоду развития человечества. По итогам XX века произошло определенное вытеснение адаптационных социальных, хозяйственных технологий, вырабатывавшихся крестьянством в течение многих тысячелетий, в локальную, неэффективную, маргинальную сферу, не гарантирующую ничего, кроме минимального уровня физического выживания. Трагизм, неизбежная боль этого процесса, корчи «безъязыкой России» хорошо описаны в художественной литературе, начиная от изображения ужасов Гражданской войны, голода А. Веселым, А. Платоновым, В. Ивановым до писателей-«деревенщиков» В. Распутина, В. Белова, Б. Можая и др.

На индустриальном этапе развития общества модерна предполагалось достижение определенного уровня пунктуальности, собранности, технологической взаимодополняемости, взаимосвязанности личности и индустриальной экономики. Особенности имперской модернизации на ленинско-сталинском этапе нашей истории заключались в использовании феодальных методов. Так, говоря об Октябрьской революции 1917 года, известный российский экономист Е. Г. Ясин справедливо отметил, что «она нас в новых формах, с новыми словами погрузила в еще больший феодализм, который взял на себя миссию вырвать Россию из отсталости, построить передовую индустрию... феодальными методами»²¹¹.

Отсюда во многом проистекает и большевистский террор 1917-1953 годов, который имел не только идеологическое обоснование, но и представлял собой попытку, используя крайние формы насилия, привить выпавшему из контекста православной ценностно-нормативной системы советскому человеку некий нравственный императив, пусть и в его простейших, утилитарных формах. Исторически в российской социокультурной системе доминируют внешние формы контроля над личностью, самоконтроль личности не стал преобладающим в обществе ни в царской России, ни в послереволюционный период, его формированию не способствовали годы революционного хаоса и гражданской смуты.

Из воспоминаний А. С. Изгоева, относящихся к периоду Гражданской войны: «Русскому народу... только такое правительство и нужно. Другое с ним не справится. Вы думаете, народ вас (т. е. кадетов) уважает. Нет, он над вами смеется, а большевика уважает. Большевик его каждую минуту застрелить может»²¹². Весьма образно описывает состояние масс послереволюционной России С. Португейс в работе «Пять лет большевизма»: «...В рыхлую, нестойкую среду ворвалась бешеная индустриальная горячка с ее военно-террористической хваткой... а главное с вовлечением в индустриальное пекло огромных толп мещанства, деревенщины, толкаемой разорением и боязнью мобилизации прямо в пасть индустриального Молоха, который потряс этих людей до самых основ их душевного и умственного строя... Взбаламученное море социальных отбросов, классовая крошка и мешанина, болезненное, в сущности, поколение, страдающее припадками психических эпидемий... В этом сказался гений большевизма, что он сумел подчинить себе это военно-социальное месиво, сделав его болезненной, исковерканную душу, его жадную нищету и нищенскую жадность исходным пунктом „социалистической революции“» (89)

В 30-40-е годы XX века, в полдень сталинской эпохи, в общественное сознание

211 Ясин Е. Г. Прелюдия // Знание – сила. 2001. № 2. С. 67.

212 Цит. по: Кантор В.К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации: Историческое очерки. М.: РОССПЭН, 1997. С. 113. 89) Цит. по: Хевеши М. А. Толпа, массы, политика: Ист.-филос. очерк. М.: ИФРАН, 2001. С. 152.

вколачивались простые истины: нельзя опаздывать на работу, брать чужое (закон «о колосках»), вколачивались почти буквально гвоздями, как и в годы Гражданской войны, когда представители этого же народа не в аллегорическом, а в прямом смысле забивали гвозди в офицерские плечи и головы: «„Народ-богоносец" надул. „Народ-богоносец" либо раболепствует, либо бунтует; либо кается, либо хлещет беременную бабу по животу; либо решает мировые вопросы, либо разводит кур в ворованных фортепьяно»²¹³.

Варварскими методами решалась задача массовой переделки докапиталистического российского человека, приспособления его для индустриальных нужд советской модели общества модерна. Драконовские меры, принимаемые в сталинскую эпоху, во многом объяснялись не только идеологически, но и утилитарно, жесточайшими репрессивными мерами пытались сконструировать «нового человека» эпохи модерности, приспособить его для нужд индустрии. В нацистской Германии в тот же исторический период были случаи расстрела за безбилетный проезд в общественном транспорте, стрельба штурмовиков по невымытым окнам квартир. Эта политика в радикальных формах продолжала политику санкций, значительных штрафов, налагаемых средневековыми городскими управлениями за грязь и мусор перед частным домом, за те же невымытые стекла. Как травяной газон приобретает свою законченную, запланированную форму за несколько сот лет правильного ухода, так и рациональное, цивилизованное, срединное поведение человека достигается в не менее длительные сроки.

Сталинская имперская модернизация во многом проводилась по образцу петровской, мы видим тот же крайне высокий уровень абсолютизма, где каждое прямое указание или полускрытое пожелание вождя нормативно и не подлежит обсуждению, но лишь выполнению. На новом этапе исторического развития воспроизводится бесправие подданных, мобилизационный принцип централизованной концентрации ресурсов на выбранных направлениях, заимствование западных технологий, когда сотни заводов покупались в полной комплектации и еще больше оборудования приобреталось отдельными станками и механизмами. Так, все великие стройки довоенных пятилеток работали на зарубежном оборудовании, но импорт передовых западных технологий сопровождался жесточайшей фильтрацией сопутствующих технологиям инокультурных элементов.

Сталинская и послесталинская «культурная инквизиция» жесточайшим образом отсеивала «чуждую информацию», особое ограничение налагалось на информацию, поступающую из-за границ социалистического государства, причем крайне ограничивалась информация, относящаяся к научно-технической сфере, что явно противоречило задачам имперского этапа модернизации. Доходило и до совсем уж курьезных случаев, так, «один из районных цензоров г. Ворошиловска (ныне Алчевск) предлагал изъять из местного музея бюст Аристотеля, а в Московской области был отмечен „случай запрещения передачи по радио произведений Шуберта на том основании, что автор райлиту неизвестен, а он может быть троцкист"»²¹⁴.

Сталинская имперская модернизация примечательна еще и тем, что это была последняя относительно удачно проведенная модернизация в рамках имперской системы. Удачная не в смысле окончательного решения стратегических задач империи – они нереализуемы в принципе, – а в смысле решения тактических задач текущего исторического момента. Задачи эти состояли в том, чтобы успешно противостоять Западу в военно-политическом соперничестве, приобретшем после

213Савинков Б. Конь вороной // Избранное / Предисловие Ю. Давыдова. Л.: Худ.лит., 1990.С.392.

214ГолубевА.В. «Мировая республика» или «закрытое общество»: СССР в 1920-1930-е годы // Россия и современный мир. 2003. № 3. С. 135.

Второй мировой войны мировой геополитический масштаб.

Во второй половине прошлого века ситуация радикально изменилась. Следующий уровень технологического развития уже не подлежал простому механическому заимствованию и перенесению на российскую почву без принципиальных изменений всей социальной системы. Но имперская система могла меняться до определенного предела, за которым возникала угроза сохранению ее системного качества. Где пролегают границы внутренних трансформаций, система определяла апостериорно, натываясь при попытках самореформирования в относительно либеральном духе то на активизацию гражданской, рабочей активности в Новочеркасске в 1962 году²¹⁵ то на брожение и фронт со стороны части интеллигенции, то на внешние ограничения, выдвигаемые странами социалистического блока: Венгрией в 1956 и Чехословакией в 1968 годах.

Даже относительно либеральные модернизационные преобразования оказались несовместимы с феодально-имперскими свойствами системы. По сути, все советское руководство после смерти И. В. Сталина стояло перед осознаваемым или неосознанным выбором между переходом к либеральной модели модернизации с последующей интеграцией в цивилизацию модерности или продолжением упорствования в осуществлении идеократического проекта, продолжением упорствования в сохранении эсхатологической идеи и других значимых элементов феодализма и имперского строительства. Период правления Н. С. Хрущева так же двулик и противоречив, как и его надгробный памятник работы Э. Неизвестного. С одной стороны, разоблачение преступлений И. В. Сталина, с другой – стыдливое обозначение их как «культы личности», освобождение миллионов политических заключенных и подавление венгерской революции 1956 года, хаотические, во многом импровизационные решения в различных областях жизни, прежде всего в экономике. Тем не менее в годы правления Н. С. Хрущева в стране использовались отдельные элементы, относящиеся к либеральной модели модернизации, хотя разнородные, разновекторные процессы переплетались, наслаивались друг на друга, во многом формируя достаточно хаотическую картину происходящего.

В целом можно констатировать, что ни при Н. С. Хрущеве, ни тем более при Л. И. Брежнев и К. У. Черненко модель либеральной модернизации использована не была, как, впрочем, и модель имперская, выступавшая доминантой российской модернизации. Да, были отдельные нововведения, предпринимались попытки улучшить то, что уже существует, например, структуру министерств и ведомств. Но в целом, скорее всего, неосознанно, была выбрана политика столетней давности, только тогда «подмораживали»²¹⁶ царскую Россию, а теперь СССР. Эта политика показала свою неэффективность еще в XIX веке, тем более она не могла быть хоть сколь-нибудь эффективной во второй половине XX века. Тем не менее за годы советской власти были решены некоторые важные проблемы, стоявшие перед Россией/СССР, проведены индустриализация, урбанизация, совершен демографический переход, достигнут невероятный прогресс в обеспечении всеобщей грамотности, в медицине, социальной сфере вообще. Но цена этих успехов оказалась невероятно высокой, достижения в своей основе амбивалентны и вследствие этого неустойчивы, достигнуты на основе мобилизации, перенапряжения

²¹⁵Так, в результате новочеркасских событий 26 человек погибли, около 90 ранены, 7 человек приговорили к смертной казни, 120 – к различным срокам заключения. Данные приводятся по: Мардарь В., Мардарь И. Судьбы // Знание - сила. 2001. №9. С.34.

²¹⁶Расширяя определение, предложенное в царствование Александра III обер-прокурором Святейшего Синода К. П. Победоносцевым, под «подмораживанием» мы понимаем более или менее удачную попытку торможения процессов исторической и социокультурной динамики.

всех жизненных сил общества, что во многом предопределило цивилизационный слом постсоветской эпохи.

Всякое общество находится в одном из трех состояний: развитие, стагнация, деградация. Стагнация в СССР началась примерно на рубеже 1960-1970-х годов XX века. Освоение Самотлорских нефтяных месторождений позволило несколько компенсировать неэффективность советской системы еще в течение двух десятилетий. Кроме политики «подмораживания» и вялотекущих косметических улучшений отдельных элементов системы проявлялась и потенциальная склонность к возобновлению имперской модернизации, при стагнации отставание СССР от наиболее развитых государств Запада только усиливалось. И здесь, в плеяде партийно-государственных деятелей СССР, несколько особняком стоит фигура Ю. В. Андропова, который, по всей вероятности, был склонен к проведению очередного этапа имперской модернизации, но у него не оказалось для этого времени, на посту Генерального секретаря ЦК КПСС он пробыл около года.

Отметим, что в период стагнации (застоя) Советский Союз держался на инерции потерявшего содержание, но сохранившего форму Должного. Так, «немогущий старик Константин Черненко, избранный на магический пост после смерти Андропова, держит верховную власть в своих руках, ибо облачен мантией Авторитета (мы бы сказали Должного. – С.Г.)»²¹⁷. В целом можно охарактеризовать политику, проводимую руководством СССР в последние десятилетия его существования, исключая годы правления М. С. Горбачева, как достаточно консервативную, направленную на сохранение существующего положения вещей. Радикально отличается от этого периода безвременья период правления М. С. Горбачева, предпринявшего последнюю попытку оживить систему, придать ей определенную гибкость и конкурентоспособность в отношении нашего тогдашнего исторического противника – западной цивилизации модерности.

Это была запоздалая и во многом импровизационная попытка использовать либеральную модель модернизации и тем самым продлить историческое существование советской системы. Однако когда элементы, привносимые в социокультурную сферу жизни страны либеральной моделью модернизации стали формироваться в альтернативную систему, ситуация вышла из-под контроля инициаторов перестройки. В силу как объективных, так и субъективных причин прогнивший советский режим рассыпался вместе с его реформаторами; радикальные перемены были неизбежны. Вспомним пророческие слова Н. А. Бердяева: «Гибнет Российская империя. И так же погибнут все империи, которые будут созданы»²¹⁸. Распад Советского Союза был вызван в большей мере причинами объективными, субъективные причины играли скорее вспомогательную роль. Империи не вечны, распад СССР был во многом предопределен задолго до событий августа-декабря 1991 года, когда происходила все более радикальная девальвация цементирующей государство коммунистической идеологии.

Для анализа нынешней ситуации чрезвычайно важны, по крайней мере, два обстоятельства. Либеральная и имперская модели модернизации, идеи которых стали проступать, переплетаясь со смежными явлениями, еще в спорах западников и славянофилов в 30-40-е годы XIX века, сегодня оказались почти полностью лишены каких-либо идеологических опосредований, что делает более артикулированным выбор различных вариантов стратегического развития России.

В реальных исторических процессах развитие социокультурной системы зависит не только от ее имманентных свойств, поскольку исторический контекст находится в

217Геллер М. Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. С.83.

218Цит. по: Новикова Л. И., Сиземская И. Н. От Третьего Рима – к Третьему Интернационалу (о русском мессианизме) // Рубежи. 1998. №3-4. С.28.

процессе постоянного обновления, предъявляя системе свои новые условия. Поражение СССР в холодной войне ознаменовало конец мирового противостояния различных социальных систем, что в общеисторическом масштабе означало конец глобального соперничества либеральной и имперской цивилизационной моделей. Радикальное ускорение исторической и социокультурной динамики в современном мире вызывает возрастающую неопределенность, увеличивает возможную вариативность развития как мира в целом, так и его отдельных культурно-цивилизационных ареалов. Но и сегодня сила социально-культурных и исторических трансформаций оказывается недостаточной для того, чтобы окончательно выбить Россию из традиционной имперской колеи, предшествующие «„перестройки"» оказались обратимы как раз потому, что они и являлись именно перестройками азиатчины, а не ее сломом»²¹⁹.

Когда-то российский генетик Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский утверждал, что если бы крепостное право в России просуществовало бы еще около двадцати лет, то можно было бы говорить о новом типе людей. Эту «селекционную» работу с куда большей интенсивностью и лучшими конечными результатами Власть продолжала и в советский период нашей истории: «В 1861 году в нашей стране отменили крепостное право. Несколько десятилетий пытались построить цивилизованное общество... В 1917 году опять вернулось крепостное право. И это во многом объясняет все, что происходит сейчас»²²⁰. Все это отнюдь не способствовало формированию внутренне свободной, деятельной личности, способной принимать осознанные решения и нести за них полноту ответственности. В обществе сохраняют доминантные позиции традиционный (пассивно-недеятельный) тип личности, поведение и принятие решений которого в основном определяется системой внешнего контроля со стороны Власти.

В течение длительного исторического времени в стране существовала своеобразная негативная селекция, отсекающая все, что не могло изгибаться вместе с генеральной линией эпохи. В качестве иллюстрации этого тезиса достаточно вспомнить массовые хирургические ампутации ленинско-сталинского периода, которые привели к исчезновению целых сословий, в том числе основы империи и архаики во всех ее проявлениях – российского крестьянства. Советский период – период борьбы с проками, людьми железа и стали («гвозди б делать из этих людей, крепче не было б в мире гвоздей»), поэтапное изъятие из жизни нравственных ригористов из дворянства, духовенства, офицерства, иных сословий. На более позднем этапе происходило изъятие из жизни коммунистических идеалистов, «утомленных солнцем» романтиков революции. В последний, «карантинный» период своего существования, система уже не изымала из жизни, но изолировала, переводила в зазеркалье лагерей и капиталистической заграницы новых претендентов на роль прококов.

Одним из результатов семидесятилетней трансформации стало доминирование в обществе соответствующего эпохе циника, социального типа без устоявшейся веры, без царя (вспомним вполне скептическое отношение к последним генсекам), человека, способного не только соответствовать духу времени, но и чуть ли не предугадывать пришествие очередной новой/старой идеологии. В относительно либеральные горбачевские и ельцинские годы не успела сформироваться критическая масса свободных людей.

Социализация и инкультурация большинства ныне живущих россиян проходила в советский период, что вызвало серьезные трудности в адаптации к постсоветскому

219Стариков Е. Н. Общество-казарма от фараонов до наших дней. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. С. 305.

220Ясин Е.Г. Мы раздали собственность мирно – и это главное наше достижение // Знание – сила. М., 2000. №4. С. 15.

ускорению исторической и социокультурной динамики. Вспомним замечание французского социолога П. Бурдьё о том, что люди часто «придают непропорционально большое значение раннему опыту». Проявляется инерционный эффект, для которого характерна пролонгация стереотипизированного поведения людей, пытающихся использовать адаптационные модели поведения, показавшие свою эффективность в прошлом, но потерявшие эффективность в новых условиях развития общества²²¹.

В то же время за годы рыночных реформ сформировалось первое поколение россиян, первичная социализация которых прошла в условиях относительной свободы. Это поколение преимущественно ориентировано на включение России в формирующееся глобальное мировое сообщество, институциональная среда и в меньшей мере ценностно-нормативная система которого генеалогически восходят к западной цивилизации модерна. По данным ВЦИОМ, поколение 18-23-летних ориентировано на индивидуалистический жизненный проект – общество успеха (64 %), в отличие от традиционной ориентации на общество социальной справедливости и равенства (36%)²²².

По свидетельству Р. Инглехарта, занимавшегося исследованиями ценностных структур стран, переживавших в XX веке бурные модернизационные процессы, система ценностей 18-24-летних становится доминирующей в обществе спустя 15 – 18 лет. Р. Инглехарт анализировал изменения ценностной системы в послевоенной Германии, Испании, Южной Корее, Японии²²³. Насколько этот опыт может быть применен к российским социокультурным трансформациям – вопрос открытый. Проект либеральной модернизации не имеет под собой твердой культурно-цивилизационной, а ряд исследователей полагают, что и природно-климатической почвы²²⁴ но и имперская модернизация в постиндустриальную эпоху не имеет значимых исторических перспектив.

В современной России предлагаемые властью обществу идеологемы связаны со «славным прошлым», основаны на ностальгии по тем временам, когда «у нас была великая эпоха». Такое мировосприятие радикально отличается от укоренившегося в рамках цивилизации модерна. Так, Генри Форд говорил о том, что «мы хотим жить в настоящем, и единственная история, которая хоть что-то значит, – это та, которую мы делаем в данный момент»²²⁵. Ощущение того, что все великое в прошлом свидетельствует о исчерпанности традиционной эсхатологии, что внушает нам некоторый, пусть и весьма умеренный, оптимизм в отношении возможных сценариев российской исторической и социокультурной динамики.

221Бурдьё П. Социология политики. М.: Прогресс-Традиция, 1993. С.27.

222Семенова В. В. Дифференциация и консолидация поколений // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В. А. Ядова. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. С.269.

223Ядов В. А. А все же Россию умом понять можно // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А.Ядова. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. С.9-21.

224Начиная от сделанного в XIII веке наблюдения Марко Поло: «Знайте, по истинной правде, самый сильный холод в свете в России; трудно от него укрыться». См.: Поло М. Книга о разнообразии мира / Предисл. Х.Л. Борхеса. Пер. со старофранц. И.Минаева. СПб.: Амфора, 1999. С.361, и продолжая целым рядом современных исследователей, см.: Гольц Г.А. Поля напряженности: взаимодействие культурных и экономических факторов // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Сост. и отв. ред. А.И.Некlessа и др. М.: Вост. лит., 2002. С.417-431.; Сироткин В.Г. Демократия по-русски. М.: 1999. С. 16.

225Цит. по: Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. С. 26.

ГЛАВА 2

Анатомия российского традиционализма

I. Традиционное сознание: ментальный и культурный синкретизм

Начиная со второй половины XX века понятие синкретизма становится все более востребованным в исследовании исторических форм ментальности и состояний самой культуры. Вместе с тем работа с этим понятием затрудняется специфическими особенностями научного рационалистического дискурса, прежде всего его аналитизмом, т. е. стремлением к дифференцированному и ясному различению явлений с определением более четких границ между ними. Наблюдается несоответствие метода и предмета познания, обусловленное изменчивой, неопределенной и недифференцированной природой синкретических объектов.

Рационалистическому сознанию приходится иметь дело с объектами, природа которых генетически предшествует тем ментальным формам, на основе которых сформировалось европейское научно-рационалистическое сознание. В то же время мы не разделяем мнение позитивистов о возможности использования логического аппарата рационалистической науки в качестве универсального инструмента, который возможно адекватно применять к явлениям различного порядка. Проблема заключается в том, что использование аналитического аппарата при изучении синкретических объектов в их органической целостности по крайней мере малоэффективно. Мы можем последовательно описать те или иные особенности традиционного сознания, но не можем в рамках аналитических процедур воспроизвести его как живое и органическое целое, расположенное скорее за гранью рационализации, хотя и попытаемся дать максимально объемную картину этого явления.

Итак, начнем. Россия – «тяжелая страна: ни революция, ни реакция в ней до конца не проходят. Русская жизнь – это единство реакции и революций. А определяет это единство системообразующий элемент, ядро этой системы – Русская власть, называется ли она самодержавием или коммунизмом»²²⁶. Попробуем выяснить причины, определяющие наличное положение вещей.

Российская социокультурная система находится в критической близости от зоны бифуркации или в ней самой, сопротивляясь определенности вообще и определенности исторического выбора в частности: «Символическим воплощением такой перманентной „зыбкости“, „смысловой неопределенности“ является знаменитый „русский авось“, означающий в конечном счете надежду на стихийное стечение обстоятельств, в результате которого все проблемы разрешатся как бы сами собой, без каких-либо субъективных усилий человека»²²⁷. Что означает собой перманентная жажда физического неделания, в знаковой форме явленная в образах Емели, Иванушки-дурачка в русских народных сказках, былине об Илье Муромце, лежащем на печи тридцать лет и три года, как не отчаянную попытку избежать осознанного личного выбора. В конечном счете это попытка эмансипации от личной и общественной судьбы. Сохранение возможности жить как в зоне бифуркации, так и в непосредственной близости от нее, более того, сохранение веры в чудо, в необязательность, прерывистость причинно-следственных связей до сих пор является значимыми элементами во многом языческого массового сознания.

Это имманентное стремление к избеганию определенности, пусть и в отношении «окончателности» судьбы И. Гете хорошо выразил Ортега-и-Гассет: «Жизнь – это неизбежная потребность определиться, вписать себя целиком в исключительную

²²⁶Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская система и реформы // Pro et contra. Проблемы глобализации. М.: 1999. С. 180.

²²⁷Кондаков И. В. О механизмах повторяемости в истории русской культуры // Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. М.: Наука, 2002. С. 270.

судьбу, принять ее, иными словами, решиться быть ею. Независимо от наших желаний мы обязаны осуществить наш „персонаж“, наше призвание, нашу жизненную программу, нашу „энтелехию“... (Гете. – С. Г.) хочет сохранить за собой право распоряжаться. Всегда»²²⁸. В исторической судьбе России также присутствует, эксплицируясь в огромном количестве внешних проявлений, это амбивалентное начало, желание сохранить за собой право неделания, избежать определенности выбора. Разновекторность, противоречивость российской социокультурной системы проявляется во всех сферах социальной и интеллектуальной жизни. Отсюда на выходе, в сфере практических результатов получается «ни то, ни се, а черт знает что», т. е. то, о чем так емко сказал В. С. Черномырдин: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Русский философ Ф. А. Степун проводит параллели между способом хозяйствования и формой мышления, отмечая синкретические начала российской жизни, проявляющиеся как в жизни простого народа, так и интеллигенции «в отрицательном отношении к началу формы и дифференциации. В специфической русской религиозной философии есть та же самая неряшливость, что и в русском земельном хозяйствовании. Отсутствию сельскохозяйственных машин соответствует отрицание методов и преемственно усовершенствуемых навыков мысли»²²⁹.

Формы социальных отношений и жизненных укладов наслаиваются, смешиваются и прорастают друг сквозь друга, образуя причудливый и противоречивый симбиоз. Главная функция традиционного сознания заключается в адаптации человека к существованию в противоречивой ситуации этого смешения социальных отношений и жизненных укладов.

Адаптация эта осуществляется посредством минимизации количества противоречий, достигаемая посредством их разделения на осознаваемые, на которые следует каким-либо образом реагировать, и неосознаваемые, и потому как бы несуществующие.

Заметим, что реальность противоречива по своей природе, но разные типы культурного сознания воспринимают, переживают и интерпретируют противоречия по-своему. Мы помним, что Леви Брюль дал характеристику мышления первобытного человека как мышления «прелогического», в котором, в частности, не действуют законы формальной логики и практически не фиксируются противоречия²³⁰. Так, для нормативного архаического сознания индивидуальное переживание противоречий возможно лишь в минимальной степени, человек живет сообразуя свое поведение с обычаем, предполагающим набор нормативных моделей поведения. Именно они регулируют спонтанно возникающие противоречия, возводя их к некоему прецеденту, получившему впоследствии сакральный статус: «Древний человек жил в мире абсолютных истин; у него были точные и окончательные ответы на все кардинальные вопросы: как произошла Вселенная, его страна, народ, что случится с ним после смерти и т.д...»²³¹.

Сознание архаика избавлено от необходимости самостоятельного поиска разрешения противоречий и поэтому его отношения с миром максимально

228Ортега-и-Гассет Х. В поисках Гете // Эстетика. Философия культуры / Пер. с исп. А. Б. Матвеева. М.: Искусство, 1991. С.456.

229Степун Ф. А. Мысли о России / Вступ. статья и сост. В. Борисова // Новый мир. 1991. №6. С.223.

230Подробно см.: Леви-Брюль Л. Первобытное мышление // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии / Сост. В. И. Гараджа, Е.Д.Руткевич. М.: Аспект Пресс, 1996. С.252-259.

231Косарев А. Ф. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость: Учебное пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. С42.

гармоничны²³²: «Пока человек был неотделимой частью мира, пока не осознавал ни возможностей, ни последствий индивидуальных действий, ему не приходилось и бояться его. Но, превратившись в индивида, он остается один на один с этим миром, ошеломляющим и грозным»²³³.

В эпоху Средневековья ментальный фильтр, функция которого заключается в сегрегации (разделении) противоречий, пропускает (позволяет осознать) уже большее их количество. Сам человек эпохи Средневековья по-прежнему сохраняет аскриптивный тип сознания, поэтому большая часть противоречий им просто не осознается. Но часть противоречий, преимущественно относящихся к религиозной сфере, человек эпохи Средневековья осознает уже вполне отчетливо. Он не только подвергает их более или менее осознанной рефлексии, но и меняет в соответствии с ее итогами свое практическое поведение. Вспомним в этой связи размах и многообразие религиозных еретических течений, да и сами процессы реформации католической церкви.

Для средневекового типа субъекта картина мира строится на метафизическом противостоянии космологических категорий Добра и Зла: «Повсюду, как мы видим, выступает учение о двух началах: благому Христу противостоит злой сатана; представителем мира духовного является Христос; материю представляет сатана; одному принадлежит наша душа, другому – наше тело. И в согласии с этим весь мир явлений, природа, изначально есть мир зла, и сатана, царь тьмы, стремится при посредстве ее соблазнов погубить нас»²³⁴. Это противостояние, битва сил света и тьмы может разрастаться в его сознании до масштабов всего мира, воспроизводясь во времени чуть ли не от его сотворения и продолжаясь до Страшного Суда. Противоречия, которые не укладываются в границы этих дуальных оппозиций, воспринимаются или как не достойные внимания или просто не замечаются, не фиксируются в сознании субъекта: «Черное и белое, без середины – такова была действительность для средневековых людей»²³⁵.

Средневековому типу сознания свойственно рассматривать противоречия как нечто внешнее по отношению к человеку, соответственно внешним является и способ разрешения этих противоречий. Так, способом их разрешения может выступать насильственное преобразование социального/религиозного контекста. В качестве примера можно вспомнить многочисленные крестьянские восстания и религиозные войны периода Реформации. Но в отличие от архаического средневекового типа сознания в большей мере индивидуализован и адаптирован к психологическому режиму личного выбора и использования осознанных поведенческих стратегий.

Радикальные изменения в модели разрешения противоречий происходят уже в рамках либеральной цивилизации модерности. Субъект либеральной культуры

232 Попутно заметим, что здесь просматривается вполне явная аналогия с сознанием идеально-типического советского человека, который также получал корпус абсолютных истин «от Должного». Эти «истины» регламентировали все сферы бытия, начиная от жизни Духа (которого, впрочем, как и Бога, нет, а есть научное и единственно верное учение марксизма-ленинизма) и заканчивая установлением конвенциональной длины прически и ширины брюк.

233 Фромм Э. Бегство от свободы // Догмат о Христе / Сост. и авт. предисл. П.С.Гуревич. М.: Олимп, АСТ-ЛТД, 1998. С.203.

234 Гейне Г. К истории религии и философии в Германии / Пер. с нем. А. Горенфельда. Сочинения: В 10 т. Т. 6 / Под ред. Н. Я. Берковского, В. М. Жирмунского, Я. М. Металлова. М.: Госиздат, 1958. С. 24.

235 Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр. / Общ. ред. Ю. Л. Бессмертного; Послесл. А. Я. Гуревича. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. С. 151.

воспринимает противоречия как неустранимый атрибут бытия, разрешая их преимущественно внутренним образом, т. е. путем носящей индивидуальный характер продуктивной творческой деятельности, он переживает его лично и дает сугубо индивидуальный ответ, поскольку, по замечанию У. Бека, «большинство из нас вынуждено искать „биографические решения системных противоречий"»²³⁶.

Субъект либеральной культуры несет груз ответственности перед самим собой, поскольку «быть личностью *de jure* означает, что невозможно винить за собственную жалкую участь никого, кроме самого себя, что причины своих поражений следует искать лишь в собственных праздности и лени, что избавление от проблем требует все более серьезных (собственных) усилий»²³⁷.

В сторону формирования такого типа культурного сознания и был направлен вектор исторической эволюции, и именно такой тип сознания получил значительное распространение в рамках либеральной евроатлантической цивилизации модерности. В течение всего исторического процесса человек эволюционирует от идеологии коллективизма к большему индивидуализму и автономизации сознания, переходя, в конце концов, к такому положению вещей, при котором «наша свобода должна состоять из тихой радости частной независимости»²³⁸.

Заметим, что в рамках традиционалистской ментальности происходит смешение ее архаического средневекового типов, что и объясняет присущую ей синкретичность. Вообще традиционализм является своеобразным антиподом распространившегося в Европе Нового времени динамичного и лично ориентированного либерализма: «Являясь базовой ценностью современных обществ, индивидуализм в экономическом и политическом планах принимает форму „либерализма"»²³⁹. И живучесть традиционалистской ментальности во многом объясняется ее способностью освобождать человека от необходимости личного выбора, склонностью делегировать его коллективу, харизматическому вождю, религиозному авторитету. В качестве хрестоматийного примера можно вспомнить Легенду о Великом Инквизиторе из романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы».

Но несмотря на все известные в истории как частные, так и коллективные попытки окончательно избавиться от необходимости выбора – избавиться от него невозможно, но в качестве паллиативного решения можно переложить его на другого человека, обстоятельства, внешнюю среду в целом. В стремлении избавиться от необходимости совершать перманентный выбор, человек подсознательно ностальгирует по временам архаики, когда «мифологические стадии эволюции сознания начинаются с того (состояния. – С. Г.), что Эго полностью принадлежит бессознательному»²⁴⁰.

Известный российский культуролог А. А. Пелипенко полагает, что существует сопровождающая человека в течение всей его жизни генетическая память об этих гармонично-непротиворечивых состояниях. Она создает иллюзию того, что человек может не только бежать из дуализованного пространства культуры, но и освободиться при этом от самой необходимости индивидуального выбора²⁴¹.

236Цит. по: Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. С. 133.

237Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л.Иноземцева. М.: Логос, 2002. С. 134.

238Рено А. Эра индивида. К истории субъективности / Пер. с фр. С. Б. Рындина; Под ред. Е. А. Самарской. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 67.

239Там же.С. 92.

240Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания / Пер. с англ. А. П. Хомик. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1998. С. 23.

241Более подробно концепцию бегства из дуализованного пространства культуры см., напр.: Пелипенко А.А. Системный взгляд на культуру – основа анализа

Культуры, в которых преобладает традиционалистская ориентация, в том числе и российская, санкционируют, пусть и в разной степени, социальный фатализм и долготерпение, поскольку наличное положение вещей санкционировано социокультурной традицией. Формирующийся комплекс вины генеалогически восходит к «первооснове христианской веры, особенно в ее отношении к злу и греху... христиане научены тому, что они грешники; что грех, первородный и личный, присутствует в жизни человека наряду с добром изначально, а сегодня – более чем когда-либо; что само христианство началось с Распятия Иисуса Христа...»²⁴². При этом определенный комплекс вины бывает присущ не только носителям традиционного сознания. Так, Д. С. Мережковский говорил о том, что «знаю, куда я иду, нельзя дойти одному... Выход из „подполья“, преодоление одиночества – такова задача...»²⁴³, т.е. речь идет о преодолении изолирующего от общества индивидуализма, выражается потребность в формах коллективного движения к христианству.

Грех первородный дополняется и личным грехом, заключающимся в отклонении человека от конвенциональных поведенческих стандартов, задаваемых Должным: «Кто Богу не грешен, Царю не виноват?»²⁴⁴. Такому положению вещей в немалой степени способствует и противоречивый характер законодательства, как бы принятая практика его массового и повседневного нарушения, до поры до времени, а потом Власть, сообразуясь с интересами очередного текущего момента, может спросить с каждого по всей «строгости закона».

Отметим, что особенности социальной психологии субъекта традиционалистских обществ заключаются в принципиально иной системе приоритетов, чем у субъекта общества модерности. Так, гармонизация картины мира осуществляется посредством делегирования упорядочивающих функций и инициатив на уровень вышестоящих социальных инстанций. Эта задача имеет столь высокий уровень приоритетности, что ослабляет негативный эффект от сопутствующих ее решению властного произвола и лишений. Традиционалист, чувствуя свою устойчивую принадлежность к социокультурному пространству, где все воспроизводится в соответствии с традицией и потому конвенционально, способен выносить ужасающие проявления властного произвола. Так, Н. М. Карамзин приводит пример из царствования Ивана IV, когда «Иоанн незадолго пред тем велел за малую вину одного из знатных людей посадить на кол; что сей несчастный жил целые сутки, в ужасных муках говорил с своею женою, с детьми, и беспрестанно твердил: „Боже! Помилуй царя!“. То есть россияне славились тем, чем иноземцы укоряли их: слепую, неограниченную преданностью к монаршей воле в самых ее безрассудных уклонениях от государственных и человеческих законов»²⁴⁵.

Но когда наступает ситуации неопределенности, и в эту картину мира врываются диссистемные, неподконтрольные власти элементы, начинается процесс ее

цивилизационной специфики России: Доклад на независимом теоретическом семинаре «Социокультурная методология анализа российского общества» // Рубежи. 1998. №3/4. С. 107–124.; Пелипенко А.А. Рождение смысла // Мир психологии. 2001. №2. С.20-26.

²⁴²Безансон А. Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы / Пер. с фр. Я. Горбачевского. М.: МИК, 2000. С. 73.

²⁴³Цит. по: Пайман А. История русского символизма / Авториз. пер. с англ. В. В. Исакович. М.: Республика, 2000. С. 142.

²⁴⁴Даль В. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, говорок, прибауток, загадок, поверий и пр. Т. 1-2. СПб.: Издание поставщиков Двора Его Императорского Величества Товарищества М. О. Вольф, 1904. С. 189.

²⁴⁵Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Эксмо, 2003. С.737.

десакрализации. Потеря властью сакрального статуса неизбежно приводит к общественному брожению различной степени радикальности, проявляющемуся в формах гражданской смуты, бунта, революции, погромов инородцев²⁴⁶, интеллигентской фронды, хождению в народ. Только в условиях нарушения социокультурной преемственности человек начинает реагировать, хотя бы в форме рефлексии, на тяжелые условия материальной жизни, отсутствие значимого материального вознаграждения, на перенесение его жизненной энергии из сферы повседневной жизни с ее радостями и заботами в сферу различных сверхчеловеческих, эсхатологических проектов, служению идее, партии, империи. Подобные всплески рефлексии, переходящие временами в сферу радикальных действий, мы можем опосредованно наблюдать в российской и мировой истории. Так, А. де Токвиль отмечает, что «феодализм в своем расцвете никогда не внушал французам такой ненависти, как накануне своего исчезновения. Самые незначительные проявления произвола Людовиком XVI породили больше недовольства, чем абсолютный деспотизм Людовика XIV. Кратковременное тюремное заключение, которому был подвергнут Бомарше, вызвало в Париже больше волнений, чем драгоннады 1685 года»²⁴⁷. Однако пока картина мира соответствует представлениям человека о должном порядке вещей, он в большей мере способен выносить выпадающие на его долю гнет, произвол и лишения.

В традиционалистском обществе культурные паттерны являются более локальными и культурно специфическими, чем в обществе модерности, хотя в последних часто принято рассматривать общие традиционалистские ценности и принципы как сугубо уникальные явления своей культуры. На огромном пространстве Земли, от Индии до Чили и от России до Ирана распространены схожие социально-исторические мифологемы об особой мессианской роли, духовном возвышении каждого сохраняющего традиционалистские основы жизни народа над меркантильным Западом благодаря приверженности истинным духовным ценностям. Примеры в подтверждение нашего тезиса весьма многочисленны. Вначале можно привести едва ли не классическое определение Н. А. Бердяева, охарактеризовавшего коммунистических деятелей революции, по-своему продолжавших российский мессианский проект: «И сознание тех, которые осуществляли Третий Интернационал, тоже оказалось по-своему мессианским сознанием. Они осознавали себя несущими свет с Востока, который должен просветить пребывающие в „буржуазной“ тьме народы Запада. Такова судьба русского мессианского сознания»²⁴⁸.

Не менее распространена подобная позиция и за пределами России, подобного рода определения в достаточной степени распространены в различных странах третьего мира. Опуская многочисленные радикальные высказывания, приведем лишь достаточно современную позицию профессора политологии З. Сардара. В своей статье «За пределами развития: исламская перспектива» он отмечает, что «идея развития в западном понимании абсолютно неприемлема для неевропейских

246Так, например, убийство народовольцами Александра II 1 марта 1881 года, вызвав шок и замешательство как в обществе в целом, так и среди крестьянства в особенности, спровоцировало массовые еврейские погромы на юге империи: «Через 6 недель после цареубийства погромы еврейских лавок, заведений и домов „внезапно с громадной эпидемической силой охватили обширную территорию"». См.: Солженицын А. И. Двести лет вместе. Ч. I (1795-1995). М.: Русский путь, 2001. С. 185.

247Цит. по: Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. В. Г. Трубина, В. В. Харитоновой и др.; Под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитоновой. Екатеринбург: Урал, ун-т, 2002. С. 255.

248Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. Прага: The YMKA PRESS Ltd (Американское издательство), 1923. С. 189.

культур, и будущее станет не результатом доминирования одной западной цивилизации с ее пониманием свободы, цивилизации... Среди неевропейских цивилизаций (Индия, Китай и др.) роль ислама состоит в том, чтобы мусульманская цивилизация показала преимущества своих ценностей...»²⁴⁹.

Когда мы абстрагируемся от национальных особенностей в поисках того, что объединяет различные варианты традиционалистской ментальности на глубинном уровне, то увидим, что традиционалистские общества объединяет особое, иррационально-мистическое отношение к комплексу представлений, связанному с понятиями единства, слитности, всеобщности, внутренней нераздельности и растворения частного в общем. Иными словами, особое отношение ко всему тому, что восходит к архаическому периоду жизни человечества: «Первобытный взгляд на жизнь синтетичен, а не аналитичен. Жизнь не подразделяется на классы и подклассы. Она ощущается как незыблемо непрерывное целое, не допускающее никаких резких и четких различий. Границы между различными сферами – вовсе не непреодолимые барьеры: они расплывчаты и неустойчивы»²⁵⁰.

Облекаясь в различные, задаваемые исторической и политической конъюнктурой идеологические формы, мифологическая формула синкретического единства упорядочивает хаотизированное социокультурное пространство, задает устойчивые ценности. Именно она во многом блокирует выделение отдельной автономной и социально самодостаточной личности. Мифологема синкретического единства является одной из глубинных, наиболее архаичных основ традиционного сознания: «Чем в большей мере неиндивидуализированы люди, тем сильнее „я“ проецируется на группу и тем сильнее также взаимодействие членов группы между собой»²⁵¹.

Эта мифологема восходит к доисторическому этапу существования человека, когда человеческая общность характеризовалась достаточно полной взаимозаменяемостью социально-ролевых функций и незначительной внутренней дифференцированностью: «Член первобытного рода мог бы выразить свое чувство тождественности словами „Я - есть мы“; он еще не прочувствовал себя „индивидом“, существующим отдельно от своей группы»²⁵². Тем не менее воспоминания об этом доисторическом единстве в течение длительного периода времени сохранялись в рамках мусульманского и православного миров: «Consensus правоверных безличен и осуждает „Я“, как грех, а равным образом таково и – подлинно русское – понятие правды как безымянного согласия призванных»²⁵³.

Рассматривая исторические и социокультурные процессы в Западной Европе и в России, А. И. Герцен отмечал, что «мир западный утратил свое общинное устройство; хлебопашцы и несобственники были принесены на жертву развитию меньшинства; зато развитие дворянства и горожан было велико и богато... Народ русский так же мало был способен к торжественному западному развитию трех последних веков, как к крестовым походам, как к схоластике и теологическим спорам,

249Цит. по: Виганд В. К. Ориентализация мировой системы – угроза Западу? // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Сост. и отв. ред. А. И. Неклесса и др. М.: Вост. лит., 2002. С. 382-383.

250Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарика, 1998. С. 535.

251Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания / Пер. с англ. А. П. Хомик. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 1998. С. 293.

252Фромм Э. Здоровое общество // Мужчина и женщина / Пер. с нем. Т. В. Банкетовой, С. В. Карпушиной; Сост.: П. С. Гуревич, С. Я. Левит. М.: АСТ, 1998. С. 183.

253Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем. К.А.Свасьяна. М.: Мысль, 1993. - С 490.

как к римскому праву и германскому феодализму»²⁵⁴. Как показала история прошлого века, не только в России, но и в рамках либеральной цивилизации пласт памяти об архаическом единстве может актуализироваться, порождая программы практических действий.

Классическим примером самоактуализации архаики служит история Третьего рейха. Вспомним саму этимологию слова «фашизм» в трактовке Б. Муссолини: «Он (фашизм) стремится преобразовать не формы человеческой жизни, а ее содержание, самого человека, его характер, веру. И с этой целью ему необходима дисциплина и власть, которые могут проникнуть в души людей и править там беспрепятственно. Именно поэтому его символом являются прутья ликторов, – знак единства, силы и справедливости»²⁵⁵. Тревога К. Г. Юнга, ощущавшего под внешней цивилизованностью, «срединностью» и умиротворенностью западного обывателя кипение магмы бессознательного, вытесненных архаических сценариев²⁵⁶, остается актуальной и сегодня. В рамках цивилизации модерности гуманистическая личность, обладающая рациональным поведением, находится в меньшинстве: «Мы не смогли преодолеть пропасть между меньшинством, достигшим этих целей и пытающимся жить в соответствии с ними, и большинством, менталитет которого остался далеко в каменном веке, в тотемизме, поклонении идолам, феодализме»²⁵⁷.

В синкретическом сознании принцип единства, а в российском варианте принцип соборности или всеединства, вполне сочетается с принципом иерархии, который является вторым краеугольным камнем традиционализма. Здесь следует отметить, что иерархичность имманентна самой культуре, поскольку «культура есть деятельность по установлению различий: классификации, сегрегации, проведению границ и тем самым разделению людей на категории, объединенные внутренним сходством и разделенные внешними различиями»²⁵⁸. Но в традиционных обществах принцип иерархии наделяется не просто высоким, но сакральным статусом, и лишь в либеральном обществе сакральное обоснование иерархического статуса утрачивается. Отметим, что построение иерархий является главным инструментом осуществления общекультурной медиации, связывающей полюса разорванного мира: верх и низ, Творца и творение, горнее и дольнее и т.д. Иерархические отношения не только закрепляются в традиции, но и выступают ценностным основанием этих традиций.

В православно-византийском культурном ареале человек испытывает притяжение как к земному, так и небесному миру, сохраняя в этом смысле определенную преемственность по отношению к Средневековью. Космологические полюса продолжают собирать вокруг себя смысловые поля культуры, затрудняя и ограничивая их проникновение в ее срединную зону. В координатах этой культурно-цивилизационной системы все, что находится в срединной зоне культуры – зыбко, неустойчиво, неоформлено: «Как в душе русского пейзажа, так и в пейзаже русской души тема убогих форм теснейшим образом связана с темой божественной

254 Герцен А.И. Россия // Собр. соч.: В 30 т. М., 1954-1965. Т. V. С. 313-314.

255 Цит. по: Вольф Р. П. О философии / Пер. с англ. О. Л. Безручкина, В. И. Спиридоновой; Под ред. В. А. Лекторского, Т. А. Алексеевой. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 166-167.

256 См., напр.: Юнг К. Концепция коллективного бессознательного // Юнг Карл Густав, фон Франц М.-И., Хендерсон Дж. И., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы / Под общ. ред. С. Н. Сиренко. М.: Серебряные нити, 1997. С. 343.

257 Фромм Э. Здоровое общество // Мужчина и женщина / Сост.: П. С. Гуревич, С. Я. Левит. М.: АСТ, 1998. С. 447.

258 Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. С. 40-41.

неоформленности»²⁵⁹. Именно эта неоформленность, неонтологичность срединной зоны является особенностью всей российской культурно-цивилизационной системы.

Так, по наблюдению А. С. Ахиезера, в российской истории постоянно прослеживается противоборство локальных сельских миров и централизованного государства²⁶⁰. В ней «разворачивается конфликт между государством, большим обществом и традиционным миром. С одной стороны, крестьянский мир не мог жить вне государства. С другой – государство как исторически последующий феномен противоположно традиционному космосу, трансформирует и разлагает его»²⁶¹

Это противоборство является одним из частных проявлений особенностей российской культурно-цивилизационной системы. Обращаясь к анализу этих особенностей, обозначим наше отношение к столь часто затрагиваемой российскими историками, философами, литераторами теме о влиянии на формирование российской культурно-цивилизационной системы татаро-монгольского завоевания и Восточной Римской империи (Византии).

Да, Московия переняла у монголо-татар жестокие методы управления и отношения подданства, когда даже высшие государственные сановники стали называть себя последними холопами московского царя. И в XIX - первой половине XX века не только русская, но и европейская интеллигенция полагали, что отсталость и азиатчина, наблюдаемые в России, явились исключительным следствием татаро-монгольского ига. Суждения подобного рода распространены и сегодня: «На протяжении нескольких столетий главным содержанием развития страны был процесс европеизации, преодоления последствий того величайшего исторического бедствия, каким стало для Восточной Европы татаро-монгольское нашествие. В историософском смысле это было трудное утверждение России как неотъемлемой части единой христианской цивилизации»²⁶².

Эти суждения во многом справедливы, но отнюдь не исчерпывающи. Такая позиция была и остается достаточно удобной и психологически комфортной как для российских историков, так и для интеллигенции вообще, поскольку позволяет снять с общества историческую ответственность, вынести ее вовне. Но деспотические тенденции начались еще до татар, что, впрочем, было характерно тогда для всей Европы, а не только для Северо-Западной Руси, и после окончания ига эти тенденции не только не исчезли, но и укрепились. Сегодня «большинство современных историков склоняются к мнению, что монгольское нашествие, при всем его глубоком воздействии на русскую историю, вряд ли существенно повлияло на характер русского народа и его традиции»²⁶³.

Кроме привнесения в нашу жизнь видимой азиатской компоненты посредством многовекового монголо-татарского господства не менее серьезным было и влияние

259Степун Ф.А. Мысли о России / Вступительная статья и составление В. Борисова // Новый мир. 1991. № 6. С. 223.

260Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России.) Т. II. Теория и методология: Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С. 256-260.

261Ахиезер А. С., Давыдов А. П., Шуровский М. А., Яковенко И. Г., Яркова Е.Н. Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 111.

262Цимбаев Н. Европеизм как категория национального сознания (К истории западничества и славянофильства) // Стиль жизни – стиль искусства: Развитие нац.-романтич. направления стиля модерн в европ. худож. центрах второй половины XIX – начала XX века: Россия, Англия, Германия, Швеция, Финляндия / Гос. Третьяковская галерея. М., 2000. С. 354.

263Кенигсбергер Г.Г. Средневековая Европа, 400-1500 годы / Пер. с англ. А.А. Столярова; Предисл. Д.Э.Харитоновича. М.: Весь Мир, 2001. С.264.

Римской империи²⁶⁴. Наиболее известен воспринятый Русью опыт Византии в области христианской веры, сопровождавшийся принятием церковных канонов, архитектуры (постройка соборов), технологических приемов византийских мастеров²⁶⁵. Кроме того, имела место и геополитическая преемственность между Вторым и Третьим Римом.

На этой преемственности мы бы хотели остановиться более подробно. После падения под ударами турок Константинополя в Московском царстве, а затем и в Российской империи важное место занимала идея воссоздания, восстановления Византийской империи с центром в столице российского государства – Москве. Уже «Алексей Михайлович стремится в принципе к возрождению Византийской империи с центром в Москве как вселенской монархии, объединяющей в единую державу всех православных²⁶⁶. Русский царь должен теперь не только занимать место византийского императора, но и стать им...»²⁶⁷.

Эта традиция не прерывалась и позднее, вспомним, какое разочарование царило в русском обществе, когда в ходе Восточной войны с Османской империей в 1877-1878 годах армия не получила приказа о штурме Константинополя: «Тогда русское общество не могло простить Александру II -му, зачем он внял этим угрозам (Англии и Австрии. – С.Г.). Его обвиняли в малодушии и бесхарактерности. Осуждали и великого князя главнокомандующего, который, по мнению многих, должен был дерзнуть послушаться приказа и на свой страх и риск войти в Константинополь»²⁶⁸. Тема Константинополя, проливов, водружения креста над Святой Софией звучала и в годы Первой мировой войны, став ее своеобразным идеологическим обоснованием.

264Название Византийская империя было придумано европейскими историками в конце XVIII века, сами жители Византии называли свое государство Ромейской (Римской) империей в греческом произношении.

265«Под тяжким давлением византийской государственности человеческие способности бесконечно изощрялись и раздробились, уходили на подробное и мельчайшее. Византия создала такие искусства, как резьба по слоновой кости, миниатюра, каллиграфия, эмаль». См.: Муратов П. Образы Италии. Т. I.: Венеция. – Путь к Флоренции. – Флоренция. – Города Тосканы. 3-е изд. М.: Научное слово, МСМХVII. С. 129.

266Из мечтаний славянофильской общественности в царствование Николая I: «Хотя, конечно, положением всероссийского императора славяне были не очень утешены и с жаром его провозглашали царем всеславянским; хотя глубоко удивлялись неизъяснимой беспечности петербургского правительства, до сих пор по непонятным причинам медлившего присоединением к России меньших славянских братьев, которым, по их мнению, давно бы уже следовало обрести приют под крыльями русского орла, вместо того чтобы без пользы, без славы и без свободы прозябать под изнемогающим скипетром Габсбургов; хотя, правда, что они чрезвычайно опасались и в крайнее входили беспокойство, не пропустила бы Россия поры, перекрестясь, ударить в колокол в Царьграде и огласить славянской молитвой Софийский собор и берега Босфора; однако ж, вооруженные несокрушимой верой в будущие судьбы России, мирно ожидали торжественного часа их неизбежного и неминуемого исполнения». См.: Жихарев М. И. Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: (Мемуары современников). М.: Изд-во МГУ, 1989. С.96.

267Успенский Б. А. Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Б.А.Успенский. Избранные труды, том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Гнозис, 1994. С. 124.

268Трубецкой Е. Н., князь. Воспоминания // Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. Томск: Водолей, 2000. С. 106.

Когда мы говорим об актуальных частях византийского наследия, необходимо, прежде всего, выделить восприятие от Византии вместе с православием самой имперско-идеократической модели, получившей историческое развитие на иной этнокультурной почве Северо-Восточной Руси, в последующем Московского царства, Российской империи и СССР. В системе ценностей византийцев империя превыше всего. Так, Одон Дейльский, французский хронист II Крестового похода, писал, характеризуя византийские политические традиции, что «у них общепринято мнение, что никого нельзя упрекать в клятвопреступлении, если он это позволил себе ради интересов святой империи»²⁶⁹. В части приоритетности интересов империи над любыми иными интересами византийское влияние было воспринято с наибольшей полнотой и аутентичностью.

Еще раз вспомним К. Леонтьева: «Византизм в государстве значит самодержавие... В нравственном мире мы знаем..., что византизм, как и вообще христианство, отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов; что он есть сильнейшая антитеза идеи всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всеобщности, земного всеисполнения и вседозволенности»²⁷⁰. Мы полагаем, что в результате эволюции христианства в его восточном ареале, прежде всего в византийский период его истории, имперско-теократическая доктрина стала внутренне близка православию. Вспомним притязания Сербии и Болгарии на собственный имперский статус, по ряду исторических причин так и оставшиеся нереализованными: историческая и религиозная традиция была на стороне Константинополя, а после его падения и последовавшего затем длительного периода турецкого владычества обретение имперского статуса потеряло всякую актуальность.

Отметим некоторые особенности византийской государственности, оказавшие впоследствии влияние на государственность российскую. Так, византийский патриарх Николай Мистик в письме к болгарскому царю Симеону называл его тираном и бунтовщиком, отмечал, что стремление к независимости Болгарии нарушает принцип единой православной империи как иконы Царства Божия. Болгары, коль скоро они добиваются раскола империи, заслуживают наказания²⁷¹. Здесь явно чувствуется априорное рассмотрение государства как безальтернативного и самодостаточного источника мировой гармонии, продолжающее в этом смысле традиции Римской империи. Изначально Римская империя, а в последующем и империя вообще есть/становится высшей и непреходящей ценностью, поэтому «настоящее», полноценное государство должно быть организовано по ее принципу.

«Болгарские и сербские цари, вступавшие в открытую борьбу с Новым Римом, делали это отнюдь не во имя несравнимо позднейшей идеи самоопределения, но притязая заново воссоздать под своей собственной властью все ту же единую и единственную православную державу, рядом с которой не может быть никакой иной. (Едва ли не поэтому войны против них велись с особенной ожесточенностью – они были для византийцев не воюющей стороной, а самозванцами, крамольниками²⁷².)» Следует отметить, что комплекс представлений, связанный с государством, является

²⁶⁹Цит. по: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр. / Общ. ред. Ю. Л. Бессмертного; Послесл. А. Я. Гуревича. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. С. 134.

²⁷⁰Цит. по: Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Три модели развития России. М.: ИФРАН, 2000. С. 16.

²⁷¹См.: Литаврин Г. Г. Политическая теория в Византии с середины VII до начала XIII в. // Культура Византии: Вторая половина VII – XII в. М.: Наука, 1989. С. 80.

²⁷²Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности. Ст. вторая. Закон и милость // Новый мир. М., 1988. №9. С. 214.

одним из ключевых в народном мифологическом сознании. Синкретичный по своей природе, он удерживает в себе понятия государства, общества, страны, власти, которые даже сегодня, в постсоветской России, для части наших соотечественников представляют собой нечто малодифференцированное.

Московскому царству на определенном этапе развития потребовалась новая идеология, и здесь вполне уместной оказалась идея о прямом историческом наследовании, восприимстве государства (империи) от Первого и Второго Рима (Византии). Началось осуществление российского идеократического проекта, закрепившего в процессе своего становления и развития представление, связывающее империю с основными характеристиками русского народа. С тех пор имперская идеология и представление о сверхценности империи стали частью наших представлений и повседневной практики государственной жизни на протяжении столетий. Согласно господствующему в современной исторической мысли в США подходу «империя – как идея и реальность – была, по-видимому, одной из определяющих характеристик „русскости"»²⁷³.

Мы полагаем, что российский идеократический проект начинался как проект утилитарный, имперская идеология потребовалась тогда, когда империя стала складываться географически, распространяясь на иные, чуждые культурно-цивилизационные ареалы, включая в свой состав мусульманские регионы Поволжья (Казань, Астрахань) и языческие пространства Сибири. Некоторые исследователи, в частности Б. Кагарлицкий, полагают, что сама идея о том, что Москва – Третий Рим, а четвертому не бывать, выполняла «роль идеологической компенсации. Чем более Россия становилась периферией мировой системы (согласно миросистемной теории Э. Валлерстайна. – С. Г.) в реальности, тем более старалась она заявить о себе как о центре мира на уровне культуры и идеологии»²⁷⁴. Эта позиция во многом обусловлена мировыми экономическими процессами разделения труда и характером торговых процессов. Мы в этой связи полагаем, что процессы, происходившие в хозяйственной сфере жизни Московского царства, имели важное, но не определяющее в формировании имперской идеологии значение. Еще раз повторим, что имперская идеология была, прежде всего, необходима для обслуживания и поддержания физически формирующейся империи.

В своих самых разнообразных частных проявлениях империя как идея и как реальность была важна в нашей повседневной жизни и в сфере идеологии в течение длительного исторического периода, включившего в себя и десятилетия советской власти. В то же время культурно-цивилизационная система не может быть постоянно тождественна сама себе, она меняется, причем наиболее радикально в постсоветский период. Мы полагаем, что достигнутая сегодня интенсивность процессов исторической и социокультурной динамики не позволяет говорить о возможности относительно полного и аутентичного воспроизводства традиции, когда «все возвращается на круги своя», и все что было, то и будет. Но если не будет идеи империи и имперской идеологии, то как сможет существовать она сама, в своем физическом теле и географическом воплощении? К этому вопросу мы вернемся в нашей заключительной главе, рассматривая постсоветские процессы модернизации.

В целях лучшего понимания того контекста, в котором происходят модернизационные трансформации, мы бы хотели обратиться к специфике

273)Каплина Л.М. Глобализация: новый взгляд на всемирную историю или поиск интегральной методологии исторического познания? Западноевропейская историография анализа проблемы: 80-90-е годы XX в. (Реферативно-аналитический обзор) // Историческое знание на рубеже столетий: Сб. обзоров и рефератов // РАН. ИНИОН. М., 2003. (Сер.: Социальные и гуманитарные науки в XX веке). С. 209.

274)Кагарлицкий Б. Периферийная империя: Россия и миросистема. М.: Ультра. Культура, 2004. С. 121.

российского традиционализма, к особенностям синкретического российского культурного сознания.

Важным аспектом этого вопроса является тема сложившихся в различных регионах Европы и в различные исторические периоды взаимоотношений между христианством и язычеством. В географических и социокультурных пределах, которые занимала Античность, «Великий Пан умер», вера в старых языческих богов ослабела, процесс христианизации носил преимущественно естественный характер. Пророки и подвижники несли слово Божие, претерпевая гонения и муки, обращая язычников не мечом и насилием, но словом. Так, один из христианских мучеников, «А. Капрус, сожженный заживо во времена Марка Аврелия, улыбался, а на вопросы ответил: „Я видел Славу Господню и я в радости"»²⁷⁵.

Вне пределов, которые ранее занимала Римская империя, христианство распространялось преимущественно не снизу, путем проповеди и личного подвижничества пророков и неопитов, но сверху, когда обращались варварские князья и их приближенные, причем это обращение часто происходило посредством военной силы. Народная жизнь в течение столетий продолжала оставаться по преимуществу языческой, несмотря на то, что старых идолов выносили из сельских святилищ, заменяя их на символы христианской веры, а большие христианские праздники назначали в дни празднеств языческих. В результате в народном сознании возникло своеобразное переплетение христианских и языческих представлений. Хотя противоречия христианско-языческих представлений вполне наглядны с позиций формальной логики, в логике синкретического мышления они не осознавались.

Европейское христианство возникло на почве уходящей античной культуры. Сохраняя связь с наследием античности, первоначально христианство в своем географическом распространении почти полностью распространилось в границах Западной Римской империи, т.е. границы христианского мира почти совпали с границей романизации. Чуть позже они были расширены за счет европейских варваров, когда «молодые народы, германцы и возникающие романские народы, были введены в область старой, работающей превосходящими их средствами интеллектуальности и – при правильном понимании – в невероятной степени взрывчатой веры... Они реципировали то, что бесконечно превосходило их уровень по своему содержанию. И по мере того как эти народы становились внутренне живыми, это жадно впитывалось, наполнялось новыми соками, омолаживалось и все-таки оставалось древним»²⁷⁶.

Что же касается славянского язычества, то оно, как показал, в частности, Е.Ивахненко²⁷⁷ не прошло ко времени христианизации своего имманентного исторического цикла. Незавершенность языческого цикла в Восточной Европе привела к распространению христианства в пространстве активного и жизнеспособного языческого мира: «В Восточной Европе произошла насильственная христианизация сверху, но народной религией христианству предстояло стать веками спустя, когда монастыри вышли из стен городов, из-под прямой опеки и покровительства власти и „пошли в народ". Христианству на Руси предстояла еще долгая борьба с язычеством за души людей, причем народные массовые монашеские ордена, ориентированные на решение практических задач, на Руси так

275Безансон А. Запретный образ: Интеллектуальная история иконоборчества / Пер. с фр. М. Розанова. М.: МИК, 1999. С. 126.

276Вебер А. Прощание с прежней историей: Преодоление нигилизма? // Избранное: Кризис европейской культуры. СПб.: Университетская книга, 1998.С.388.

277См. Ивахненко Е. Средневековое двоеверие и русская литературно-философская мысль нового времени // Рубежи. 1996. №9. С.42-61.; 1997. № 1. С.64-74.; 1997. №2. С.47-57; 1997. №4 С.65-90; 1997. №5. С.40-51; 1997.№7.С.62-80.

и не возникли»²⁷⁸.

Язычество восточных славян ко времени их массовой христианизации еще не вступило в полосу упадка и разложения, энергия языческого мироощущения продолжала служить источником цивилизационного процесса. Но «язычество – это, кроме всего прочего, энергетический компонент жизни народа... уничтожить, пресечь язычество в активной фазе его духовной жизни можно лишь в том случае, если будет уничтожен или ассимилирован сам народ»²⁷⁹. О внутренней неисчерпанности потенциала древнего язычества свидетельствует, в частности, значительный уровень народного сопротивления процессам насильственной христианизации. Так, Чеслав Милош в книге «Западно-восточная местность», говоря о распространении христианства в Литве, отмечает, что «эпопея распространения христианства в значительной степени явилась эпопеей убийств, насилия и бандитизма, черный крест надолго остался символом несчастья, худшего, чем чума»²⁸⁰.

В результате сформировавшаяся христианско-языческая компонента в традиционном народном сознании имеет выраженный несимметричный характер, поскольку языческие элементы значительно превосходят элементы, привнесенные христианством. Отличающееся чертами амбивалентности религиозное сознание выразило глубокий внутренний разлом культурного сознания вообще. «В типе русского человека всегда сталкиваются два элемента – первобытное, природное язычество, стихийность бесконечной русской земли и православный, из Византии полученный, аскетизм, устремленность к потустороннему миру. Для русского народа одинаково характерен и природный дионисизм, и христианский аскетизм»²⁸¹.

Для восточных славян переход от язычества к христианству явился в то же время переходом от родового общества и ранних форм государственности к более развитым государственным формам. В этой связи следует помнить о том, что этот процесс не является абсолютным, содержательно заключаясь лишь в смене пропорций, перемене в доминировании между прошлыми и настоящими формами: «Формирование цивилизации происходит не через „историческую смену" прежних форм устройства, а через „надстраивание" новых духовных и социальных структур и подчинение им „предшествующих" вариантов. „Родоплеменные" структуры и присущие им культурные нормы и представления продолжают в той или иной степени существовать, сохраняясь в постоянно воспроизводимых „пережитках", встраиваясь в новые отношения, охватывая значительные пласты культуры общества, особенно в его „глубинке" и на периферии»²⁸². На востоке Европы произошло переплетение инновативных на тот момент феодальных институтов и отношений с элементами языческого уклада, и характер этого переплетения, а впоследствии и взаимопроникновения столь различных по отношению друг к другу элементов и институций во многом определил особенности последующего развития российской культурно-цивилизационной системы.

Внутренне неизжитое язычество в течение веков продолжало развиваться в тени культурных норм и традиций христианства. Этот процесс не прерывался в России

278Культин Э. С. Русь между Западом и Востоком // Серия «Социально-естественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». Вып. XVIII. М.: Институт востоковедения РАН, 2001. С. 156.

279Ивахненко Е. Средневековое двоеверие и русская литературно-философская мысль нового времени // Рубежи. 1997. № 1. С. 68.

280Цит. по: Белль Г. О Владимире Буковском // Собр. соч.: В 5 т. / Пер. с нем. А. Дранова. Т.5. М.: Худ. лит., 1996. С.612.

281Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. М.: Наука, 1990. С.8.

282Ерасов Б. С. Цивилизации: Универсалии и самобытность / Б. С. Ерасов; Отв. ред. Н. Н. Зарубина. М.: Наука, 2002. С. 133.

вплоть до XX века. Так, в 1926 году под руководством академика Российской академии наук Е. Ф. Карского проводилось исследование традиционных языческих верований и магических практик в некоторых сельских районах Нижегородской области. По итогам работы этой полевой экспедиции Е. Ф. Карским было сделано сообщение на заседании Отделения гуманитарных наук академи, итоговые материалы под названием «К вопросу о русских колдунах» опубликованы в сборнике Музея этнографии и антропологии в 1928 году.

Процитируем записи одной из участниц этого полевого исследования Н. А. Никитиной: «Летом 1926 года я изучала быт Новослободской волости Лукояновского уезда Нижегородской губернии, и меня поразило, как велика там власть колдуна. Память о сильных колдунах, один взгляд которых убивал на лету ворона, и о колдунах, оборачивавших в волков свадебные поезда, насылавших мор на скот, живет до сих пор в рассказах не только стариков, но иногда и молодежи.

Говорят, что теперь сильных колдунов стало меньше, но еще в 90-х годах прошлого столетия были колдуны, слава которых гремела на весь околотовок»²⁸³. Следует подчеркнуть, что подобные свидетельства отнюдь не единичны, не уникальны в смысле географическом или хронологическом, на эту тему есть целый ряд публикаций²⁸⁴. О сохранении языческих по своей генеалогии представлений свидетельствует и Дж. Фрэзер: «В некоторых областях Южной и Западной России в качестве средства, вызывающего дождь, применяется купание. Иногда после церковной службы прихожане валили священника прямо в рясе на землю и орошали его водой... Когда нужда в дожде ощущалась в Курской области, женщины хватили прохожего чужака и бросали его в реку или окатывали с головы до ног водой»²⁸⁵.

Сохранившиеся в глубинах народного сознания языческие ценности находят свое выражение отнюдь не только в обрядах и магических практиках, еще более существенно они сказываются в повседневной жизни и на уровне ментальности. Именно к ним, к догосударственному состоянию социума, как воспоминание о его идеальном состоянии, восходит и миф о безграничной, безгосударственной крестьянской Воле, понимаемой не «как права строить свое и утверждать себя, а как права уйти, ничего не утверждая и ничего не строя»²⁸⁶. Отметим, что это массовое бегство от Власти на все более отдаляющиеся от центра окраины государства немало послужило территориальному расширению Российской империи.

Языческие по своей генеалогии основы народной ментальности наложили свой отпечаток и на характер российского государства. В рамках российской культурно-цивилизационной системы государство приобретает выраженные черты амбивалентности, являясь одновременно как источником космического порядка, так и мирового зла²⁸⁷. Что может быть выше и могущественнее того, по чьему

283 Никитина Н. А. К вопросу о русских колдунах // В. Даль и др. Русское колдовство. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002. С. 364.

284 См., напр.: Елеонская Е. Н. К изучению заговора и колдовства в России, 1917, вып. I. Шамордино: Издание Комиссии по народной словесности при Этнографическом отделении Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Этнографическое бюро князя В. Н. Тенишева, 1903; Ушаков Д. Н. Материалы по народным верованиям великороссов / Этнографическое обозрение. Вып. XXIX-XXX, 1896, № 2-3; Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Выпуск первый: Умершие неестественной смертью и русалки. Пг., 1916.

285 Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Пер. с англ. М. К. Рыклина. 2-е изд. М.: Политиздат, 1986. С. 73.

286 Вейдле В. Три России // Умирание искусства / Сост. и авт. послесл. В. М. Толмачев. М.: Республика, 2001. С. 132.

287 См., напр.: Ахиезер А. С. Государство // Россия: критика исторического опыта.

допущению существует Зло? Государство является воплощением социального Абсолюта, который не только снимает в себе все культурные противоречия, но и пребывает над ними. Кроме того, в силу вышеобозначенных особенностей народной ментальности, в том числе и ее стихийного неприятия определяемых государством отношений и установлений, оно само на протяжении всей российской истории остается, в некотором смысле, вечно недоосуществленным проектом, творимой, но несотворимой социальной конструкцией.

Итак, несмотря на модернизационные трансформации последних трех столетий, российское общество во многом продолжает оставаться традиционным. Традиционализм актуализируется в моменты резкого ускорения социокультурной динамики, цивилизационных сломов, проявляясь в стремлении к восстановлению и усилению нормативности, в спонтанно проявляющихся традиционных технологиях выживания личности.

Согласно философским взглядам М. Шелера, область ценностей, принятых в обществе, обладает ранговым порядком, существует иерархия ценностей, ценности подразделяются на высшие и низшие, ценности взаимодействуют и не существуют сами по себе, вне рангового порядка: «...ранговый порядок ценностей абсолютно постоянен, в то время как правила предпочтения в истории принципиально изменчивы»²⁸⁸. Ценностная система российского общества ранжирована, различные виды человеческой активности соотносятся с высшими и низшими ценностями, ранжированными по степени легитимности. Более значимой признается интеллектуальная, духовная деятельность, длительное время выражавшаяся в религиозных формах. При переходе преимущественно к светской культуре эта значимость переносится на светские формы интеллектуальной деятельности, прежде всего на литературу, которая продолжала воспроизводить этот оценочный, ранжированный стереотип. Хозяйственная деятельность в ее капиталистических формах остается на низших ступенях этой лестницы легитимности.

В массовом сознании и сегодня сохраняются сомнения относительно «правильности» индивидуального спасения, индивидуальная достижительность еще не до конца конвенциональна, не санкционирована в рамках социокультурной традиции. Недоверие к большому, юридическому, холодному, деперсонифицированному миру модерна проявляется в нелюбви к судопроизводству, вообще к формальным (законным) способам решения проблем.

Для значительной части российского общества продолжает оставаться традиционным восприятие необходимой и излишней меры труда и потребления, представление о мере естественных человеческих потребностей. Так было во второй половине XIX века, когда не получая значимого вознаграждения за свой труд «крестьянин вышел с убеждением, что материальные и духовные потребности должны быть минимальными: „Хлеба с душу, денег с нужу, платья сношу“; „Кто малым доволен, тот у Бога не забыт“»²⁸⁹. Эти представления и повседневная практика достаточно массово воспроизводятся и сегодня²⁹⁰.

В традиционном обществе человек работал для удовлетворения первичных, ограниченных потребностей, не проявляя, как правило, склонности к производству и потреблению сверх этой минимально необходимой нормы; перманентное

(Социокультурная динамика России.) Т. II. Теория и методология: Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С. 127-130.

288Цит. по.: Розенбергс Р. Я., Федотова В. Г. От Риккерта к Шелеру // История методологии социального познания. Конец XIX – XX век. М.: ИФРАН, 2001. С. 182.

289Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С.328.

290См., напр.: Виноградский В. Орудия слабых: технология и социальная логика крестьянской семейной экономики // Знание – сила. 2000. № 7 (877). С.66-70.

расширение потребностей, использование в повседневной жизни различных, в том числе и технических, новшеств, могло восприниматься скорее как патология, свойственная лишь узкому кругу аристократии. Характерен «взгляд крестьянина на труд как единственно справедливый источник собственности, признание принадлежности права на землю крестьянской общине, приоритет общинного блага и признание общей семейной собственности»²⁹¹. Пролонгация этих традиционных представлений препятствует капиталистическим реформам постсоветского периода, способствуя в то же время сохранению экологического баланса.

Означенные выше проблемы в известной степени были присущи и западноевропейским народам. Западноевропейские народы в свое время разделяли сходные представления, что нашло свое выражение, в частности, в доктрине католической церкви в позднее Средневековье. Богатство человека рассматривалось как божий дар, который необходимо использовать в интересах как можно большего количества людей, родственников, наемных работников, просто бедных. Богатство не осуждалось, но и не поддерживалось стремление к его приумножению: «Экономический идеал, установленный в каролингскую эпоху Теодульфом, оставался значимым для всего Средневековья. По его мнению, следовало напомнить „тем, кто занимается негодиями и торговлей, что они не должны желать земных выгод больше, чем жизни вечной...“»²⁹².

Европейское средневековое общество строго подходило к абстрактным, деперсонифицированным, капиталистическим способам хозяйственной деятельности, особенно в сфере финансов: «Схоласты заимствовали у Аристотеля утверждение, что „деньги не рожают денег“, и долгое время любая кредитная операция, приносящая процент, наталкивалась на эту догму»²⁹³. Католическая церковь, стремясь сохранить подчиненное значение хозяйственной деятельности, сохраняя ее в локальном контексте высших ценностей спасения, сурово осуждала ростовщичество как проявление непроизводящей, паразитической хозяйственной жизни. Миряне, занимавшиеся выдачей денег под проценты, подлежали церковному осуждению, священники, участвовавшие в аналогичных действиях, отлучались от церкви: «В церковных скульптурах показан, к отвращению и ужасу верующих, ростовщик, отягощенный мощной, которая влечет его в ад»²⁹⁴. Своими санкциями католическая церковь способствовала сохранению христианской по своему духу ценностно-нормативной системы средневекового, докапиталистического общества.

Народы европейских стран с тех пор прошли большой исторический и культурный путь, вместивший в себя реформацию, религиозные войны, буржуазные революции, установление капиталистических отношений в экономике, укоренение политической демократии, секуляризацию культуры и общества. Европейский человек стал более терпимо относиться к проявлениям социального, имущественного неравенства, тем более что во второй половине прошлого века оно потеряло свою вопиющую остроту, демонстративность, отошли на второй план знаковые проявления неравенства, хлеб и зрелища стали, пусть и в несколько различных формах, доступны богатым и более бедным. Это результат радикального роста научных знаний и технологий, чуда производства, двухсот-трехсоткратного роста производительности труда за истекшее столетие. «Чудо Производства приводит к чуду Потребления... Все доступно, все можно купить, все можно потребить. Существовало ли когда-нибудь общество, в

291 Земцов Л. И. Волостной суд в России 60-х - первой половины 70-х годов XIX века: (По материалам центрального Черноземья). Воронеж, 2002. С.21.

292 Цит. по: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр. / Общ. ред. Ю. Л. Бессмертного; Послесл. А. Я. Гуревича. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. С.209-210.

293 Там же. С.212.

294 Там же. С.234.

котором бы произошло такое чудо»^{295?}

Мы знаем, что в истории европейских народов важную роль сыграла многовековая романизация, прямо или косвенно менявшая их языческую ментальность. В результате в насильственной и ненасильственной формах в Европе произошло укоренение христианской парадигмы, сопровождавшееся постепенным вытеснением язычества. Этот процесс был закреплен в результате Реформации, хотя это закрепление довольно условно. Так, Г. Гейне в 1835 году писал о том, что «...в Вестфалии еще есть старики, знающие, где спрятаны старинные идолы; на смертном одре они сообщают это младшему из внуков, который и носит эту драгоценную тайну в своем скрытом саксонском сердце. В Вестфалии, бывшей Саксонии, не все то, что погребено, действительно мертво»²⁹⁶.

Следует отметить, что жертвы религиозных войн, сопровождавших процесс реформации, были очень велики, и подорванным этими процессами оказалось не только язычество, но, в какой-то мере, и западное христианство. Реформация стала неограниченным в этом смысле современниками прологом секуляризации социокультурной сферы Европы: «...он (Лютер. – С. Г.) хотел спасти религию, а положил начало ее разложению. Он замыслил реформу Церкви, а получилась ее секуляризация. С Лютером религия отступила в частную жизнь. Возможно, это он еще осознавал. Но того, что это отступление стало началом исхода религии из сердца человека, он не предвидел и не хотел»²⁹⁷.

Русская церковь всегда, а после заключения греческой (византийской) православной церковью на Флорентийском Соборе в 1439 году унии с римско-католической церковью и падения в 1453 году Константинополя особенно, ощущала себя хранительницей истинной веры. Эта вера была направлена на достижение спасения и царства Божия в потустороннем мире, православное богословие мало занималось вопросами мирского усовершенствования, не легитимизируя саму идею прогресса в мире Сущего, относя развитие скорее к сфере духовной, богословской. И реформация в православном мире, несмотря на наличие определенных тенденций, была маловероятна. Иван Солоневич, рассматривая постоянное воспроизводство традиции и отторжение нововведений в Московском царстве как естественное и положительное явление, отмечал, что «царь считал себя Нацией и Церковью, Церковь считала себя Нацией и Государством, Нация считала себя Церковью и Государством. Царь точно так же не мог – и не думал – менять православия, как не мог и не думал менять, например, языка. Нация и не думала менять на что-либо другое ни самодержавия, ни православия – и то и другое входило органической частью в личности Нации. Царь был подчинен догматам религии, но подчинял себе служителей ее»²⁹⁸.

В то же время тенденции к религиозной реформации проявлялись главным образом в форме религиозных ересей, которые с большей силой обнаруживали себя по мере удаления от центральных районов Московского государства: «Для массы, только что переходившей в это время от полного язычества к обрядовому благочестию, тогдашние передовые учения прошли совершенно незамеченными. Задеты были только ближайшие к западу окраины (Новгородская и Псковская

²⁹⁵Фромм Э. Здоровое общество // Мужчина и женщина / Сост.: П. С. Гуревич, С.Я.Левит М.: АСТ, 1998. С.225.

²⁹⁶Гейне Г. Духи стихий / Пер. с нем. А. Горенфельда. Сочинения: В 10 т. Т. 6 / Под ред. Н. Я. Берковского, В. М. Жирмунского, Я. М. Металлова. М.: Госиздат, 1958. С.281.

²⁹⁷Шубарт В. Европа и душа Востока / Пер. с нем. З. Г. Антипенко и М.В.Назарова. М.: Альманах «Русская идея» (Вып.3, 2-е исправленное издание), 2000. С. 52.

²⁹⁸Цит. по: Поляков Л. В. Путь России в современность: модернизация как деархаизация. М.: ИФРАН, 1998. С.45.

области)»²⁹⁹.

В результате постоянного стремления к минимизации как содержательных, так и обрядовых изменений православие оказалось наиболее последовательным и аутентичным, насколько это вообще возможно³⁰⁰, воспроизведением первоначального (апостольского) христианства: «Сохранение церковной истины было преимущественною задачей православного Востока...»³⁰¹.

Синкретизм российского традиционного сознания поддерживался не только посредством механического включения культурно-цивилизационных элементов христианского общества в языческий мир. Этот синкретизм был свойствен московской культурно-цивилизационной модели русского мира, которая представляла собой локальную социокультурную систему. И эта система не может быть сведена лишь к сумме внешних влияний и заимствований, идет ли речь о Византии, Европе или татаро-монголах. Она способна абсорбировать самые разнородные внешние влияния и инновации и воспроизводить себя, из века в век сохраняя свои базовые характеристики. С течением времени меняется лишь внешний ее антураж, опосредующая семантика ценностей, образы героев от Должного и, на другом полюсе, антигероев от воплощенного Мирового Зла, но базовые диспозиции раз за разом воссоздаются заново.

В этой системе каждый из полюсов необходим другому, герою необходим антигерой, «разнозаряженные» полюса выполняют крайне важную функцию, являясь для нее внутренним источником энергии³⁰². Так, например, «и Гитлер, и Сталин зависели от демонизированного объекта ненависти, что давало им энергию и оправдывало их действия»³⁰³. Вследствие притяжения к противоположным полюсам сложившаяся социокультурная система испытывает значительное внутреннее напряжение, сохраняя, тем не менее, устойчивость и воспроизводимость. Синкретизм российского традиционного сознания проецируется также в сферу институциональной организации общества, влияя тем самым на процессы модернизации.

Так, известный российский социолог Юрий Левада отмечает, что «одна из характеристик запаздывающей и противоречивой модернизации России – слабая дифференцированность общественных структур, сохраняющая зависимость экономики от политики, личности от государства, частной жизни от публичной и т.д.»³⁰⁴

299Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Т. 2. Ч. 2. М.: Прогресс-Культура, 1994. С. 154.

300Приведем в этой связи позицию известного русского религиозного философа П. А. Флоренского: «Что христианство в нынешних формах не похоже на христианство христовых учеников – этого нельзя отрицать. Но мы попробуем доказать, что в Церкви, как она сейчас существует, сохраняется христианство настолько чистым, насколько вообще может сохраниться незамутненным божественное, влитое в земные сосуды». См.: Флоренский П. А. Православие // Христианство и культура / Вступ. ст. и примеч. А. С. Филоненко. М.: АСТ, Харьков: Фолио, 2001. С.465.

301Соловьев В. С. Великий спор и христианская политика // Соч.: В 2 т. Т. 1. Философская публицистика. М.: Правда, 1989. С. 164.

302Энергии в системе достаточно, проблема здесь заключается в ее необузданности, хаотичности, сложности использования в планомерных созидательных проектах, она более подходит для разрушения, а в лучшем случае для мобилизационного рывка, краткого, но все совершающего и сокрушающего напряжения.

303Цит. по: Хевеши М.А. Толпа, массы, политика: Ист.-филос. очерк. М.: ИФРАН, 2001. С. 194.

304Цит. по: Прусс И. От испытаний к испытаниям, и все – на прочность // Знание -

Эта характеристика относится к настоящему, «сегодняшнему» этапу модернизации, свидетельствуя о инерционном сохранении синкретических проявлений как в сознании части россиян, так и в институциональной организации социума. Ситуация стала меняться в последние, позднесоветские и постсоветские годы.

Выраженная амбивалентность российской культуры затрудняет выполнение одной из ее важнейших функций, которая «заключается в обеспечении легитимности политических и экономических систем общества»³⁰⁵. Негативное отношение сформировалось на высших уровнях культуры в отношении частной собственности и стремления к «сверхмерному» обогащению, к юридическому праву, противопоставлению его народной правде, понятиям, обычному праву, умалению значимости личности, приоритетности общины и государства, когда индивидуальная судьба воспринимается как часть общей (что всему миру, то и бабьему сыну). Возможно ли, при вышеизложенном отношении, допустить реализацию прямо противоположных, отвергаемых частей дуальных оппозиций?

Насколько эффективно могут функционировать подсистемы следующих (подчиненных) уровней, когда ценности высшего уровня имплицитно блокируют эффективность и функциональность подсистем? Ответ на эти вопросы имеет очень серьезное значение для определения перспектив модернизационных процессов в российской социокультурной сфере. Пока эти вопросы скорее имеют выраженный риторический характер, иными словами, как справедливо заметил персонаж «Собачьего сердца» М. А. Булгакова профессор Ф. Ф. Преображенский, «разруха сидит не в клозетах, а в головах!»³⁰⁶.

Российская социокультурная среда и сегодня сопротивляется формированию эффективно функционирующих подсистем в сферах права, экономики, обеспечения прав человека. Советские публицисты, отвечая на обвинения в том, что в СССР отсутствуют основные гражданские права, говорили, что у нас нет свободы слова, собраний, политической жизни в западном смысле, но у нас обеспечиваются базовые, «физиологические» права человека. Право на воспроизводство жизни при минимальных собственных усилиях личности: работа для всех, пусть и с невысокой оплатой, соответствующей, впрочем, достигнутому уровню производительности труда (право на минимально необходимую для поддержания жизни пайку), государственная забота о воспитании детей, включающая в себя систему пособий, льгот, сиротских учреждений (воспитаем настоящего советского человека). Российский синкретизм, с его неопределенностью, размытостью смыслов предохраняет общество от распада, но в то же время сдерживает его развитие, отторгая системные изменения, привносимые либеральной модернизацией.

В наших условиях достаточно сложно внедрять развитую систему процедурной законности и правосознания, этот процесс во многом подменяется договоренностями на уровне межсубъектных отношений, где и трансформируются, отсеиваются и отбраковываются, подразделяясь на нужные и не нужные, работающие и неработающие законы и установления Власти: «Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет»³⁰⁷. Отсюда во многом и сохранение достаточно высокого

сила. 1999.№5-6 (862). С. 104-105.

305Инглегард Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на западе: Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.С.279.

306Булгаков М. А. Собажье сердце // Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2 / Редкол.: Г. Гоц, А. Караганов, В. Лакшин и др.; Подгот. текста и коммент. В. Гудковой и Л. Фиалковой. М.: Худ. лит., 1989. С. 145.

307Даль В. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, говорок, прибауток, загадок, поверий и пр. Т. 1-2. СПб.: Издание поставщиков Двора Его Императорского Величества Товарищества М.О.Вольф, 1904.С.227.

статуса обычного права не только в повседневной народной жизни, но и в сфере судопроизводства: «Обычное право, принятое в качестве юридической основы деятельности»³⁰⁸ волостного суда, недоверие к большому, юридическому, холодному, деперсонифицированному миру модерности, нелюбовь к формальным (законным) способам решения проблем.

Хорошо обо всем этом, среди многих, сказал Н. Г. Чернышевский: «Основное наше понятие, упорнейшее наше предание – то, что мы во все вносим идею произвола. Юридические формы и личные усилия для нас кажутся бессильны и даже смешны, мы ждем всего, мы хотим все сделать силою прихоти, бесконтрольного решения на сознательное содействие, на самопроизвольную готовность и способность других мы не надеемся, мы не хотим вести дела этими способами»³⁰⁹. Это один из частных примеров того типа социокультурных отношений, которые, будучи артикулированы с различной степенью ясности, составляют традиционную российскую жизнь. И пока эта система сохраняется на уровне ментальных стереотипов, любые либеральные инновации либо просто отторгаются, либо как, например, институт демократических выборов, сохраняя лишь внешние формы, трансформируются до состояния релевантности системе. Этого нельзя сказать об инновациях, привносимых имперской модернизацией, которая всегда изначально релевантна системе.

II. Должное и Сущее в русском традиционном сознании

Антиномия Должного и Сущего является базовой для русского традиционного сознания, в котором «антиномичная организация мира и бытия осознается как противоречие между материальным и идеальным, Материей и Духом, Сущим и Должным»³¹⁰.

Эта противоположность далеко не всегда внятно артикулирована, но именно вокруг нее структурируется традиционный культурный космос. Анализ этой антиномии, выявление ее на осознанном уровне позволяет осмыслить глубинные пласты традиционного сознания, понять природу его органической неприязни к либеральным ценностям. Рефлексия по поводу этой антиномии помогает также понять причины неизменного отторжения либеральных форм модернизации. Паттерн Должное/Сущее существует для носителя традиционного сознания в императивной и естественной форме, традиционалист мыслит скорее мифологично, чем понятийно, оперируя конкретной семантикой единичного, а не понятийными категориями всеобщего, т.е. переживает явление, а не осмысливает его сущность.

Для традиционалиста, в том числе и российского, вообще свойственна конкретика индивидуального и коллективного мышления, ограниченность или даже невозможность оперирования абстракциями, в том числе деньгами как средством для инвестиций, различными видами ценных бумаг, биржевыми сделками, т.е. операциями, оторванными, абстрагированными от конкретных, единичных и неповторимых проявлений материального мира. Это обстоятельство во многом препятствует либеральным формам модернизации, и далеко не только в сфере хозяйственной жизни.

Характерное для российской ментальности органическое неприятие абстракций

³⁰⁸Земцов Л. И. Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х годов XIX века: (По материалам Центрального Черноземья). Воронеж, 2002. С.20.

³⁰⁹Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. 1939-1950 / Под общ. ред. В. Я. Кирпотина, Б. П. Козьмина и др. Статьи и рецензии 1868-1861. Т. 7. М.: Худ. лит., 1950. С. 616.

³¹⁰Ерасов Б. С. Цивилизации: Универсалии и самобытность / Б. С. Ерасов; Отв. ред. Н. Н. Зарубина. М.: Наука, 2002. С. 132.

отнодь не уникально. В традиционном европейском обществе человек и вещь сопротивлялись схематизации, применению математических абстракций в отношении экономики и общества. В трансцендентной сфере идеи вещей дополнялись идеально-божественным прообразом человека. Эти прообразы были достаточно абстрактны, но по определению единичны, уникальны. В культуре и обществе модерности цифры и символы, математическая множественность приходят на смену вещественности традиционного мира, где вещь и ее производство были наглядны, осязаемы, конкретны.

Человек в различных своих ипостасях, как прихожанин определенного прихода, член ремесленного цеха, потребитель товаров и услуг тоже был более индивидуален, но не так легко, как в последующие эпохи, подпадал под действие закона больших чисел, приобретая черты формализованной, абстрактной величины. В эпоху Нового времени меняется жизнь, смыслы, ценности, разрушается цельность традиционного существования, теплота человеческих связей, дифференциация во все большей мере приходит на смену синкретичности: «Все, что раньше было осязаемо глазом и рукой, она превратила в отвлеченность. Базар стал биржей, клубом, газетой, рестораном, пивной, залом для митингов. То, что было раньше краской, формой, лицом, голосом, – стало цифрой, знаком, буквой, символом»³¹¹. Этот процесс не обошел стороной и Россию, но в традиционном сознании по-прежнему сохраняется пристрастие к конкретной семантике единичного.

Среди российских культурологов особый вклад в разработку проблемы исследования значения антиномии Должного/Сущего для русского традиционного космоса внес и вносит И.Г.Яковенко³¹². В целом признавая его концепцию, мы остановимся на некоторых аспектах этой проблемы, рассматривая их в контексте нашего дискурса.

Что же такое Должное? «Идеал (должное) понимается как царство абсолютного изначального синкрезиса, который есть высшее совершенство. На уровне массового сознания это идеализированный образ родовой жизни – Беловодье или коммунизм. На уровне богословских изысканий – соборное единение всех святых и праведников в Вечности, что, по существу, есть не что иное, как богословское осмысление образа вечного, несотворимого и неуничтожимого трансцендентного Рода, пролегающего из прошлого в будущее и разросшегося до размеров Вселенной. Отсюда вытекает и напряженное отрицание истории, поскольку объективное содержание истории – постоянное дробление социокультурного синкрезиса. История понимается как упорное движение прочь, все дальше от идеала. В этом отношении она погибельна, и только эсхатологическая перспектива несет в себе надежду на избавление»³¹³.

Это определение, приводимое И. Г. Яковенко, нуждается в комментариях. Прежде всего отметим, что с нашей точки зрения, Должное не тождественно идеалу, хотя и является родственным понятием. Идеал, вне зависимости от степени отвлеченности и несбыточности, несет в себе некоторый элемент рациональности, то же можно сказать и о норме³¹⁴. Об идеале можно спорить, ему можно выдвигать альтернативы,

311Волошин М.А. Лики творчества. Книга четвертая. Л.: Наука, 1989. С.420.

312См., напр.: Яковенко И. Г. Должное и сущее как категории культурно-исторического процесса (на материале России): Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата культурологии. М., 1999. 23 с; Яковенко И. Г. Небесный Иерусалим или Российская империя: диалектика должного и сущего: Цикл статей // Рубежи. 1997. №5. С.29-41; №6. С.52-65; №7. С.81-94; №8-9.С.27-46.

313Яковенко И. Г. Переходные эпохи и эсхатологические аспекты традиционной ментальности // Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. М.: Наука, 2002. С. 143.

314О норме в культуре см., напр.: Парсонс Т. Очерк социальной системы // О

т. е. идеал в большей мере включает в себя отдельные элементы, которые могут осмысляться и оцениваться как нечто более или менее самостоятельное, т. е. идеал может быть подвергнут аналитическим процедурам. Этого нельзя сказать о Должном, которое в большей степени монолитно и неделимо, приближаясь в этом смысле к древним смыслообразам, в которых неразделимы функции семантемы, знака и магеми. Должное способствует ослаблению имманентного неприятия государственной модели социальной жизни людьми, обладающими архаическим и постархаическим сознанием, что, впрочем, не спасало Московское царство, а впоследствии и Российскую империю от повторяющихся проявлений стихийного антигосударственничества.

Вспомним в этой связи многочисленные крестьянские восстания, в которых нашло выражение господствовавшее в народе настроение отторжения государственнической модели социального уклада: «Крестьяне хотели не столько избавления от крепостного права, сколько избавления от государства, будь оно представлено помещиком, исправником или воинским начальником, если бы они могли найти подходящие слова, они сказали бы, что им не нужна история, а довольно и своего крестьянского быта и что они просят сохранить за ними быт на вечные времена»³¹⁵. Выступая в качестве ключевого медиатора³¹⁶ для традиционного сознания, Должное тем самым выполняет своеобразную психотерапевтическую функцию, способствуя более щадящему восприятию внутрикультурных противоречий³¹⁷.

Отметим, что окрашенные в эсхатологические тона элементы восприятия окружающего мира присутствуют не только в религиозном или квазирелигиозном, но и в русском сознании вообще. В процессе нашего исторического развития возникает по-своему достаточно логичный смысловой ряд, включающий в себя крестьянскую утопию, Беловодье, Святую Русь, коммунизм и другие образы золотого века. Сам золотой век выступает в качестве одного из ключевых субдискурсов Должного. Приведенными утопиями не исчерпывается весь смысловой ряд эсхатологии, нами приведены лишь отдельные знаковые утопии из ряда российской эсхатологической фантазии. Историк русской церкви А. В. Карташов, бывший одно время министром исповеданий Временного правительства, отмечает, что «яркое отделение чистого от поганого у старообрядцев имеет прецедент только в древнем Израиле. Русский народ увидел в христианстве – откровение о пришествии Спасителя на землю и о создании силою церковного благочестия, вместо этого грешного, нечистого мира, другого, сплошь святого»³¹⁸.

И сегодня, в постсоветский период, в общественном сознании сохраняют свое значение антиномии, воспроизводящие на новом этапе общественного развития стереотипы манихейского сознания, с четким разделением света и тьмы, доброго и злого, вынесением вовне человека ответа на вопрос «Кто виноват?». Поиск ответа на вопрос о том, почему лично мне стало хуже в результате реформ, выносятся вовне,

социальных системах / Пер. с англ. А. Харраша; Под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. М.: Академический Проект, 2002. С. 576-579; 583-585.

315 Вейдле В. Три России // Умирание искусства / Сост. и авт. послесл. В. М. Толмачев. М.: Республика, 2001. С. 139.

316 См., напр.: Ахиезер А. С. Медиатор // Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России.) Т. II. Теория и методология: Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С. 267-268.

317 См., напр.: Ахиезер А. С. Медиационная задача, Медиация // Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России.) Т. II. Теория и методология: Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С. 268-273.

318 Цит. по: Зеньковский В. В. История русской философии: В 2 т. Т. 1. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. С. 59.

бытуют теории международных заговоров. В любом случае виноват не я, не мы, мы хорошие; в том, что дела идут плохо, виноваты иные, чужие, наделяемые мистическими возможностями силы, ужасные в своем злодействе и могуществе. Роль этих сил в процессе исторической и социокультурной динамики могли исполнять враги народа³¹⁹, КПСС, «жидомасоны»³²⁰, инопланетяне, американцы, позднее А. Б. Чубайс и «олигархи», представители различных этнических меньшинств, экономически, социально успешные люди вообще, которые, тем не менее, кроме негативных эмоций отторжения вызывают и зависть, желание при случае стать такими же богатыми и сильными, как они.

Предельно упрощаясь, рецепты решения реальных социокультурных проблем сводятся к необходимости уничтожения очередного или внеочередного, внутреннего или внешнего «врага». Сокрушим «супостата» и войдем в «Царствие Божие», где нет проблем и противоречий, но есть целостность мира и гармоническое состояние личности.

Идеалом для массового бессознательного является достижение статичного, «стерильного» состояния мира вне исторического времени, мира, где достигнут конец истории, развития как такового. Свидетельствует о. Иоанн Мейендорф: «Одна из черт русской культуры... это умение, тенденция жить как бы одновременно в двух мирах, некий дуализм по отношению к истории, манихейское представление о том, что в этом мире все несовершенно, но есть тайники души, откуда исходит свет, где ощущается истина: они свободны, независимы от исторического процесса... Манихейство, дуализм по отношению к истории наслонился на Православие...»³²¹. Замещение историзма эсхатологизмом является характерной чертой культурного сознания, погруженного в парадигму Должного.

Недаром Ф. М. Достоевский через героя своего романа «Подросток» Версилова восторженно выражает это апокалиптическое стремление к последним временам, завершению истории: «Золотой век – мечта самая неправдоподобная из всех, какие были, но за которую люди отдавали всю жизнь свою и все свои силы, для которой умирали и убивались пророки, без которой народы не хотят жить и не могут даже и умереть!»³²².

В рамках мифологического мировосприятия образ золотого века претерпел существенные изменения. Если для архаика он соотносился с мифическим прошлым, со временем первопредков, то «сознание эпохи модерна запрещает всякие мысли о регрессии, о непосредственном возвращении к мифическим первоистокам. Горизонт для пробуждения мифического прошлого образует исключительно будущее...»³²³. Золотой век стал осмысливаться не только как преодоление отпадения от природы, но и как снятие социальной истории со всеми ее конфликтами, коллизиями и противоречиями. Нивелируя различия между прошлым и будущим, Должное объемлет рай потерянный и рай обретенный: золотой век архаики встречается с золотым веком завершающего историю времени, конец встречается с началом³²⁴: наступает мессианское время: «Мир в видениях пророков

319См., напр.: Враги народа (К итогам процесса антисоветского троцкистского центра). М.: Партиздат, 1937. 133 с.

320Кстати сказать, слово «жидомасоны» ввел в разговорный русский язык иеромонах Илиодор, назвав так в 10-х годах XX века правительство последнего российского императора Николая II.

321Цит. по: Хорунжий С. С. О старом и новом. СПб.: Алетейя, 2000. С. 190.

322Достоевский Ф.М., Подросток // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 13. Л.: Наука, 1975. С. 375.

323Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М. М. Беляева, К. В. Костина, Е. Л. Петренко и др. М.: Весь Мир, 2003. С. 96.

324Конечно, это не только русское, автор проекта утопического государства

– это один из аспектов мессианского времени; когда человек преодолевает раскол, отделяющий его от рода человеческого и от природы, он действительно окажется в мире с теми, от кого был отделен... Взгляд пророков на мессианское время – это понимание его в виде гармонии между людьми, между мужчиной и женщиной, между человеком и природой»³²⁵.

Мечта об осуществлении Царствия Божьего на земле, достижении полного и окончательного счастья не только превосходит, но и противоречит задаче либеральной модернизации с целерациональностью, секулярностью, демократическими процедурами, противостоит самой парадигме постепенного улучшения мира, процессы модернизации разворачиваются в горизонтальном измерении мира, в сфере Сущего³²⁶. Известный русский религиозный философ С. Н. Булгаков, характеризуя депутатов Государственной думы второго созыва, отмечает очень важное в контексте нашего дискурса обстоятельство: «Я ясно видел, как, в сущности, далеко от политики, т. е. повседневной прозаической работы починки и смазки государственного механизма, отстоят эти люди. Это психология не политиков, не расчетливых реалистов и постепеновцев, нет, это нетерпеливая экзальтированность людей, ждущих осуществления Царства Божия на земле, Нового Иерусалима и притом чуть ли не завтра. Невольно вспоминаются анабаптисты и многие другие коммунистические сектанты Средневековья, апокалиптики и хилиасты, ждавшие скорого наступления тысячелетнего Царства Христова и расчищавшие для него дорогу мечом, народным восстанием, коммунистическими экспериментами, крестьянскими войнами; вспоминается Иоанн Лейденский со свитой своих пророков в Мюнстере»³²⁷.

Модернизации же как раз и свойственны постепенность и последовательность улучшений, утилитарность и прагматичность. Этими чертами обладает социокультурная среда государств модерности, она инновативна, чему в немалой степени способствует и динамизм хозяйственной жизни. Успешность в хозяйственной деятельности предполагает не просто создание новых товаров и услуг, но и новых рынков, что дает возможность субъектам экономической деятельности получать наибольшую прибыль, происходит регулярная структурная перестройка хозяйства, капитал стремится туда, где есть возможность достижения максимально возможной эффективности. Генерирование и использование новаций становится жизненно важным элементом жизни общества. Привычная цепочка «инновация-стереотип» претерпевает наибольшие изменения именно в области стереотипизации, которая теряет свою «основательность» и определенность как норма. Скорее, в обществе поздней модерности речь идет о гетерогенности стереотипов, отличающихся относительно малым временем существования. Гетерогенность проявляется и в отсутствии единого стиля, т. е. в полистилистичности, локальности стереотипа.

Расширение границ стереотипного поведения облегчает распространение инноваций. Благодаря новым возможностям информационных систем инновация становится доступна (известна) множеству людей не только в рамках данного

«Город Солнца» Томас Кампанелла в одном из своих сонетов писал: «Если золотой век некогда существовал, почему бы ему и снова не наступить? Ведь все, что было, проделав свой путь, возвращается к своему источнику». Цит. по: Лафарг П. Томас Кампанелла / Под ред Д. Рязанова. М.-Л.: Госиздат, 1926. С. 48.

³²⁵Фромм Э. Концепция мира у ветхозаветных пророков // Догмат о Христе / Сост. и авт. предисл. П. С. Гуревич. М.: Олимп, АСТ-ЛТД, 1998. С. 172.

³²⁶Более подробно см.: Гавров С. Н. Модернизация: от вертикального к горизонтальному измерению бытия // Ученые записки. Выпуск 25. М.: МГУКИ, 2003. С. 49-58.

³²⁷Цит. по: Лосский Н. О. Характер русского народа. Книга первая. Frankfurt-am-Main: Посев, 1957. 63 с.

государства, но и в различных регионах мира, где для этого созданы необходимые технические возможности. Наблюдаемое нами ускоряющееся дробление культурного пространства и взрывное распространение инноваций приводит к сосуществованию вещей и симулякров, что чревато своими проблемами, рассмотрение которых, впрочем, не входит в рамки нашего дискурса.

Модернизационные процессы порождают ряд инноваций, которые не только способствуют преобразению мира Сущего, но и выполняют еще одну важнейшую функцию: инновационные артефакты, смыслы и явления опосредуют отношения человека с миром, заполняя пространство отчуждения между ними в предметной форме. Таким образом, то, что с позиции Должного представляется проявлением бездуховности, мещанства³²⁸ буржуазности, с точки зрения самоорганизации либеральной культуры является частью процесса по гармонизации мира и интеграции человека в культурный космос.

Характерно, что массовый советский человек даже в наиболее репрессивные, идеологически выдержанные периоды нашей недавней истории стремился к созданию вокруг себя некоторого вещного барьера в отношении всепроникающих эманаций Должного. В качестве иллюстрации сказанного коснемся темы вывоза культурных ценностей из Германии на территорию СССР в конце Второй мировой войны. Для народов, населяющих СССР, этот процесс стал стихийной формой знакомства с европейской культурой, прорыва железного занавеса, эстетизации повседневной жизни. Вывезенные картины, столовые сервизы, мебель, домашняя утварь, книги заполняли пустоту (простоту) пролетарского быта, хотя бы частично позволяли удовлетворять тягу к «мещанскому» благополучию, заполняли вакуум вещного, предметного мира, делали его более прочным, основательным, «буржуазным».

Стремление граждан СССР к некоторому укоренению в мире Сущего позволяло, пусть и на минимальном уровне, поддерживать и воспроизводить жизнь в ее биологической и социально-культурной формах. В чистых формах эманациями Должного можно жить лишь ограниченное время, здесь можно вспомнить годы военного коммунизма, Гражданской и Великой Отечественной войн, в некоторой степени ленинско-сталинского периода нашей истории вообще, но без уступок миру Сущего не может сколь-либо длительное время существовать и мир Должного. Обобщая сказанное, можно утверждать, что мир Должного паразитирует на мире Сущего, захватывая энергию, необходимую для биологического и социокультурного воспроизводства человеческой жизни вообще.

Конструкт Должное/Сущее проявляет себя через свои частные субдискурсы, важнейшими среди которых являются Власть, Бог, Порядок, Правда, то «непереводимое слово „правда“, которое одновременно означает и „истину“, и „моральное и естественное право“»³²⁹. Эти субдискурсы в свою очередь дробятся на

328К мещанству, понимаемому в советский период нашей истории как стремление к комфорту повседневного городского существования, налаженности быта, отношение всегда было не только настороженное, но и прямо враждебное. Строитель социализма от Должного жил «в бараке и в палатке», обремененный абсолютным минимумом необходимых для жизни вещей, которые не должны были, да и не могли создать вокруг своего часто вполне условного владельца пространство приватного мира. В рамках модели мира по Должному человек живет ради осуществления очередного идеократического проекта, если вещи и относительно налаженный быт этому мешают, то их надо отринуть, хотя бы изрубить дедовской шашкой времен Гражданской войны, как делает это юный герой пьесы А. Н. Арбузова «В поисках радости».

329Франк С.Л. Русское мировоззрение // Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С.490.

еще более частные, пронизывая неонтологичную, но необходимую для существования Должного материю Сущего.

И. Г. Яковенко отмечает, что «сознание, в котором жива идея должного, неотделимо от членения мира на два уровня. Уровень сакральной нормативности, или Должного как единственно подлинной, горней реальности и низменного сущего, понимаемого как ложная, неполноценная, в определенном смысле, эмпирия»³³⁰. В рамках этой картины мира Должное понимается как предвечная, богоданная природа бытия, которая присутствовала в сакральном прошлом и возобладает в эсхатологическом будущем. Именно Должное обладает сакральной и онтологичной природой, а Сущее понимается скорее как ухудшенная, сниженная и несовершенная версия Должного. В топографии этого мира Сущее профанно и лишено онтологии, оно не имеет собственной природы, и вследствие этого собственных законов, которые устанавливает для него Должное, стремящееся к максимально возможному в данных исторических условиях самовоплощению.

Обратимся в качестве иллюстрации к сказанному к явлению массовых беспорядков, участники которых в своих действиях руководствовались стремлением к очищению Сущего и восстановлению Должного. С конца 50 – начала 60-х годов XX века по СССР прокатывается волна беспорядков, массовых драк, группового хулиганства, свидетельствующих о нарастающей тенденции отхода от Должного³³¹. Собственно, аналогичная ситуация наблюдалась в России и после отмены крепостного права, вызванная распадом, трансформацией привычных социокультурных форм, общего уменьшения репрессивности культуры и социума. В статье 1905 года, ощущая нарастающий хаос в социокультурной жизни, предчувствуя, вслед за Д. С. Мережковским, приход Грядущего Хама, А. Белый писал: «Появился новый тип, воплотивший в себе хаос, вставший из глубин – тип хулигана. Грозно вырос призрак монгольского нашествия»³³².

Спустя полвека массовые хулиганские действия не вызывали столь грозных предчувствий, они несли в себе как элементы стихийного, мало осознанного протеста против условий внешней, материальной жизни, так и явились реакцией на процесс имущественной дифференциации, неравенства доходов, самой возможности сравнения своего и чужого материального положения. Участники массовых силовых акций оправдывали свои действия как форму «защиты коммунистических идеалов, как попытку вернуть партию и советскую власть к первоначальным формам советского утопизма. Нельзя не признать, что снижение уровня массовых беспорядков было в определенном смысле поражением большевистской идеологии, симптомом потери влияния в обществе ее исходных утопических идеалов: меньше становилось людей, способных выйти на улицу в их защиту»³³³.

К началу 1970-х годов интенсивность массовых беспорядков значительно уменьшилась, что косвенно свидетельствовало о потере крестьянами и рабочими, вчерашними выходцами из крестьян, веры в то, что уравнилельно понимаемые

330Яковенко И. Г. Должное и сущее как категории культурно-исторического процесса (на материале России): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии. М., 1999. С. 18.

331Более подробно см.: Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. 416 с.

332Белый А. Апокалипсис в русской поэзии // Луг зеленый. Книга статей. М.: Книгоиздательство «АЛЬЦИОНА», 1910. С.225.

333Ахиезер А. С., Давыдов А. П., Шуровский М. А., Яковенко И. Г., Яркова Е.Н. Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 165.

идеалы социальной справедливости разделяются верховной государственной властью, осознанием того факта, что Власть отходит от служения Должному. Чудаковатые правдолюбцы, последние стойкие ревнители Должного, образы которых с такой любовью описаны В. М. Шукшиным, постепенно приобщаются к городской (массовой) культуре, все четче разделяя сферу публичного, социального и частного, локального. Жизнь в первой сфере предполагает участие в партийных, комсомольских, профсоюзных собраниях, субботниках, иных формах общественных работ, исполнение определенной социальной роли, поддержание конвенциональных правил игры.

В сфере частного пространства можно расслабиться, пить водку и философствовать на кухне, обличать начальство, изливать душу. Бунт был вытеснен из публичной в частную сферу жизни, сохраняя при этом свою алогичность, четкое (бинарное) разделение на своих и чужих, черное и белое, добро и зло. К светлому и доброму полюсу, объединяющему своих, относятся коллеги по работе, собутыльники, т. е., как правило, люди, которые знают друг друга лично. К противоположному, темному полюсу мироздания относятся мировая «закулиса» (вспомним многочисленные теории заговоров и тайных происков в отношении России/СССР вообще и русского народа в частности), империалисты, «очкастый частный собственник»³³⁴, позднее региональное или московское начальство, т. е. иные, чужие, непонятные, в силу этого и могущие олицетворять силы зла. В частной сфере коллективное бессознательное выражалось одним и тем же набором знаковых фраз: «Мы тут вкалываем, а они там с жиру бесятся», «Я воевал», причем безотносительно к реальному участию в каких-либо военных действиях. Эти мизансцены включают в себя и элементы невербальной коммуникации: рвется на груди рубашка, кулак стучит по столу, звенит посуда, человек вопрошает у мира, другого человека: я достаточно значим для окружающих, для мира, «тварь я дрожащая или право имею», вопрошание, выражающееся сакраментальной фразой: «Ты меня уважаешь?».

Вернемся к рассмотрению столь важной в контексте нашего дискурса антиномии Должного/Сущего. Она определяет систему ценностных координат и понятий, с помощью которых в рамках идеологии традиционализма постигается окружающий мир. Структуры реальности оформляются в концептах и моделях Должного/Сущего. Элементы, не укладывающиеся в подобные модели, не воспринимаются, не фиксируются традиционным сознанием, заносятся в разряд случайностей. Так это было и в нашем еще не столь далеком советском прошлом. Это у нас, здесь, на отдельно взятом предприятии, в отдельном колхозе и районе такие перегибы и безобразия, но это не повод для клеветнических обобщений, в других частях огромной страны все правильно, в куда большей степени соответствует Должному. Для того, чтобы убедиться в этой правильности отдаленного, лежащего вне сферы повседневного личного опыта мира, советскому человеку не нужно было никуда ехать, достаточно было прочитать очередной номер газеты «Правда», послушать заезжего лектора общества «Знание», и уж тем более прослушать курс в Университете марксизма-ленинизма.

Для массового советского человека, жившего в космосе социокультурной

334С изрядной долей иронии об этом у В. С. Высоцкого: «Он мне не друг и не родственник / он мне заклятый враг / очкастый частный собственник / в зеленых, синих, серых жигулях». См.: Высоцкий В. С. Песня об автомобилистах. И совсем без иронии у В. Вейдле, писавшего о «исконной, хоть и дремотной, вражды русского народа не столько к кулаку и толстосуму, сколько к барину, т. е. человеку, быть может, и не богатому, но носящему пиджак и воротничок, читающему книжки, живущему непонятной и ненужной народу жизнью». См.: Вейдле В. Три России // Умирание искусства / Сост. и авт. послесл. В.М.Толмачев. М.: Республика, 2001. С. 139.

традиции, реальность, выходящая за рамки Должного/Сущего, осознавалась в минимально возможной степени. Постоянной сегрегации (отделения чистых от нечистых) подвергаются в этом контексте исторические факты: факты, укладываемые в систему координат, задаваемую антиномией Должного/Сущего становятся каноническими, факты, не укладываемые в эту схему, не замечаются или трактуются как неважные, незначимые.

Благодаря такому отношению к историческому опыту «история определенным образом сакрализуется, превращаясь в священную социалистическую историю со своими мифами и легендами, своего рода пародию на Священное Писание»³³⁵. Конструируемая таким способом «священная социалистическая история», как и любая другая в Московском царстве, России/СССР и позднее в постсоветской России, не получает раз и навсегда данных, застывших форм, она находится в постоянном движении, подвергается пересмотру, ревизии, подвержена инверсионному переосмыслению роли и места исторических персонажей и событий.

Важнейшим проявлением видения мира сквозь призму концепта Должное/Сущее является отношение к истории и особенности исторической памяти. В нем коренятся причины столь странного, на первый взгляд, феномена, заключающегося в непредсказуемости не только российского будущего, но и его истории. История в ее дискретности и фактографической конкретности, с ее имманентными законами и логикой вполне может не соответствовать Должному, и поэтому выпадает из традиционной картины мира. Так, рассматривая особенности восприятия времени, свойственные крестьянам в пореформенный период, российский историк Б. Н. Миронов отмечал, что «крестьянин воспринимал время движущимся по кругу, циклическим и соответственно этому представлял, что все в мире повторяется, а не изменяется. Отклонение от нормального, т. е. повторяющегося, хода вещей казалось ему чем-то исключительным, делом рук нечистой силы, результатом козней колдунов и потому временным и преходящим: „Обомнется, оботрется – все по-старому пойдет"»³³⁶.

Должное, которое в одной из своих модальностей выступает как ничем не ограниченная воля к Благу, несовместимо с рационально историческим пониманием необратимости социокультурного времени. Для Должного нет времени и нет необратимости, и человек, обладающий традиционным сознанием, полагает, что в любой момент можно остановить историческое время и начать все сначала – с чистого листа. А если нет исторических ограничений, если не вполне прочны причинно-следственные связи, – то почему бы не поиграть с различными моделями общественного устройства или хотя бы в очередной/внеочередной раз не переделить собственность?

Драматическое соотношение между объективным миром Сущего и пронизывающими его эманациями Должного неизбежно вызывает социокультурные противоречия. К этому взаимодействию двух миров генеалогически восходит невосприимчивость традиционной культуры к рациональному видению мира, отсюда и склонность российского человека к идеологическим (мифологическим) истолкованиям реальности. Должное надреально, оно предшествует реальности и не соотносимо с реальным бытием, не корреспондирует с ним и не верифицируется с его помощью: «Сознание, в котором жива идея должного, не отделимо от членения мира на два уровня: сакральной нормативности или должного как единственно подлинной реальности и измененного сущего, понимаемого как ложная, неполноценная эмпирия»³³⁷.

335Неретина С. С. Тропы и концепты. М.: ИФРАН, 1999. С. 250.

336Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С.329.

337Яковенко И. Г. Должное и сущее как категории культурно-исторического

Но в этом кажущемся властно-волюнтаристическом событийном хаосе есть все же некоторые закономерности, определяемые процессом их постоянной мифологической коррекции и соотношения с ключевыми субдискурсами Должного. При этом используются следующие основные приемы.

1. Вытеснение из памяти, истории, жизни вообще фактов, которые в большей или меньшей степени не соответствуют Должному³³⁸. На инструментальном уровне этому во многом способствует практика вымарывания свидетельств об этих фактах из письменных источников, начиная от летописных списков и кончая нашей постоянной страстью к переписыванию учебников истории с изменениями трактовок, а временами и содержательного наполнения, исторических персоналий, изменения в знаке оценки государственных и общественных деятелей. В качестве ставшего уже классическим примера можно привести вымарывание портретов и упоминаний о врагах народа в советских учебниках и энциклопедиях сталинской эпохи, изятие в советских библиотеках книг эмигрировавших или по иной причине впавших в немилость Власти писателей. На протяжении только советского периода «образцы истории менялись, по крайней мере, дважды: история классов и классовой борьбы сменилась историей производства и технологий, а та, в свою очередь, великодержавной историей»³³⁹. Но главный механизм сегрегации фактов на предмет их соответствия/несоответствия Должному носит внутренний характер и работает на уровне ментальности, где работает своеобразный «внутренний цензор».

2. Амбивалентная трактовка фактов, когда они понимаются одновременно в двух противоположных версиях. Так, например, свидетель коллективизации, с одной стороны, помнит и может поведать обо всех ее ужасах, так, как это было на самом деле. С другой стороны, он полагает, что все происходившее схоже с описанием процесса коллективизации в романе М. Шолохова «Поднятая целина». Как объяснить этот парадокс, имеет ли он отношение к сфере психопатологии, раздвоению сознания? К медицинской области этот феномен отношения не имеет, поскольку в рамках своеобразной логики отношений Должного/Сущего все поддается объяснению и пониманию. При таком восприятии исторических событий накладываются друг на друга картины того, что было в действительности и того, что должно было быть согласно идеологически окрашенному и легитимному мифу.

3. Избирательное фиксирование свойств и признаков исторических реалий по принципу их соответствия Должному, их сегрегация, т. е. отделение чистых (соответствующих) от нечистых (не соответствующих). Но полуправда является наихудшим видом лжи, которая, по словам И. Канта, страшна растворенными в ней крупинками правды, тем, что «она остается серьезным нарушением долга по отношению к самому себе, причем нарушением непростительным, так как оно задевает в нашем лице человеческое достоинство и подрубает самые корни нашего образа мыслей...»³⁴⁰.

Следствием иррационалистического антиисторизма является постоянно воспроизводящийся инфантилизм российского исторического сознания. В этом

процесса (на материале России): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии. М., 1999. С. 19.

338Очень хорошо этот процесс мгновенного вытеснения описал Дж. Оруэлл в своей знаменитой антиутопии «1984». В очередном воплощении «дивного нового мира» тому, кто не может кардинально и почти мгновенно поменять свои взгляды и отношения к различным событиям из прошлого и настоящего, гарантирована скорая и эффективная «помощь» государства, в лице его министерств Правды и Любви. Мы научим тебя Родину любить – и учат.

339Неретина С. С. Тропы и концепты. М.: ИФРАН, 1999. С. 251.

340Кант И. Кант – Марии фон Герберт (весна 1792 года) // Трактаты и письма. Памятники философской мысли. М.: Наука, 1980. С. 583.

контексте история не предполагает преемственности, поскольку приход к власти нового правителя потенциально несет с собой возможность к обновлению космоса и бытия. Недавнее прошлое перечеркивается, из него редко делаются практические выводы, использование которых на новом этапе могло бы избавить общество от новых ошибок и испытаний. В то же время подвергающийся официальным гонениям бывший властитель вызывает у носителя традиционного сознания живое участие и поддержку, у нас любят гонимых и обиженных: «Вождь, который потерял свой пост, приобретал все мыслимые и немыслимые черты идеала (мы бы сказали Должного. – С. Г.). Он был как бы товарищем по несчастью и хорош был именно потому, что уже не имел власти. Так, вернувшийся из заключения по амнистии П. пришел на прежнее место работы, устроил в кабинете начальника дебош, подрался с милиционерами, называя их фашистами, гадами, предателями, а заодно обвинил их в том, что они „отравили Сталина“»³⁴¹.

Приход нового правителя, а в последнее десятилетие и избрание нового состава органов законодательной власти, часто сопровождается массовыми иррациональными надеждами на чудесное изменение (обновление) мира или хотя бы на немедленное улучшение их собственного материального положения. Соотнесение этих гипертрофированных надежд с объективными социокультурными реалиями во многом недоступно традиционному сознанию. В начале своего правления субъект Власти может эксплуатировать наличие у подданных заведомо завышенных, чуть ли не сакральных ожиданий, но со временем, разуверившись в его возможности преобразовать мир, сознание традиционалиста может осуществить инверсию в отношении субъекта Власти, перемещая его в своих представлениях с полюса Добра на противоположный полюс Зла.

Для носителя традиционного сознания, мыслящего в категориях Должное/Сущее, более важна не содержательная, программная часть властной речи, а персоналия того, кто ее произносит. Именно поэтому очередному субъекту Власти так важно сказать много общего и мало частного, дабы не смущать, не вводить в соблазн малых сих, дав им тем самым возможность объединиться в поддержку персоны властителя. Когда с течением времени субъект Власти теряет свою связь с эманациями Должного, он оказывается в сфере Сущего, погружаясь в мир единичных, неподлинных фактов, сам приобретая оттенок неподлинности. Мы можем вспомнить в этой связи отношение наших сограждан к бывшим правителям России.

Итак. Правители, которые служат Должному вяло, без огонька, просто -забываются, в качестве примера можно вспомнить ряд коммунистических руководителей эпохи заката империи. В этом ряду стоят Генеральные секретари ЦК КПСС Л. И. Брежнев и К. У. Черненко. Правители, которые в той или иной форме противостоят Должному, мифологизируются в качестве злодеев, роль которых столь же необходима в традиционной картине мира, как и роль героев и праведников. Так, уже к концу двадцатых годов прошлого века «Ленинизм становится единственно „правильным“ учением, получив свою противоположность, свое отрицание – антиленинизм – в форме „троцкизма“. Наличие кривды и зла должно было подтверждать существование правды и добра»³⁴². Из недавнего времени к этому мифологическому «злодейскому» ряду массой традиционалистов причисляются М. С. Горбачев и Б. Н. Ельцин.

Но вернемся к живописному изложению советской эмпирики 1950-80-х годов в

341Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. С.213.

342Геллер М.Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. С. 79.

изложении В. А. Козлова: «Здравствующие „вожди“, напротив, были плохи по определению. Дважды судимый заключенный Ш. в апреле 1959 года написал замечательное ругательное письмо Н. С. Хрущеву: „Ты толстопузое кровожадное животное, отпустив свою требуху за счет слез и крови благородного человека, стоишь у власти, держась руками и зубами за престол, обещая всему миру светлое будущее, которому будет начало после твоего погребения. Не ты ли, гуманный пес, заставил Маленкова отречься от престола, под предлогом плохого понятия в сельском хозяйстве, выдвинув кандидатуру Булганина для своих корыстных целей..."»³⁴³.

Ориентированные на Должное носители традиционного сознания обвиняют их в семи смертных грехах³⁴⁴ но за этими обвинениями стоит, как правило, главное – они снижают возвышенный образ Власти, переводя ее из сферы сакрального в сферу профанного. Нет в народе и особой благодарности по отношению к царям и генсекам-освободителям, поскольку они, отпав от Должного, впали в ересь Сущего. Вспомним близких нам по времени Н. С. Хрущева и М. С. Горбачева, чьи образы в массовом сознании окрашены ярко выраженными отрицательными коннотациями. Совсем по-иному воспринимается образ правителя, который выдерживает экзамен на соответствие Должному. В нем все человеческие качества постепенно элиминируются, субъект Власти от Должного – это уже скорее не человек и даже не сверхчеловек, но некое высшее существо.

В качестве классического примера вспомним сложившиеся в массовом сознании образы В. И. Ленина и И. В. Сталина. Так, после развенчания на XX съезде КПСС культа личности Сталина в Грузии прошли массовые демонстрации, переросшие в беспорядки, во время которых в Тбилиси «из Гори приехали на грузовиках около 2 тысяч человек; головная машина была оформлена под броневик. На ней стояли два человека, загримированные под Ленина и Сталина, в окружении одетых в матросскую форму людей с пулеметными лентами через плечо»³⁴⁵. В этой сцене мы видим проявление именно таких, «сверхчеловеческих», качеств вождей от Должного, физическая смерть которых не может остановить их участия в исторических процессах не только в опосредованной форме, но и лично.

Этот смысловой ряд можно продолжать многими примерами. Так, в 1977 году в журнале Союза писателей Белорусской ССР было опубликовано стихотворение поэта со словами о том, что настоящий советский человек всегда может обратиться за советом и поддержкой к коммунисту № 1 В. И. Ленину: «Имеем право мы: Буди! Имеем право мы: Звони!... Не стерпишь ты, я не смолчу. Мы все позвоним Ильичу!». В этой системе координат Вожди от Должного выступают в качестве «святых» от коммунистической квазирелигии в ее марксистско-ленинском варианте, «святых», к которым можно обратиться с индивидуальной и коллективной жалобой, просьбой по исправлению общественных неполадок, отхода от линии, задаваемой Должным, «мощам», которым всегда можно поклониться и получить поддержку и утешение.

Здесь мы подходим к проблеме фетиша Власти, которая является одним из важнейших социокультурных следствий доминирования парадигмы Должное/Сущее в российском культурном сознании³⁴⁶. Анализ этой проблемы помогает лучше понять

343Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. С. 214.

344Число этих обвинений и приписываемых грехов в самых различных вариациях может стремиться чуть ли не к бесконечности.

345Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. С. 170. 37) Цит. по: Геллер М. Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. С. 67.

346В российском культурном сознании вообще, а не только в его традиционном

причины устойчивого отторжения российским обществом норм и ценностей, которые привносятся в наше социокультурное пространство либеральной формой модернизации. Власть в рамках российской социокультурной традиции является скорее категорией метафизической, а не социальной, и если на внешнем, «парадном» уровне Власть предстает как социальный институт, то на внутреннем, глубинном уровне проявляется ее метафизическая сущность. С рациональной точки зрения власть понимается двояко: как субъект и как отношение.

В отличие от России, в преодолевшем архаический/средневековый синкретизм европейском культурном сознании эти модусы власти закрепились в своем онтологическом различии. В российском культурном сознании Власть является одним из основных субдискурсов Должного, его прямой проекцией, выполняя важнейшую функцию системной медиации по сохранению минимально необходимой для функционирования и воспроизводства общества общекультурной целостности. Российская Власть не столько регулирует локальные социокультурные процессы, протекающие в горизонтальном срезе общества, сколько связывает вынесенные за скобки реальности метафизические, вертикально иерархизованные полюса Добра и Зла, тем самым поддерживая целостность всей социокультурной системы.

На почве внутреннего раскола и крайней суженности срединной зоны бытия эта система через некоторые промежутки времени испытывает всплески критического напряжения, усугубляющиеся незначительным развитием горизонтальных медиативных связей. В этой социокультурной ситуации Власть является скрепляющей и цементирующей силой, внешней по отношению к горизонтальному социальному миру: «Не Москва Государю указ, Государь Москве»³⁴⁷. Власть носит субстанциональный характер, самопричинность и космологичность, приобретая черты априорной воли, не сдерживаемой в подвластном мире никакими сдержками и противовесами. В этом чувствуется дыхание архаики, ее ослабленная проекция, воспоминание о таком порядке вещей, при котором важно было поддерживать «сакральную производительную силу царя, смысл которой в увеличении изобилия вокруг: среди живых существ и в природе... (позднее. – С. Г.) у скандинавских народов царь обеспечивает процветание на земле и в море; его царствование обильно плодами земными и женским плодородием»³⁴⁸.

В этих условиях осуществление медиации³⁴⁹ имеет свою специфику, отличную от специфики Запада, где доминирующей формой медиации является диалог. В средневековой Европе отношения между феодалами, находящимися на разных социальных уровнях, строились преимущественно по принципу диалога и взаимных обязательств, ведь «диалог – это постоянное разрешение внутренних противоречий в сознании субъекта в поисках конструктивных решений при сохранении напряжения творческой активности. В пространстве задаваемых им проблем постоянно утверждается позиция „Я“ в его отношениях к себе и другому»³⁵⁰.

В рамках российских социокультурных реалий медиация осуществляется

сегменте.

347 Даль В. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, говорок, прибауток, загадок, поверий и пр. Т. 1-2. СПб.: Издание поставщиков Двора Его Императорского Величества Товарищества М. О. Вольф, 1904. С. 224.

348 Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: Пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс-Универс, 1995. С.260.

349 См., напр.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России.) Т. II. Теория и методология: Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С.268-274.

350 Сайко Э. В. О природе и пространстве «действия» диалога // Социокультурное пространство диалога. М: Наука, 1999. С. 14.

преимущественно посредством монолога. В своих различных временных воплощениях Российская власть в монологичной форме пытается иерархически организовать пространство Сущего, горизонтального мира, связать его отдельные сегменты. Но это медиативно-иерархизирующее воздействие на мир далеко не всегда успешно, так, «основная трудность, с которой так и не справилась ни киевская, ни московская, ни петербургская Россия, как раз и заключается в этой разобщенности народа и культуры, народа и государства, лишаящей культурную традицию настоящей прочности и препятствующей лечить однажды происшедший в ней разрыв»³⁵¹.

Такой принцип упорядочения социокультурного космоса блокирует развитие диалогической культуры. Монологическо-иерархический характер общекультурной медиации в условиях системного дефицита медиативных функций переживается как сверхценность, рассматривается как основание национального культурного сознания, как самоидентификационный признак. В наших условиях вполне явственно отсутствие обратной связи между Властью и обществом, именно поэтому так трудно что-либо организовать в России без прямого одобрения Власти.

В качестве одной из наиболее наглядных иллюстраций сказанного можно привести слабость и малочисленность политических партий не от власти³⁵² в постсоветской России. Положение, когда между Властью и обществом расположена пропасть, а само общение по своему характеру монологично, воспринимается не только как нечто нормальное, привычное, но и как Должное. Россия в этом отношении совсем не одинока. Очень значительная дистанция в отношениях человека и власти существует в Мексике и Индии, других странах, расположенных, как правило, вне пределов Европы. Минимальная дистанция в отношении подданных и власти наблюдается в Германии и Великобритании, т. е. в странах, относящихся к либеральной цивилизации модерности. Подробно параметры, характерные для различных культур, рассматривает голландский антрополог Г.Хофстеде³⁵³.

Статус Власти является еще одним значительным отличием России от Западной Европы, поскольку уже в Средние века верховная власть в Европе была ограничена законами, серьезное нарушение которых властным субъектом могло подвигнуть вассалов к избавлению от него как легитимным, так и нелегитимным путем. Переход сюзерена через определенную черту не способствовал ни укреплению его власти, ни сохранению размеров контролируемых территорий, поскольку вассал мог найти себе другого сюзерена, перейти под его начало вместе со своими владениями. В крайнем случае вассал мог в течение достаточно длительного периода скрываться, а в случае необходимости и обороняться в родовом замке-крепости. Таким образом, распространенные в различных частях Западной Европы и имевшие определенные общие черты социокультурные системы поддерживали внутреннюю стабильность, сдерживая деструктивные проявления властного произвола.

Но космологический статус российской Власти выводит ее за рамки морали и закона, ставит ее над ними: «Светится одно солнце на небе, а Царь Русский на земле»³⁵⁴. В российской истории мы наблюдаем развитие воспринятой от Римской

351 Вейдле В. Три России // Умирание искусства / Сост. и авт. послесл. В.М.Толмачев. М.: Республика, 2001. С. 132.

352 КПРФ тоже партия от власти, но от власти прошлой, форма функционирующего в угасающем инерционном режиме субдискурса Должного.

353 См., напр.: Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М.: ИФРАН, 1997. С. 208.

354 Даль В. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, говорок, прибауток, загадок, поверий и пр. Т. 1-2. СПб.: Издание поставщиков Двора Его Императорского Величества Товарищества М.О.Вольф,

империи (Византии) идеи цезаризма, когда субъект Власти, одновременно выступающий источником иерархически нисходящих властных отношений, приобретает очень высокий статус.

Это представление о божественной сущности царской власти восходит еще к древним царствам. Так, в Древнем Египте уже во времена Четвертой Династии царь воспринимался подданными как сын бога Ра: «Царь, хотя внешне и был сыном своего отца, одновременно являлся и сыном верховного Бога»³⁵⁵. Исаак Масса полагал, что русские «считают своего Царя за высшее божество»³⁵⁶. Мнение иностранца вполне разделяли и москвиты, обращаясь, в частности, к авторитету церковного деятеля и писателя конца XV – начала XVI века Иосифа Волоколамского, писавшего, что «царь, по своей природе, подобен всякому человеку, а по своей должности и власти подобен Всевышнему Богу»³⁵⁷. Возвышаясь над всем и всеми, российская Власть может проводить волюнтаристическую политику, когда любой поступок субъекта Власти нормативен: «Правда Божья, а воля Царская»³⁵⁸.

Так, например, как можно было в условиях так называемого реального социализма при их правлении проверить на соответствие советскому законодательству поступки (решения) И. В. Сталина, Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева? Этот вопрос априорно имеет риторический характер, ведь «не судима воля царская»³⁵⁹. Декларативность, недейственность советских конституций, начиная от сталинской конституции 1936 года, вполне явственно осознавалась образованной частью советского общества; одним из главных требований возникшего в 60-е годы XX века диссидентского движения было: соблюдайте советскую конституцию.

В этой связи возникает закономерный вопрос, как именно можно совместить, срастить в рамках одной правовой политики обращение в постсоветский период к нормам юридического права, во многом скалькированным с юридических систем Западной Европы и Северной Америки, и исторически укоренившуюся традицию властного произвола? Внутри этого головоломного «правового конструкта» совершенно неизбежна не только внутренняя конкуренция, но и война на уничтожение, естественное стремление к достижению большей внутренней гомогенности. Направление, все более распространяющееся сегодня, старо как российский мир: «Правда твоя, мужичок, а полезай-ка в мешок!»³⁶⁰.

В сфере морали, так же как и в сфере права, между западом и востоком Европы существуют достаточно серьезные отличия. Моральные принципы на Западе являются самостоятельным медиационным регулятивом, поскольку «все законы нравственности приобретают в контексте радикально монотеистической

1904.С.224.

355Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания / Пер. с англ. А. П. Хомик. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1998. С. 176.

356Цит. по: Успенский Б.А. Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Б.А. Успенский. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Гнозис, 1994. С. 111.

357Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. Т. 1. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. С.53.

358Даль В. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, говорок, прибауток, загадок, поверий и пр. Т. 1-2. СПб.: Издание поставщиков Двора Его Императорского Величества Товарищества М. О. Вольф, 1904. С. 225.

359Там же.

360Даль В. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, говорок, прибауток, загадок, поверий и пр. Т. 1-2. СПб.: Издание поставщиков Двора Его Императорского Величества Товарищества М. О. Вольф, 1904. С. 145.

(христианской. – С. Г.) веры универсальную форму...»³⁶¹. Моральные принципы на востоке Европейского континента в большей мере подвижны и релятивны.

Поскольку Власть является первой ипостасью Должного, она определяет меру соответствия ему и в сфере морали. В рамках этой моральной системы морально все, что соответствует Должному, вспомним не столь далекое время, когда решения и действия Власти определялись революционной целесообразностью, позднее целесообразностью «текущего момента». Поскольку на уровне неартикулированных, но признанных конвенций российская Власть обладает отнюдь не меньшей ценностью чем божественное начало, то и собственно религиозная сфера не может быть абсолютным источником моральных норм: «Все по власти Божьей да Государевой»³⁶². Моральные нормы достаточно легко варьируются в соответствии с дискурсами Должного, где наличным субъектом дискурса выступает Власть.

Стремление Должного к включению в свою сферу всего и вся не обходит стороной и противоположные полюса Добра и Зла, проявляясь как «жажда высшего символа – бога, который одновременно был бы и чертом... это ведь древний демиург. Он был изначально; он, единственный, находится по ту сторону всех противоречий, он не знает ни дня, ни ночи, ни добра, ни зла. Он – ничто, и он – все. Мы не можем познать его, ибо мы познаем что-либо только в противоречиях...»³⁶³. Здесь следует искать и генеалогические истоки одной из важнейших особенностей российской Власти – ее амбивалентности.

В культуре, где срединная зона не развивается естественным образом, а космологические полюса Добра и Зла подходят друг к другу вплотную, Власть не может занимать срединную область бытия, связывая систему изнутри. Она может занимать одновременно два полюса, быть и тем и другим, словно обручем сжимая систему извне. Некоторые аналоги подобному положению вещей просматриваются в период раннего Средневековья, когда, согласно заключению Жоржа Дюби, король Франции «не составляет отдельной части в трехчастной схеме: „ибо сам он пребывает над порядком, то есть над тремя разрядами, образующими придворное общество"»³⁶⁴.

Этой особенностью находиться над, а не внутри общества, определяется и амбивалентная способность российской Власти быть одновременно как источником Блага, так и Зла.

С одной стороны, на протяжении и советского, и досоветского периода нашей истории мы видим постоянное обращение к Власти в поисках справедливости, поскольку институт жалоб, а не судебных разбирательств вообще характерен для общества, построенного на редистрибутивной (перераспределительной) основе, с другой – мы видим и одновременное «фундаментальное недоверие к власти как возможному источнику „блага". Поэтому все, кто пытается „дать народу жить", не могут оставаться у кормила правления. Зло, заключенное во власти, немедленно расправится с ними»³⁶⁵.

361 Нибур Ричард Х. Радикальный монотеизм и западная культура / Пер. с англ. И. И. Маханькова // Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура. М.: Юрист, 1996. С.251.

362 Даль В. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, говорок, прибауток, загадок, поверий и пр. Т. 1-2. СПб.: Издание поставщиков Двора Его Императорского Величества Товарищества М.О.Вольф, 1904. С.224.

363 Гессе Г. Братья Карамазовы, или Закат Европы // Письма по кругу: Пер. с нем. / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Д. Седельник. М.: Прогресс, 1987. С. 106.

364 Цит. по: Рикер П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 254.

365 Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 –

Зло, совершаемое Властью, не является онтологическим Злом, его совершение диктуется высшими интересами Должного, рационализировать которые не только невозможно, но и греховно, вот и «Бог дает власть кому похочет»³⁶⁶. Традиционное сознание неизменно оправдывает злодеяния Власти различными историческими обстоятельствами, необходимостью бороться с мировым злом, врагами народа, пятой колонной. Чаще всего преступные действия Власти воспринимаются как являющиеся «диссонансами, которые необходимы для большей гармонии, так что те, кто слышит эту гармонию, не воспринимают их как диссонансы»³⁶⁷.

Злодеяния Власти неонтологичны, онтологическое Зло несет в себе мир Сущего, не облагороженная Должным греховная природа человека. На неосознаваемой почве этой «греховности» у носителя традиционного сознания вырастает вполне осязаемый комплекс инфантильности, беспомощности без указания начальства, такой человек не только легко управляем, но и нуждается в управлении и опеке со стороны Власти: «Я люблю полицмейстера, который, во время пожара, и меня самого съездил бы по затылку, чтобы я не стоял, сложа руки. Без насилья нельзя», – говорит Константин Леонтьев. И по поводу либеральных реформ в царствование Александра II: «Не решимся ли мы просить могучего Отца (государя), чтобы впредь Он держал нас грознее?»³⁶⁸.

Амбивалентностью отмечен являемый подвластному образ субъекта Власти, поскольку синкретическая слитность взаимно противоположных начал является условием адекватности Должному. Так, в мифологизированном образе В. И. Ленина подчеркивалась сверхчеловеческая, превосходящая земные мерки гениальность и в то же время – простота, человечность, доступность в общении. Аналогичный, хотя и несколько иной образ был у И. В. Сталина. Он тоже одновременно был имманентен и трансцендентен, сочетая в косноязычной речи примитивную простоту с таинственностью: «Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет, / Он один лишь бабачит и тычет»³⁶⁹. В сочетании с другими особенностями образа и стиля поведения эта особенность речи создавала ауру загадочности, незримого и неизреченного присутствия тайного сакрального смысла, который лишь немного приоткрывается за оболочкой неадекватных словесных репрезентаций³⁷⁰. Именно интуитивная эксплуатация порожденных Должным общественных ожиданий дает решающее преимущество очередному претенденту в борьбе за Власть³⁷¹.

Проявления властной неадекватности и волюнтаризма во многом вызваны

начало 1980-х гг.). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. С.213.

366Даль В. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, говорок, прибауток, загадок, поверий и пр. Т. 1-2. СПб.: Издание поставщиков Двора Его Императорского Величества Товарищества М. О. Вольф, 1904. С. 228.

367Берлин И. Оригинальность Макиавелли // Подлинная цель познания. Избранные эссе / Пер. с англ. и комментарии В. В. Сапова. М.: Канон+, 2002. С.346.

368Цит. по: Мережковский Д. С. Земля во рту // Большая Россия. СПб.: Общественная польза, 1910. С.258-259.

369Мандельштам О. Э. «Мы живем, под собою не чуя страны» // Сочинения: В 2 т. Т. 1. Стихотворения. Сост., П. Нерлера; Вступ. стат. С. Аверинцева. М.: Худ. лит., 1990. С. 197.

370Образ «народного царя», говорящего с народом на корявом языке, с многозначительными недомолвками и панибратскими «подмигиваниями» эксплуатировался и Б. Н. Ельциным, особенно в первые годы его правления.

371Сталин обладал от природы теми свойствами, которые помогли ему одолеть своих противников, превосходивших его по многим критериям, но не способным выйти на такой уровень амбивалентности: Л. Д. Троцкий был слишком трансцендентен, С. М. Киров – слишком имманентен.

оторванностью субъекта Власти от реальной жизни, но эти несообразности Власти в процессе инвертации воспринимаются подданными как проявление ее мудрости и величия. Хорошо сказал о восприятии традиционалистами различных действий Власти «певец» консерватизма и российской osobosti К.Леонтьев: «По основному закону нашей Империи, по существенному духу нации нашей законно и хорошо все то, что исходит от Верховной Власти. Законно было закрепощение, законно и хорошо было разделение народа на сословия (или „состояния“), все было хорошо в свое время – и старые, закрытые суды, и телесное наказание. Законно и хорошо уничтожение всего этого, не столько по существу, сколько потому, что Верховной Власти было так угодно... Мы так думаем и не считаем того настоящим русским, кто не умеет так думать, хотя бы он был и самый честный, и самый полезный с виду в делах своих человек... (курсив наш. – С. Г.)»³⁷². Но за все в истории приходится платить, и за это удобство законов, которые «как дышло», и за метания в экономике, политике, за эту опьяняющую полноту властных возможностей, предполагающую отсутствие серьезных внутренних ограничений, сдержек и противовесов, не только царской власти, но и стране в целом пришлось заплатить цивилизационной катастрофой 1917 года.

Медиативная функция Власти является важнейшим субдискурсом Должного, пронизывая мир Сущего, нашу повседневную жизненную реальность. Этот субдискурс должного в российских условиях подчеркнута монологичен, в его внутренней логике главное выстроить властные иерархии (вертикали) во всех сферах жизни общества, ведь именно через них эманации Должного проникают в самые отдаленные уголки нашего земного, повседневного мира Сущего³⁷³.

Медиативная функция Власти в мире Сущего проявляется через конкретные социальные институты, отношения и традиции. Одним из стержневых институтов здесь является иерархически организованный институт чиновничества, что находит и регулярное эмпирическое подтверждение. Так, академик Т. И. Заславская приводит следующие цифры по количеству чиновников в СССР и в постсоветской России: «По сведениям, приводившимся в 1999 году на симпозиуме „Куда идет Россия?“, в СССР перед перестройкой было 700 тысяч чиновников, а в нынешней России – их 1200 тысяч. В три с половиной раза больше на миллион управляемого населения»³⁷⁴!

Почему в России государство такое большое, почему бюрократия столь велика по численности и играет столь важную роль в делах общества? Внешние формы контроля компенсируют отсутствие внутренних форм культурного, правового, экономического, политического контроля и участия личности как в собственных жизненных проектах, так и в делах социума. Не производить, но распределять и перераспределять, решать вопросы по возможности в индивидуальном порядке, в

372 Леонтьев К.Н. Двадцатипятилетие Царствования // Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891) / Сост. и коммент. Г. Б. Кремнева; Вступ. ст. и коммент. В. И. Косика. М.: Республика, 1996. С. 226.

373 До карикатурного доходило это стремление к управлению по вертикали всем и всеми в советский период, когда в жестко управляемые, чуть ли не полувоенные организации были собраны лица свободных профессий - писатели, композиторы, художники... С точки зрения либерального, или буржуазного, как угодно, здравого смысла это абсолютно кафкианский мир. С позиций Должного и его важнейшего субдискурса – имперской власти – все правильно, принципы идеальной организации жизненного мира не только можно, но и должно скалькировать со сталинской зоны: «Шаг вправо, шаг влево, прыжок на месте считается побег. Стреляем без предупреждения».

374 Заславская Т.И. Власть в поисках опоры // Знание – сила. 1999. №10(880). С.28.

режиме личных переговоров, во всяком случае, не по однозначно трактуемым нормам закона. Но не своекорыстие здесь главное, количество чиновников определяется все же количеством функций, которые берет на себя государство, его имманентным стремлением к тотальности.

Когда либерально ориентированная часть российского общества в начале 90-х годов XX века говорила о необходимости минимизировать функции государства, свести его роль к формуле «государство – ночной сторож», это означало только одно – не мешайте нам жить, работать, мы сами как-нибудь о себе позаботимся. Приемлемой организации жизненного мира от вас все равно дождаться невозможно, так что хотя бы не мешайте. Вы можете быть полезными только в одном – в выполнении полицейских функций, то есть в построении Российского государства по аналогии с Западом, который «...благоденствовал потому, что там человек с ружьем стоял на страже интересов и прав человека с долларом, фунтом стерлингов, маркой»³⁷⁵. Но общество не получило от власти даже такого минимума, оказалось, что власть может поддерживать элементарный порядок на улицах, лишь контролируя общество, средства массовой информации, бизнес-среду целиком.

Выходит, что в России для того, чтобы обуздать уличную преступность, необходимо, как минимум, установить авторитарный режим, а чтобы снять бандитские крыши над бизнес-структурами, надо национализировать сам бизнес (во всяком случае крупный) и установить тоталитарный/квазитоталитарный режим. Bravo, господа! Получается, что государство в России может быть либо большим и всеобъемлющим (Большой Брат следит за тобой), либо никаким, то есть не справляющимся со сколь угодно малым, количеством оставленным у него функций. Это страшная дилемма, стоящая перед обществом и, возможно, перед наиболее интеллектуальной частью коллективного субъекта власти.

Теперь небольшое замечание о иррациональности, фетишизации российской власти. Рационализм является, скорее, принадлежностью горизонтального, земного мира Сущего. И от рационалистических рассуждений по поводу Власти, ее природы и поступков традиционалиста удерживает не только страх, но и культурно значимый запрет, поскольку рационализация ведет к разрушению иррационального образа Власти. Власть от Должного следует не понимать, но переживать, по аналогии с механизмом функционирования религиозного сознания, которое не рационализует, а напрямую переживает единение с запредельным в акте религиозного опыта.

Очень многое в природе российской власти и особенностях государственного строительства объясняется маятниковым, инверсионным характером динамических процессов в истории и социокультуре. Отметим, что определенная амплитуда колебаний имманентна процессам исторической и социокультурной динамики вообще, проявляясь, в том числе, в наиболее развитых странах модерности, вопрос в размахе противохода, наличии или отсутствии общих смыслов, некоторой амбивалентности крайних позиций, общего смыслового пространства для диалога. Для стран классического западного модерна эти колебания служат средством селекции инноваций, включения части из них в конвенциональное пространство социокультурной традиции. Последующий этап развития сохраняет достаточно высокую степень преемственности по отношению к предыдущему, коррекции подвергаются частные тенденции и артефакты.

В России все по другому. В рамках российской социокультурной системы страшен не сам колебательный процесс, но размах его амплитуды, отсутствие минимально необходимой связи между полюсами. А. Безансон отмечает, что «на российской земле, по меньшей мере, со времен Лжедмитрия непреложно и регулярно сменяют друг друга два начала. С одним сопряжено состояние относительной свободы, когда

³⁷⁵Ходорковский М.Б., Невзлин Л.Б. Человек с Рублем. М.: Менатеп-Информ, 1992.С.5.

общество использует потенциал частной инициативы, и усилиями предприимчивых граждан в нем накапливается достаток, умения, знания и прочие ценные ресурсы. Другое непреходящее начало противоположно первому. Форма его проявления – государство с выраженными тоталитарными устремлениями. Смена эпох совершается более или менее драматически, но происходит неизбежно. Во второй фазе торжествуют ценности госбюрократии. Накопленный на предыдущем этапе ресурс экспроприруется, национализируется, огосударвляется»³⁷⁶.

К концу уходящего исторического периода накапливается значительный потенциал несоответствия между глубинными основами Должного и восходящей к нему синкретической народной правды. Слом старого порядка воспринимается в восторженных тонах, возникают массовые надежды на торжество Должного. Вот, слава Богу, началось, говорит извозчик в воспоминаниях Ф. Степуна о Февральской революции 1917 года, становится на землю, крестится. Узнав о революции в Петрограде, унтер-офицер из народа у Г. Чулкова говорит: «Греха теперь не будет»³⁷⁷. Новый исторический этап воспринимается вначале как попытка построить Царствие Божье на земле, максимально приблизиться к Должному или как минимум воздаяние за грехи прежней Власти.

Движение маятника российской государственности сопровождается изменениями ориентации и идеологических опосредований как в отношении самой Власти, так и в отношении наиболее активистски настроенной части общества. Лишь при приближении этого аллегорического, но вполне точно отображающего инверсионные процессы в российской истории и социокультуре маятника к одному из двух полюсов, крайних в амплитуде движения, происходит «захват» и обращение в соответствующую его текущему положению веру большинства общества. Движение это происходит между двумя взаимоисключающими полюсами. Первый полюс – это полюс почти неограниченной Свободы, воспринимаемой в обществе как анархия, когда ослабевает действие законов, радикально уменьшается социокультурная нормативность, сосуществуют и конкурируют за возможную будущую нормативность разновекторные тенденции в развитии культуры и общества. Это полюс Свободы и, отчасти, Хаоса потенциально содержит в себе новый социокультурный Космос, это творческий полюс, когда возможно воплощение разных сценариев развития страны, когда постоянно возникают внутри и импортируются извне социокультурной системы все новые и новые инновации. Иными словами, полюс Свободы – это полюс Сущего, полюс Жизни. Естественно, что он максимально удален от состояния, соответствующего Должному.

Второй полюс – это полюс приближения к Должному, его максимально возможное в данном историческом контексте воплощение. Это – полюс порядка, в российской социокультурной традиции достаточно прочно связанного с авторитаризмом, временами перерастающим в тоталитарные формы контроля над обществом. Это полюс абсолютного торжества всех и всяческих иерархий, мелочных регламентации, когда все, что не разрешено – безусловно запрещено. В сфере притяжения полюса от Должного человек должен жертвовать собой, своей энергией, временем, жизнью во имя великой идеологии, великого государства, харизматической власти. На этом полюсе сразу возникает очень много врагов, как внешних, так и внутренних, это они препятствуют окончательному и бесповоротному торжеству Должного, и потому должны быть уничтожены. Если враг не сдается – его уничтожают, и нужно, как сказал на московской партконференции 1968 года поэт Сергей Михалков: «Без усталости ненавидеть врагов – вот (истинный пролетарский. – С.Г.) гуманизм!»³⁷⁸. И так,

376 Излагается по: Левинсон А. Русский маятник. Между свободным рынком и тотальным контролем // Эксперт. 1998. № 32. С. 16.

377 Чулков Г.И. Мартовские дни // Годы странствий. М.: Эллис Лак, 1999. С.317.

378 Амальрик А. Записки диссидента / Пред. П. Литвинова. М.: Слово. С.77.

полюс Порядка от Должного – это если еще и не полюс смерти, то в лучшем случае полюс нежити, некоей квазижизни, ибо как жизнь может существовать, вырываясь за пределы мира Сущего?

Д. С. Мережковский заметил когда-то, что «глубина русской реакции – не политическая, но эмпирическая, не здешняя – трансцендентная. Реакция – религия. Кажется иногда, что последняя сущность России – религиозная воля к реакции (курсив наш. – С.Г.)»³⁷⁹. При приближении к полюсу Должного максимально перерождаются институты представительной демократии, нарушается система сдержек и противовесов, власть все более отчетливо начинает концентрироваться в руках одного лица, клана, партийной верхушки. На этом этапе властной элите необходима идеология, примиряющая большинство общества с наличным материальным положением, позволяющая сублимировать в своих интересах энергию, которая по разным причинам не может быть использована человеком для самореализации в горизонтальной плоскости материального бытия³⁸⁰.

Идеология, востребованная в данный исторический период, постулирует сверхличностные цели, включает в своих различных вариациях заботу о сохранении и приращении Российской империи, ориентацию на наиболее архаическую часть социокультурной традиции (народность), опору на мессианские учения, будь то православие или марксизм-ленинизм и, как значимое историческое искушение, различные, в том числе агрессивные, формы национализма. Отметим, что Россия пережила историческое искушение интернациональным социализмом, в общественном сознании возникло даже некое противоядие, если не по отношению к социализму как таковому, то, по крайней мере, по отношению к его интернациональной составляющей. Но искушение национальным социализмом, более или менее агрессивными формами национализма в его светских, или, что более вероятно, религиозных формах еще впереди, сколь-либо массового противоядия против него еще не выработано.

Дело, в частности, и в том, что религия обладает значительным этноинтегрирующим потенциалом, что, по-видимому, и является соблазном для Власти, мучительно решающей вопрос, как интегрировать общество в условиях пока еще относительно свободного информационного пространства, отсутствия угрозы большой войны, общего врага, отсутствия идеологии. Но в условиях постимперского, а в последние несколько лет приобретающего все более отчетливые неоимперские черты государства акцентирование внимания подданных на религиозной идентичности может привести не столько к национальной интеграции, но к дезинтеграции государства, не замедлить, – но ускорить наступление третьего этапа деконструкции империи³⁸¹. Понятно, что на субъективном уровне участники проекта «религия как основа для национальной идеологии» этого не осознают, предполагая из своих действий прямо противоположные следствия; осознание того, к чему это привело, да и то, по-видимому, не массовое, возможно только постфактум.

И в этой связи еще одно очень важное замечание. Как победа социалистической революции в России и установление советской власти привели к перерождению марксизма, которое Ф. Степун определил как «грех социализма перед самим собой»³⁸², так и использование православия в качестве основы для формирования

³⁷⁹Мережковский Д. С. Головка виснет // Большая Россия. СПб.: Общественная польза, 1910. С.85.

³⁸⁰Подробнее см.: Гавров С. Н. Модернизация: от вертикального к горизонтальному измерению бытия // Ученые записки. Выпуск 25. М.: МГУКИ, 2003.С.49-58.

³⁸¹Говоря о третьем этапе деконструкции империи, мы подразумеваем отсчет от первого (1917-1918) и второго (1991) этапов деконструкции.

³⁸²Степун Ф. А. Мысли о России / Вступительная статья и составление В.

государственной религиозной идеологии может привести к не менее печальным последствиям в отношении самого православия³⁸³. Один из основателей франкфуртской философской школы Т. Адорно заметил по схожему поводу следующее: «Модифицировать религиозное содержание для светских политических целей значит его „нейтрализовать"... Современный фашистский демагог поступает с религиозными мотивами исключительно как с атомизированными остатками прошлых религий, он предполагает разрушение любой консистентной веры (курсив наш. – С. Г.). Рассматривая обломки традиционной религии, он собирает то, что подходит для его целей и отбрасывает остаток, несмотря на все благочестивые фразы, он рассматривает религию под совершенно прагматическим углом зрения»³⁸⁴.

Напомним, что описанные выше процессы происходят (могут происходить) вблизи полюса Порядка от Должного. Зависая на некоторое время на крайних полюсах, маятник российской государственности начинает возвратное движение по направлению к противоположному полюсу. На первоначальном отрезке движения от крайней точки амплитудного колебания происходит процесс коррекции наиболее явственных перекосов, ошибок и нерациональностей, характерных для этого крайнего состояния социокультурной системы. Данный процесс находит широкое общественное сочувствие, излечивается «головкружение от успехов», начинается «оттепель», принимаются меры по регулированию властного произвола (или свободы, понимаемой как анархия), элементарными юридическими нормами. При дальнейшем движении российский социокультурный маятник входит в зону здравого смысла, зону баланса интересов, политической стабильности, некоего консенсуса элит и общества.

Любопытно движение маятника в этой зоне здравого смысла. Вот он пересекает ее границу со стороны ближнего полюса бинарной оппозиции... Вот он приближается к выходу из зоны здравого смысла, в обществе возникает понимание того факта, что элита собирается совершить очередную историческую ошибку, на какое-то время возникает некая новая оппозиция, которая уничтожается и/или эмигрирует на следующем отрезке движения маятника. Дверь из области здравого смысла распаивается или постепенно приоткрывается, и нас обжигает жар или холод очередной утопии...

Модернизация, прежде всего в своей либеральной форме, не соответствует Должному, поскольку предполагает полноту самоосуществления личности в горизонтальной плоскости бытия. Успешность модернизационных процессов достаточно четко коррелирует с показателем среднедушевых доходов, уровень которых может способствовать или блокировать самоосуществление личности здесь и сейчас, в горизонтальной плоскости бытия. Создание значимых возможностей для массового материального жизнеосуществления в сфере сущего и будет означать завершение модернизации, достижение столь желанного для коллективного бессознательного «конца истории», но по ее иронии в секулярных, а не религиозных формах. Борьба с бедностью важна в контексте формирования массового слоя успешных потребителей товаров, услуг, продуктов культуры.

Поэтому чем больше будет в России успешных потребителей, тем меньше

Борисова // Новый мир. 1991. № 6. С. 230.

383Еще одно важное замечание Ф. А. Степуна: «Если есть вообще религиозное дело, то это дело не от мира сего, и если есть религиозность как предметная ценность, то она мыслима только за пределами мира, нам данного». См.: Степун Ф.А. Трагедия творчества (Фридрих Шлегель) // Степун Ф. А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 72.

384Адорно Т. Психологическая техника в речах Мартина Лютера Томаса по радио / Под общей редакцией д. филос. н. В. П. Култыгина. М.: Серебряные нити, 2001. С.368.

останется жизненного, смыслового пространства не только для людей подполья, горних высей и бездн духа, но и для докапиталистического человека вообще. Жизнеосуществлению в плоскости материального бытия комплементарен образ мира, редуцированный к супермаркету, где многое имеет формализованный (денежный) эквивалент, сформировано комфортное в отношении человека позднего модерна пространство открытых жизненных возможностей.

Существует определенная альтернатива, предполагающая выбор между успешной самореализацией в горизонтальной плоскости бытия и сублимацией нереализованных потенций, между возможностью земного, горизонтального самоосуществления личности и значимостью для массового сознания альтернативных, эскапистских жизненных сценариев. Самореализация человека масс в горизонтальной плоскости бытия вытесняет иные, в том числе асоциальные и вертикально ориентированные жизненные стратегии, в область маргинального. Если такой возможности нет, компенсаторные варианты жизнестроительства выходят на первый план в качестве некоего заместителя самоосуществления в сфере земной материальной жизни.

Осуществление горизонтального жизнеустроительного проекта, что, собственно, и предполагает модернизация, ведет к упорядочиванию, космологизации российского социокультурного пространства. Процессам модернизации соответствует личность, обладающая самодисциплиной, готовностью подчиниться срединной культуре, способная контролировать свои витальные действия, соотнося их с конвенциональными представлениями о норме и патологии, осуществлять запланированные жизненные проекты. Такой человек вполне может обойтись без «стоящего за спиной полицмейстера»³⁸⁵. Жизнь человека в обществе позднего модерна предстает как череда проективных достижительных действий осуществления, творения, делания, пусть часто лишь в форме массового потребления.

При отсутствии значимой возможности самоосуществления в мире сущего, т. е. материальной плоскости бытия, нереализованная энергия личности направляется в сферу Должного, в компенсаторную сферу национализма, мессианских учений, религиозного фундаментализма, светских и религиозных идеологий. Приоритетность вертикального измерения жизни и всех производных, несущих в себе элементы этого измерения, в том числе связанных с отечественной религиозно-философской традицией, наиболее явственно выражена в комплексе представлений, обозначаемых под названием «русская идея».

В постсоветской России этот комплекс представлений обладает знаковым, символическим значением, отношение к которому разделяет общество на сторонников и противников проектов, имеющих значительную вертикальную составляющую. В то же время имеющие вертикальное измерение идеологические конструкции достаточно эффективны в процессе массовой ресоциализации людей, находящихся в маргинальной области бытия. Детерминированность проектов личностного жизнеосуществления уровнем базовых материальных возможностей общества является правилом, наиболее действенным в отношении человека масс. Это правило имеет и определенные частные исключения, личность может быть достаточно активной как в горизонтальном, так и вертикальном измерениях бытия.

Согласно Э. Геллнеру, «гражданское общество можно уподобить велосипеду: оно падает, когда теряет скорость, когда ослабевшая экономика больше не может обеспечивать постоянное улучшение благосостояния большинству его членов. Большинство вполне готово отказаться от великих принципов, пожертвовав ради

³⁸⁵Мережковский Д. С. Земля во рту // Большая Россия. СПб.: Общественная польза, 1910. С.258.

иллюзорного благополучия вполне реальной свободой»³⁸⁶. Постсоветская модернизационная волна принесла торжество сущего, локальности, определился доминирующий вектор общественного и культурного развития от общего к частному, полистилистичности и ценностному релятивизму. То, что раньше было публичным, находясь в сфере Должного, сфере интересов государства, стало приватным. Наблюдается колоссальное расширение сферы приватного при одновременном сужении сферы, подверженной публичному контролю.

Иди, человек, будь свободен, – он же алчет Должного, алчет Великого инквизитора, который скажет: я знаю, как надо. «Это единственно русское. Не столько „идея“, сколько физиология – ощущение свободы, как чего-то богопротивного, – рабства, как богоугодного... В свободе – грешные, в рабстве – святые. Святые рабы. Святая Русь – земля святых рабов (курсив наш. – С.Г.)»³⁸⁷. Обмен свободы, автономности, локальности – на авторитаризм и соборность, условно говоря, праздника пива на военный парад и факельное шествие, дающие архаическое ощущение единства: я не один, нас много, мы народ. В общеисторическом контексте модернизация в России тесно связана с процессом изживания Должного и утверждения онтологического статуса Сущего.

III. Феодалная /Квазифеодалная империя как форма социальной самоорганизации российской культурно-цивилизационной системы

Культурно-цивилизационная система имеет определенный критический порог внутренних изменений, при выходе за который она перестает быть сама собой, когда теряется ее внутренняя идентичность, самоидентичность. Процесс самовоспроизводства важнейших элементов культурно-цивилизационной системы происходит в рамках определенной социокультурной традиции, которая «не столько противится изменению, сколько образует контекст специфических временных и пространственных признаков, по отношению к которым изменение приобретает значимую форму»³⁸⁸. Тем не менее достаточно распространено мнение, в соответствии с которым системно организованная социокультурная форма может с одинаковым успехом развиваться в различных направлениях, то есть российскую социокультурную систему можно произвольно строить по образцу шведской, китайской, корейской и иных моделей, вне зависимости от ее базовых культурно-цивилизационных характеристик. Этот волюнтаристский в своих основаниях подход основывается на причудливом сочетании прогрессистской идеологии, в ее марксистско-ленинской редакции, не признающей никаких ограничений человеческой воли, и волшебной, православно-языческой вере в чудо, ощущении зыбкости и неокончателности причинно-следственных связей.

Фернан Бродель в своей книге «Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» заметил, что «цивилизация в основе своей является обработанным пространством, организованным людьми и историей. Вот почему существуют культурные границы, культурные пространства, отличающиеся исключительной долговечностью: все смешения мира здесь бессильны»³⁸⁹.

386Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Ad Marginem, 1995. С. 22.

387Мережковский Д. С. Земля во рту // Больная Россия. СПб.: Общественная польза, 1910. С.258-259.

388Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 104.

389Цит. по: Рикер П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. С. 244.

Культурно-цивилизационная система не может развиваться в произвольно выбранном направлении, она приемлет лишь те инновации, которые способствуют ее имманентному развитию и отторгает все, что ему противоречит. «Да что ж это за напасть такая, что нам наука не дается? А вот в чем загадка: законодательствуйте, сколько хотите, но ничто вам не пойдет впрок, если вы идете наперекор народному духу»³⁹⁰. Здесь дело даже не в науках, а в отторжении и высокой степени трансформации инокультурных инноваций, которые по каким-либо причинам не вписываются в рамки исторически сформировавшихся основ социокультурной системы.

Крайняя сложность в реализации либеральных модернизационных проектов на российской почве как раз и заключается в трагическом противоречии между тем, что надо сделать и что позволяет сделать социокультурная система. Так, Егор Гайдар в интервью «Известиям», вспоминая начало постсоветских реформ, говорил о том, что «мы больше думали о том, что нужно сделать, чем о том, что можно сделать с данным историко-социальным наследием (курсив наш. – С.Г.)»³⁹¹. Однако система не может отторгать весь поток инокультурных инноваций, что постепенно приводит к организации диссистемных элементов в альтернативную систему, которая со временем может прийти на смену системе, в рамках которой она когда-то зародилась. В то же время известный польский социолог П. Штомпка полагает, что «большинство изменений „внутри“ либо нейтральны по отношению к целой системе, либо, что случается чаще, способствуют ее воспроизведению, а не трансформации».³⁹²

Если обратиться к поискам определения, наиболее полно соответствующего российской цивилизации, отвечающего ее базовым системным характеристикам, то этим определением, на наш взгляд, является феодальная/квазифеодальная империя. Отметим, что феодализм/квазифеодализм в нашем понимании не сводится к одноименной общественно-экономической формации, как об этом обычно пишут в марксистских учебниках³⁹³. Феодализм/квазифеодализм является не только экономическим понятием, но и особой системой социальных отношений и жизненного уклада, вытекающей из специфической структуры ментальности, которая, в свою очередь, определяет соответствующую ей картину мира и шкалу ценностей. Слово Михаилу Восленскому: «Проблема же нашего времени состоит не в том, что капиталистическая формация уже исчерпала себя, а в том, что феодальная формация еще не полностью исчерпала все возможности продлить

390 Печерин В. С. Оправдание моей жизни. Памятные записки // Наше наследие. М., 1989. №1. С.71.

391 Цит. по: Сидоров А. Центр моральной ответственности // Эксперт. 1999. №1-2. С.62.

392 Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. А.С.Дмитриева; Под ред. В.А.Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 148.

393 В соответствии с классическим марксизмом принято считать, что феодализм присущ аграрным обществам. Однако история показала, что феодальные отношения не исчезают вполне ни в индустриальном, ни даже в постиндустриальном обществе. Вполне здоровой представляется позиция американского историка Дж. Ходдена, который полагает, что «податной способ производства (как основа феодализма. – С. Г.) есть, скорее, социологическая конструкция, феномен, начало которого теряется в незапамятных временах... и конец которого неясен». См.: Каждан А.П. Марксизм и податной способ производства (Размышления над книгой: Дж. Холден. Государство и податной способ производства. Л.; Нью-Йорк, 1993) // Историческое знание на рубеже столетий: Сб. обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН; Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. отчет. и зарубеж. истории; Редкол.: Ястребицкая А.Л. (гл.ред.) и др. М., 2003. С.63.

свое существование. И она делает это, выступая в форме тоталитаризма, этой „восточной деспотии“ нашего времени: реального социализма, национал-социализма, фашизма, классовой диктатуры политбюрократии – номенклатуры. Все это реакция отмирающих феодальных структур, олицетворяющих мрачное прошлое человечества»³⁹⁴. В рамках нашего дискурса нас преимущественно интересует российский, крайне специфический вариант феодализма/квазифеодализма.

Наш главный тезис заключается в следующем: квазифеодальная империя является высшей формой имманентной самоорганизации российского общества как социокультурной системы.

Императив имперского противостояния Западу обрекает систему на цивилизационное взаимодействие с последним, вызывая процесс чередования либеральных и имперских модернизаций, как правило, отделенных друг от друга «периодами застоя». Несмотря на повторяющиеся в истории консервативно-имперские откаты, либеральные модернизации регулярно привносят в систему элементы, диссистемные по отношению к ее базовым феодально-имперским основаниям. Эти диссистемные элементы постепенно организуются в альтернативную систему. Сможет ли эта, пока еще слишком слабая альтернативная система, несмотря на более чем десять лет постсоветских реформ, заменить собой старую систему в обозримом историческом будущем – вопрос, на который пока нет ответа.

Сама возможность этой замены вызывает у части современного российского общества чуть ли не апокалипсические предчувствия, в этой связи говорят о вероятности полностью утратить нашу знаменитую духовность, противопоставляя ее материальному благополучию по принципу или – или. В этой связи хотелось бы привести ободряющие слова Питирима Сорокина: «Замена одной фундаментальной формы культуры на другую не ведет к гибели того общества и его культуры, которые подвергаются трансформации»³⁹⁵.

Ментальным стержнем традиционного культурно-цивилизационного уклада является системообразующий миф, представляющий собой взаимосвязанный комплекс стержневых мифологем. Поэтому рассмотрим роль и место имперского мифа как системообразующего в отношении квазифеодальной империи. Одна из основных функций мифа заключается в обеспечении воздействия метафизического на историческое, в результате чего исторический процесс корректируется в соответствии с требованиями Должного. И до тех пор, пока живо средневековое мифологическое сознание³⁹⁶, соответствующие формы культурно-цивилизационного уклада адаптируются к изменениям внутренней и внешней среды. Отметим, что сами базовые мифологемы этого системообразующего имперского мифа сохраняют свою актуальность при темпоральной (временной) трансляции, с течением времени происходит скорее изменение опосредующей их семантики.

Рассмотрим наиболее важные мифологемы, на которые распадается системообразующий в отношении феодальной/квазифеодальной империи миф. Итак.

В качестве важнейшей мифологемы следует выделить мифологему Святой Руси. Следует отметить, что Святая Русь является понятием не столько географическим и

394Восленский М. Феодальный социализм. Место номенклатуры в истории // Новый мир. 1991, №9 (797). С. 198.

395Цит. по: Лукьянова Т. Н., Убиенных Т. Н., Эидельман Я. Л. Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А.Ядова. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С. 131.

396В рамках нашего дискурса Средневековье, как и феодализм, понятия не столько узкоисторические и экономические, это, прежде всего, особое состояние духа.

историческим, сколько близким по своему содержанию к платоновскому эйдосу³⁹⁷ понятию, существующему вне зависимости от возможности или невозможности своего эмпирического воплощения, всегда равному самому себе, завершеному и неделимому. Среди российских эсхатологических утопий мифологема Святой Руси занимает центральное положение, согласно ей это «благословенная святая Русь, для которой ничего не нужно, ни прав, ни внешнего богатства, ни порядка, ибо жребий ее не от мира сего, – этому учили еще старые славянофилы»³⁹⁸.

В российском мифологическом сознании, вырываясь за рамки геополитических масштабов, стремясь к масштабам вселенским, доминирует легитимизированная различными соответствующими духу времени опосредованиями идея превосходства, первоначально базирующаяся на превосходстве нравственном, распространяясь затем и на иные сферы жизни. В разные исторические эпохи такой «вселенский» масштаб приобретала сфера Власти и ее субъектов. Так, «апология Сталина приобретала не только императорское звучание, но и космическое, он сливался с историей, с чем-то внеземным, космическим. И марксизм в России как раз был попыткой перехода от теистического к космическому мировоззрению»³⁹⁹. Согласно Должному Святая Русь может и должна спасти весь остальной мир, в этом положении проявляется устойчивый к изменению исторического и социокультурного контекста мессианский комплекс. Более того, и сегодня, в наши дни, «поиск путей спасения мира, России не прекратился. Он продолжается»⁴⁰⁰.

Со временем мифологема Святой Руси плавно переходит в наиболее важную в рамках нашего дискурса мифологему имперского государства. В качестве метафизической квинтэссенции мифологического «народа-богоносца», имеющего, впрочем, мало общего с конкретным народом, живущим на определенной территории, выступает имперское государство. Отметим, что интересы этого государства абсолютно приоритетны в отношении как отдельного человека, так и общества в целом. Имперское государство продолжает в этом отношении традицию, идущую от государств Древнего Мира: «Пред этой общей волей государства отдельный гражданин был совершенно беспомощным и бесправным... Государство было как бы земным богом, отдельный же человек был рабом этого земного бога»⁴⁰¹.

В рамках этой мифологемы имперское государство и является той силой, которая способна привести человечество в эсхатологический рай, достигнуть конца истории и тысячелетнего царствия Божия на земле. Имперское государство воплощает в себе идеократию Должного, являясь не только средством осуществления, но и целью

397 «Если в рамках досократической философии под Э. понималась внешняя структура объекта, то у Платона содержание понятия „Э.“ существенно трансформируется: прежде всего, Э. понимается не как внешняя, но как внутренняя форма, т. е. имманентный способ бытия объекта. Кроме того, Э. обретает в философии Платона онтологически самостоятельный статус: трансцендентный мир идей, или – синонимично – мир Э. как совокупность абсолютных и совершенных образцов возможных вещей. Совершенство Э. (= идеи) обозначается у Платона через семантическую фигуру неподвижности его сущности (ousia), изначально равной самой себе». См.: Можейко М. А. Эйдос // История философии: Энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2002. С. 1299.

398 Новгородцев П.И. Идея права в философии В.С.Соловьева // Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. С.528.

399 Ерасов Б. С. История как феномен культуры: Выст. на сем. «Социокультурная методология анализа российского общества», № 4 // Рубежи. 1996. №9. С.148.

400 Спиваковский Е. И. Достоевский: Судьбы России. Идеи–Загадки– Дискусии / Отв. ред. Л. В. Скворцов. М.: ИНИОН РАН. 2003. С. 26.

401 Гессен С. Н. Политическая свобода и социализм // Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 1998. С. 107.

божественного проекта, поскольку земной рай должен быть не только организован по принципу российского имперского государства, но и быть им самим, расширившимся на все континенты и вобравшим в себя весь человеческий род.

Естественно, что при наличном положении вещей само понятие государства остается понятием мифологическим. Мифологема имперского государства проявляется, в частности, в аксиоматичном утверждении, согласно которому государство должно быть сильным, и чем более сильным, тем более приближенным к Должному. Отсюда следует необходимость укреплять и усиливать его любыми средствами, не считаясь с ценой очередного укрепительного проекта.

Соразмерность этой цены, с учетом трагических совпадений и пересечений в истории XX века, вызывала и вызывает вопросы не только в России, но и в Германии. Так, после окончания Второй мировой войны правые гегельянцы пересмотрели тезис о благе, каковым якобы является сильное государство, и его значительных восстановительных потенциях. Была принята точка зрения, согласно которой «государство (функционально ограниченное капиталистическим хозяйством) в любом случае защищает частное профессиональное существование отдельного индивида, одиночки в индустриальном обществе, как оно обусловлено разделением труда, но ни в коем случае не возвышается над ним, не осуществляет нравственный диктат»⁴⁰².

Мы знаем из истории, что сильное российское государство бывает склонно к все большему контролю над различными сферами жизни внутри страны, осуществлению нравственного диктата⁴⁰³ в отношении общества и втягивания в зону своего влияния (собираения) регионов, которые в разные исторические периоды составляли часть имперского целого. Важным средством осуществления этих внутренних и внешних проектов является милитаризация общества, и «производное от нее – агрессивная и экспансионистская внешняя политика. Причем речь идет не об экспансии как цели и милитаризации как средстве, но о провозглашении (и попытке реализации) таких геополитических целей, которые служили бы средством оправдания тотального режима»⁴⁰⁴.

Не только наш, но и мировой исторический опыт показывает, что сильное государство, прежде всего в его тоталитарном и авторитарном вариантах, благо вполне условное, здесь есть о чем подискутировать, причем подобные дискуссии проходили как на уютных домашних кухнях в СССР/России в 60-80-е годы XX века, так и на Нюрнбергском процессе в послевоенной Германии. Заметим, что в либеральных странах государство не слабое; оно выполняет иные функции и по-иному соотносится с обществом, поскольку не стремится к воплощению социального Абсолюта.

Проецируясь в пространство истории, мифологема Святой Руси раскрывается через набор подчиненных исторических мифологем, сформулированных с позиции победителя. Выделим главные из них.

Итак. Московская Русь является единственной законной преемницей Киевской Руси. Другие русские земли, в соответствии со своей предустановленной Должным ролью, являются только периферией, центрами выступают сначала Киев, в последующем Москва. То, что эта мифологема не соответствует исторической реальности, – очевидно. Была и другая линия наследования, условно обозначаемая

402 Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М. М. Беляева, К. В. Костина, Е.Л. Петренко и др. М.: Весь Мир, 2003. С.77.

403 В XX веке в географических границах Европы этот «нравственный диктат» в своих наиболее выраженных формах практиковался в России/СССР 1917-1953 и в Германии 1933-1945 годов.

404 Левинсон А. Русский маятник. Между свободным рынком и тотальным контролем // Эксперт. 1998. №32. С. 16.

как демократическая социокультурная традиция, идущая от Киевской Руси через Новгородское и Псковское княжества. Но главными в ней были русские земли, развивавшиеся под властью Великого Княжества Литовского, где города приняли магдебургское право и отношения между центральной властью и народом регулировались в договорной форме.

Следующая мифологема из этого ряда. Святая Русь (Московское царство, Российская империя, СССР) постоянно находится в окружении внешних врагов, к которым в разные исторические эпохи примыкают враги внутренние. Только за последнее столетие к внутренним врагам причисляли левые партии, в том числе РСДРП(б), затем, после 1917 года, белогвардейцев, спекулянтов, кулаков, нэпманов, технических специалистов, писателей, красных офицеров, священнослужителей, представителей различных оппозиционных течений и уклонов в рамках ВКП(б), причем список этот можно продолжать сколь угодно долго и все равно он будет неполным.

В поздний советский период его пополнили правозащитные организации и диссиденты вообще. В 90-е годы XX века представления о внутреннем враге «диверсифицировались» в зависимости от политических симпатий и антипатий различных частей российского общества, пожалуй, впервые за означенный исторический период враг не назначался сверху в директивном порядке. Десять лет без внутреннего врага и единственно верной идеологии – это так непривычно, а авторитарная социокультурная традиция подталкивает своих адептов к поиску того и другого. Другой вопрос, что их совокупная креативность в сфере идеологии не идет далее очередных интерпретаций на неувыдающую тему православия, самодержавия и народности. В поисках врагов пока, к счастью, до обвинений в троцкизме и шпионаже в пользу Латинской империи⁴⁰⁵ дело тоже еще не дошло.

Сегодня решили ограничиться налоговыми обвинениями, препятствиями в аренде помещений в отношении все тех же правозащитных организаций и гуманитарных фондов как с иностранным участием, так и с участием пока еще неподконтрольных Власти крупных капиталистов. Остается надеяться на повторение нашей недавней истории не столько в виде трагедии, сколько «второй раз в виде фарса»⁴⁰⁶.

Очередной этап российской имперской модернизации/реставрации протекает все-таки в определенных рамках, и если удалось разобрать почти все внутренние «сдержки и противовесы»⁴⁰⁷ по отношению к формирующейся системе, то внешние ограничения будут покрепче, в их отношении так просто геополитический пасьянс не разложишь, ясак (налоги) не доначислишь.

Если в реальной истории российскому имперскому государству присуще

405См., напр.: Войнович В. Н. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина: Роман. Кн. первая и вторая. М.: Книжная палата, 1990. С.254.

406Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. М.: Политиздат, 1987.С.7.

407Но сама возможность проведения политики без сколь-либо существенного контроля со стороны общества – тоже имеет свою немалую цену. Вспомним оказавшиеся пророческими слова тогдашнего французского посла в Петрограде М. Палеолога от 13 января 1916 года: «Следуя своим принципам и своему строю, царизм вынужден быть безгрешным, никогда не ошибающимся и совершенным. Никакому другому правительству не нужны в такой степени интеллигентность, честность, мудрость, дух порядка, предвидение, талант; дело в том, что вне царского строя, т. е. вне его административной олигархии, ничего нет: ни контролирующего механизма, ни автономных ячеек, ни прочно установленных партий, ни социальных группировок, никакой легальной или бытовой организации общественной воли. Поэтому если при этом строе случается ошибка, то ее замечают слишком поздно и некому ее исправить (курсив наш. – С. Г.). См.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции / Пер. с фр. Д. Протопопова, Ф. Ге. М.- Пг.: Госиздат, 1923. С. 22.

достаточно странное сочетание изоляционизма и агрессии, то в рамках мифа оно рассматривается как потерпевшая за правду сторона. Согласно мифу, воплощенной в имперские формы Святой Руси приходится терпеть незаслуженные обиды от коварных и агрессивных соседей, но сама она никогда ни на кого не нападает. Окрестные земли приходится присоединять только тогда, когда они сами просятся под руку Москвы, а оказание братской помощи тоже вынужденное, ее приходится оказывать, лишь откликаясь на зов угнетаемого кем-то народа, и отказать в этой праведной просьбе нельзя, поскольку глас народа есть глас божий. В логике мифа не только возможно, но и необходимо забыть о том, что «нельзя искусственным, чисто механическим образом привязывать к телу член, который не связан с ним органически»⁴⁰⁸.

Следующая мифологема предполагает наделение всего окружающего мира и прежде всего Запада, как главной цивилизационной альтернативы феодальной империи, набором отрицательных, а иногда и просто губительных для российского человека свойств. Подозрительному и негативному восприятию окружающего империю мира способствует постоянно воспроизводящаяся «сложная международная обстановка», что, впрочем, подкрепляется и исторической статистикой. В российской истории часто случалось так, что военные периоды значительно превосходили мирные («за 36 лет петровского правления Россия знала всего один по-настоящему мирный год»⁴⁰⁹)).

Согласно очередной мифологеме, Святой Руси приходится наносить превентивные удары отнюдь не столько с целью агрессии, сколько для того, чтобы упредить агрессивные намерения врага, облагодетельствуя при этом как отдельные народы, так и человечество в целом. Вхождение в состав Российской империи является благом для ближних и дальних ее соседей, поскольку «правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а Святая Русь – первое государство»⁴¹⁰. В качестве довольно пространной иллюстрации этого тезиса приведем выдержки из листовки периода русско-японской войны 1905 года, предназначенной для солдат и офицеров действующей армии: «Пусть враги Самодержавия утверждают, что эта война – прихоть Самодержавной власти. Знающий нашу историю поймет, что не концессии на Ялу побудили Ермака Тимофеевича двинуться к Иртышу, не Безобразов указал Невельскому устье Амура, не Царский произвол вызвал настоящую войну. В историческом движении на восток настоящая война указывает на то, что только ныне Россия там впервые встретила мужественного и грозного врага, как в прошлых столетиях в своем движении на запад она встречала такового в шведах, поляках и турках. Война, а может быть, и ряд войн решит: испытать ли России участь Польши или стать ей грозно на берегах Тихого океана, как грозно стоит она на берегах Балтийского моря, Вислы и моря Черного»⁴¹¹.

Мифологема Россия – Запад. Запад в такой системе координат является не только извечным врагом, но и сущностным антиподом России, зазеркальем, местом, откуда очень редко возвращаются. Так было с боярскими детьми, впервые в истории России

408Б. Н. Чичерин по поводу уничтожения самостоятельности Царства Польского и включения его в состав Российской Империи. См.: Чичерин Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия // О свободе: Антология мировой либеральной мысли (Иполовина XX века). М.: Прогресс-Традиция, 2000. С.513.

409Пайпс Р. Россия при старом режиме / Пер. с англ. В. Козловского. М.: Независимая газета, 1993. С.70.

410Карамзин Н.М. История государства Российского. Том ХШ. О древней и новой России. М.: Эксмо, 2003. 999 с.

411Цит. по: Марков и марковцы / Науч. ред. В.Ж. Цветков. М.: НП «Посев», 2001. С.507.

отправленными на учебу в Западную Европу, так было и совсем недавно, в советский период нашей истории, когда эмигрировавшие на Запад наши соотечественники воспринимались оставшимися в СССР гражданами чуть ли не как жители обратной стороны Луны или австралийские антиподы. Поэтому и прощались с отъезжающими в аэропорту Шереметьево серьезно, полагая – что навсегда: «Как бессчетным женам гарема всесильный Шах / изменить может только с другим гаремом, я / сменил империю. Этот шаг продиктован был / тем, что несло горелым с четырех сторон – / хоть живот крести; с точки зренья ворон, с пяти. / Дуя в полулю дудку, что твой факир, / я прошел сквозь строй янычар в зеленом, / чуя яйцами холод их злых секир, / как при входе в воду. И вот, с соленым / вкусом этой воды во рту, / я пересек черту»⁴¹². Это черта между двумя мирами, Россией/СССР и Западом, почти столь же безусловная как река Стикс и самолеты Аэрофлота в роли перевозчика – этакого коллективного Харона.

Также имеет самостоятельное значение мифологема, вмещающая всякому без исключения подданному империи набор антизападнических свойств. В контексте этой мифологемы все построено на противопоставлении вполне абстрактного российского и столь же абстрактного западного человека, тезы и антитезы. Итак, перечислим эти основные противопоставления. Если на Западе с конца Средних веков наблюдается постепенный переход к индивидуальным жизненным стратегиям, то здесь сохраняется общинность, которая в своем высшем проявлении перерастает в Соборность: «Общинное начало составляет основу, грунт всей русской истории, прошедшей, настоящей и будущей... Общинный быт в существе его... основан не на личности и не может быть на ней основан, но он полагает высший акт личной свободы и сознания – самоотречение»⁴¹³. Если на Западе понимание частной собственности в традиции римского права, то на Востоке – ее неприятие. То же можно сказать и о приватизме, антипроцедурности, стремлении жить не по писаному закону, а по интуитивно переживаемой Правде (Совести). К этому же смысловому ряду можно отнести и отторжение меры и умеренности во всех человеческих проявлениях, дополняемое якобы⁴¹⁴ искренним стремлением к бедности и аскетизму. Сегодня эти мифологемы в различной, далеко не всегда в значительной степени воздействуют на повседневную жизненную практику россиян, искажая, тем не менее, картину мира, характерную для российского «человека масс».

Согласно еще одной и крайне важной в контексте нашего дискурса мифологеме – империя является единственно правильным и возможным способом социально-исторического бытия. Само слово «империя» артикулировать не обязательно, мы помним, что в СССР в применении к обозначению советской державы оно было недопустимым. Но даже при соблюдении гласного или негласного условия по табуированию основных понятий, связанных с империей, суть мифа оставалась достаточно ясной, поскольку частные мифологемы не только дополняют, но и восполняют друг друга в синкретическом континууме традиционного сознания. Любая «сигнальная» экспликация той или иной мифологемы актуализует в сознании весь комплекс, по аналогии с тем, как ведет себя самозакручивающаяся гайка (стоит немного потрясти и гайка заворачивается сама, т. е. отбрасываются либеральные, антиимперские социокультурные вкрапления).

Эти основные мифологемы распадаются на более частные и распространяются во

412Бродский И. Колыбельная Трескового мыса // Сочинения Иосифа Бродского. Т. III. Издание 2-е. СПб.: Пушкинский фонд, 1998. С.82.

413Самарин Ю. Ф. О мнениях «Современника», исторических и литературных // Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. М., 1996. С.431-432.

414Размах массовых хищений всего, что «плохо лежит», наблюдаемый в советский и крайне активизировавшийся в постсоветский период нашей истории, на практике опровергает этот тезис.

все сферы пространственно-временного бытия общества. Они не только создают неадекватный образ национальной истории, но и продолжают влиять на массовое сознание, искажая актуальную картину мира и привнося в нее мифологические черты. Сохраняющаяся, пусть и в различной степени, актуальность этих мифологем продолжает оказывать влияние на динамику и направление исторического и социокультурного процессов в России.

Наблюдая за историческим процессом формирования нашей феодально-имперской государственной традиции, нельзя не отметить ее значительную устойчивость и способность к самовоспроизводству в контексте изменяющихся исторических обстоятельств. Об этой устойчивости свидетельствуют и ее многочисленные метастазы в дне сегодняшнем, проявляющиеся, в частности, и в многочисленных социологических исследованиях, темой которых было отношение россиян к свободе. Не воспроизводя полностью соответствующий цифровой ряд, приведем лишь несколько характерных цифр. При ответе на вопрос, что для вас предпочтительнее, «полная демократия при слабых гарантиях личной безопасности или твердая власть при полной гарантии личной безопасности, первую ситуацию выбрали всего 0,5 %, вторую 58,7 %», только 4-5 % респондентов не готовы отдать, поменять на что-либо свою свободу ни при каких обстоятельствах. Отметим и вывод социологического исследования: «Очевидно, что глубинные фундаментальные ценности не были окончательно разрушены, а деструкции подверглась лишь более поверхностная система приоритетов. Базовые ценности, словно птица феникс, возрождаются из пепла»⁴¹⁵.

Обращаясь к причинам формирования этих вышеперечисленных особенностей российской цивилизации, отметим, что «происхождение всегда накладывает отпечаток на народы. Обстоятельства, в которых рождаются нации и которые служат их становлению, оказывают воздействие на все их будущее развитие»⁴¹⁶. Формирование российской цивилизации проходило на основе Северо-Восточной Руси, региона, географически удаленного от ареала, который занимал греко-римский мир эпохи античности. Географическая удаленность и значительный временной разрыв со временем существования единой Римской империи затруднили наследование культурных образцов античности. Имело место частичное восприятие этих образцов из Византии, но после разделения христианства на западное (католицизм) и восточное (православие) возник серьезный фильтр в отношении идущего с латинского Запада культурного влияния.

В течение столетий по объективным (монголо-татарское завоевание) и субъективным причинам Московия проводила политику культурного изоляционизма в отношении католической Западной Европы: «В значительной мере особенности национального характера были сформированы Русской церковью с ее традиционной ортодоксальностью и враждебностью ко всему иностранному, особенно к латинским христианам, которых ненавидели и боялись»⁴¹⁷. Это политика способствовала и консервации экстенсивных жизненных, в том числе и хозяйственных, стратегий, недаром в последующий исторический период инновации, в том числе и технологические, приходили из Европы, а не из Азии, и не вызревали непосредственно внутри страны.

Такой тип цивилизации возник по соседству с Европой как ее своеобразный антипод, где в течение веков происходил процесс воспроизводства, развития и

⁴¹⁵Романович Н. А. Демократические ценности и «свобода по-русски» // Социс. 2002. №2. С.34-36.

⁴¹⁶Токвиль Алексис де. Демократия в Америке: Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. М.: Весь Мир, 2000. С. 44.

⁴¹⁷Кенигсбергер Г. Г. Средневековая Европа, 400-1500 годы / Пер. с англ. А.А. Столярова, Предисл. Д.Э.Харитоновича. М.: Весь Мир, 2001. С.264.

усиления имперских качеств российской цивилизации и отбраковывания неимперских. Все исторические испытания только укрепляли феодальную империю, которая выходила из них еще более сильной и монолитной, перманентно расширяя занимаемую территорию. Так, «за четыреста лет территория России увеличилась в 36 раз. Факт этот, лежащий в основе русской истории, коренным образом определил собою не только стиль русского земельного хозяйствования, но в известном смысле и стиль всякого русского делания и творчества»⁴¹⁸.

Классический феодализм, основанный на ленных (договорных) отношениях, существовавший в Европе, и его весьма отдаленное подобие, существовавшее в Московском царстве/Российской империи, в рамках которого не удалось преодолеть, изжить институт массового государственного рабства, привели со временем к прямо противоположным результатам. Как заметил еще Н.Данилевский, Россия «не причастна ни европейскому добру, ни европейскому злу; как же может она принадлежать к Европе? Ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяют России считаться Европой»⁴¹⁹ естественно, он рассматривает Европу как культурно-цивилизационный ареал.

Ранний феодализм в Европе и Киевской Руси выглядел во многом сходно, но с перемещением центра российской государственности во Владимиро-Суздальское княжество, а столицы государства сначала во Владимир, а затем в Москву, принципиальные различия становились все более осязаемы. Рядом российских исследователей, в том числе Н. П. Павловым-Сильванским, «зафиксирован квазифеодализм, при котором многие явления внешне напоминают свои европейские аналоги, но по существу, по генезису и по последствиям резко от них отличаются (курсив наш. – С. Г.). Именно поэтому феодализм удельной Руси развивался не по классическим закономерностям, а превратился в свою противоположность – самодержавное государство с обязательной службой всех групп населения»⁴²⁰.

Русь, в отличие от Европы, не знала развитых многоуровневых социальных иерархических структур, социокультурное пространство Руси, Московии, Российской империи отличалось, по выражению А. С. Ахиезера, «высокой степенью дезорганизованности»⁴²¹. В Европе феодальные отношения носили преимущественно диалогический характер, так, «принцип римского права, гласивший: „То, что касается всех, должно быть одобрено всеми“, – стал рациональным обоснованием представительства»⁴²², причем необходимость представительства была осознана уже в XII – XIII веках. На Московской Руси феодальные отношения были по преимуществу монологичными. В Европе человек, имеющий обязанности, имел также и защищенные в законодательной форме права: «Феодальная эксплуатация осуществлялась в системе взаимных обязательств между людьми, что способствовало их регулированию с помощью определенных

418Степун Ф. А. Мысли о России / Вступит, ст. и сост. В. Борисова // Новый мир. 1991. №6. С.221.

419Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. 6-е изд. / Предисл. Н. Н. Страхова; ст. К. Н. Бестужева-Рюмина; сост., вступит, ст. и комментарии А. А. Галактионова. СПб.: Изд-во СПб. университета, Изд-во «Глаголь», 1995. С.49.

420Бессонова О. Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск: Изд-во ИЭ и ОПП СО РАН, 1997. С. 66.

421См., напр.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России.) Т. II. Теория и методология: Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С. 138-140.

422Кенигсбергер Г.Г. Средневековая Европа, 400-1500 годы / Пер. с англ. А.А. Столярова; Предисл. Д.Э.Харитоновича. М.: Весь Мир, 2001. С.292.

ограничений»⁴²³.

Случаи нарушения этих прав-ограничений общество рассматривало скорее как проявление произвола, а не как следование норме, так, «невыполнение сеньором своих договорных обязательств освобождало вассала от необходимости соблюдать свои»⁴²⁴. Суверенность прав со временем развилась до принципа корпоративного, а затем гражданского и личностного самостояния. «Вассалы были обязаны делать для своего сюзерена только то, за что получили лен. Сроки воинской службы и обязательные платежи были заранее определены; и если сюзерен желал большего, ему не оставалось ничего иного, как вступить в новое соглашение с феодалом и взамен требований пообещать ему новые льготы. Для подобных договоров организуются постепенно даже собрания или съезды, под именем курий или парламентов.

Из этих курий и вырабатывается постепенно средневековое сословное представительство»⁴²⁵.

В российском обществе, где главным оправданием существования подвластного было безусловное служение Власти как ипостаси Должного, ничего подобного развиться не могло и не развилось сегодня. К. Кавелин, характеризуя особенности российской социальной структуры, отмечал, что в отличие от других европейских государств, у нас «были бояре и не было никогда боярства, были, есть и будут духовные, купцы, мещане, ремесленники, крестьяне, но никогда не было и, по-видимому, не будет духовенства, купечества, мещанства, крестьянства в смысле действительных сословий. Все наши разряды, не исключая дворянства, означали род занятий, общую повинность, тягло или службу, но никогда не имели они значения общественного организма, общественной формации, с задатками политической или общественной связной жизни (курсив наш. – С.Г.)»⁴²⁶.

В Европе развитие феодальной модели достигло своего логического завершения⁴²⁷ послужив естественным фундаментом для строительства буржуазной цивилизации модерности. В нашем отечестве феодализм/квазифеодализм, как и стадияльно предшествующий родоплеменной уклад и стадияльно последующая буржуазность, сосуществуют. Но поскольку российский вариант феодализма/квазифеодализма является эффективным средством для построения и воспроизводства имперского типа государственности, он и занял системообразующее положение в многоукладном российском обществе. И большевистская революция октября 1917 года «в новых формах, с новыми словами погрузила (страну. – С. Г.) в еще больший феодализм, который взял на себя миссию вырвать Россию из отсталости, построить передовую индустрию и так далее феодальными методами»⁴²⁸.

Существует прослеживаемая в истории закономерность, согласно которой древние и архаические общества живут согласно традиции (сакральному прецеденту), феодальные преимущественно по договоренностям, либеральные по законам. В сфере права феодальные общества живут по договоренностям, и наше

423Фромм Э. Здоровое общество // Мужчина и женщина / Сост.: П. С. Гуревич, С.Я.Левит М.: АСТ, 1998. С.210.

424Пайпс Р. Россия при старом режиме/ Пер. с англ. В.Козловского. М.: Независимая газета, 1993. С. 74.

425Новгородцев П. И. Лекции по истории философии права // Сочинения / Сост., вступ. ст. М.А.Колерова, Н.С.Плотникова. М.: Раритет, 1995. С.56.

426Цит. по: Кантор В.К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации: Историческо-социологические очерки. М.: РОССПЭН, 1997. С.305.

427Старый феодальный порядок в Европе окончательно ушел лишь после Наполеоновских войн.

428Ясин Е.Г. Прелюдия // Знание - сила, 2001.№2. С.67.

общество практически никогда не жило по формальным, писанным законам. Сказанное не означает, что формальных законов не было вообще, пусть слабоструктурированные и противоречивые, они были, другой вопрос, что их формальные изъяны и строгости компенсировались возможностью договориться в частном порядке, закрыть глаза на их частичное или даже полное невыполнение. Противоречивое законодательство оставляет подданным определенную свободу, возможность как-нибудь договориться с Властью в лице ее многочисленных чиновников⁴²⁹.

Российское крестьянство в течение многих столетий жило по обычаям, обычному праву, которое в период либеральной модернизации, проводимой Александром II, стало основой для работы системы волостных судов⁴³⁰. Российское общество в целом продолжает жить по договоренностям с добавлением элементов юридического права, действенных лишь до тех пор, пока они не вступают в противоречие с интересами договаривающихся сторон. Склонность жить по формальным законам, демонстрируемая представителями некоторых городских субкультур, не находит понимания в обществе.

Феодализм воспроизводит и феодальный тип собственности. Это не частная собственность, как в либеральном обществе, хотя на уровне деклараций и неработающих «юридических» норм часто утверждается, что это именно так. Феодальная собственность – это отношения, возникающие между субъектом собственности и Властью, в силу которого субъект получает право владения (кормления, сбора ренты и т. п.) в обмен на службу (или, в более мягком варианте, – лояльность). Поскольку в феодально-имперской системе владение властью определяет владение собственностью, а сама по себе собственность, несмотря на ряд правоустановлений, практически беззащитна, то и положение чиновников в этой иерархии куда выше, чем у формальных собственников.

Собственники это прекрасно понимают, и, как отмечал еще в середине XIX века Н. Г. Чернышевский, «дети их обыкновенно спешат променять торговую деятельность на служебную»⁴³¹. Такая тенденция вообще свойственна феодальному обществу, аналогичный процесс был характерен, например, и для итальянских городов-государств, где, разбогатевав, купцы предпочитали покупать имения и вести образ жизни, свойственный аристократии. Подобная практика привела к глубокой стагнации, консервированию отсталости, к тому, что центром мировой буржуазности стала Англия, а не итальянские города-государства, имевшие к тому времени куда более богатые торговые традиции.

В значительной мере распространена и прямая собственность власти, примером чего может служить не только тотальное огосударствление всей хозяйственной жизни в СССР, но и дореволюционная практика российской власти. Так, на имперском, этапе петровской модернизации происходило массовое

429По разным оценкам, сумма взяток, ежегодно выплачиваемых в пост советской России как субъектами хозяйствования, так и частными лицами, составляет порядка 16-40 миллиардов долларов США. В 2003 году вышел доклад фонда «Индем», согласно которому эта цифра составляет порядка 40 миллиардов долларов США. См., напр.: Коротецкий Ю., Рубченко М. Без шансов на успех // Эксперт. 2004. №3. С. 14-19.

430См., напр.: Земцов Л. И. Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х годов XIX века: (По материалам Центрального Черноземья). Воронеж, 2002. 448 с.

431Чернышевский Н. Г. Губернские очерки Щедрина // Критические статьи. Пушкин. Гоголь. Тургенев. Островский. Лев Толстой. Щедрин и др. (Современник 1854–1861)/ Издание Н.М.Чернышевского. СПб.: Типография и литография В.А.Тиханова, 1895. С.334.

огосударствление собственности: «В 1714 г. Петр I ввел ограничения на право собственности на землю: все частные рыбные ловли были отобраны в казну, а пчельники и бортные угодья, а также все частные мельницы объявлены казенными и на этом основании обложены платежом (1704); все фабрики и заводы были также объявлены казенными и обложены платежами, контроль за их деятельностью осуществляла Мануфактур-коллегия; права на недра земли передавались казне (1719); все леса Европейской России были объявлены государственными заповедниками(1723)»⁴³².

Огосударствление собственности продолжалось и в дальнейшем, особенно активно в годы Первой мировой войны. В 1915 году были созданы Особые совещания по обороне, топливу, перевозкам и продовольствию и несколько комитетов. Это были вынужденные, ситуативные действия, вполне укладывавшиеся в процессы государственного регулирования экономик воюющих стран, но в других странах эти структуры после окончания войны были распущены, преобразованы либо урезаны в полномочиях, и лишь в России государственное регулирование приобрело с победой большевиков такое всеобъемлющее значение.

Современники событий вполне понимали причины этого положения, заключающиеся в том, что «Россия – страна самая бедная, самая некультурная, самая негражданственная и поэтому в ней процессы истощения и распада должны были идти самым энергичным темпом. Нигде, следовательно, не было более настоящей объективной необходимости в сознательном регулировании экономических процессов»⁴³³. Пришедшие к власти большевики творчески развили используемые царским правительством методы воздействия на народное хозяйство неэкономическими, силовыми методами, доведя эту силовую составляющую до возможной степени совершенства.

Очень подробно разработан хозяйственный аспект российского феодализма/квазифеодализма у О. Э. Бессоновой и С. Г. Кирдиной, наглядно показавших раздаточный характер российской экономики⁴³⁴. Раздаточная экономика представляет собой экономическую систему, которая обладает «...следующими признаками: вся собственность (земля, средства производства, инфраструктура) носит общественно-служебный характер: отдельные ее части передаются хозяйствующим субъектам под условия выполнения правил ее использования и управляются специальными государственными органами. В основе экономической организации лежит служебный труд – участие в трудовом процессе на объектах общественно-служебной собственности и (или) выполнение определенных функций в интересах всего общества. Обеспечение материальных условий для выполнения служебных обязанностей в рамках общественно-служебной собственности осуществляется через институт раздач. Выполнение производственных задач и формирование общественного богатства происходит через институт сдач. Сигналы

432Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С.370-371.

433Объяснительная записка, предложенная фракцией РСДРП(о) к законодательному предложению об органах регулирования народного хозяйства и труда и снабжения армии и населения // Меньшевики в 1917 году: В 3 т. / Под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. Т. 3. Меньшевики в 1917 году: От корниловского мятежа до конца декабря. Часть вторая. От Временного Демократического Совета Российской Республики до конца декабря (первая декада октября – конец декабря). М.: РОССПЭН, 1997.С.179.

434См., напр.: Бессонова О. Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск: Изд-во ИЭ и ОПП СО РАН, 1997.; Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. 308 с.

обратной связи, отражающие реакцию всех участников общественного воспроизводства на возникающие проблемы, передаются посредством института административных жалоб. Движущим механизмом раздаточной экономики является механизм координации сдаточно-раздаточных потоков»⁴³⁵.

И именно для того, чтобы этот механизм работал, в логике этой феодальной распределительной экономики и нужна сильная государственная власть. Функция массового перераспределения – это ее функция. В условиях российского квазифеодализма раздаточная экономика доминирует, а рыночная выполняет лишь компенсаторную, дополнительную функцию. Концепция квазифеодальной раздаточной экономики позволяет понять те кажущиеся несуразности, перегибы и перекосы, которые наблюдаются в российской экономике сегодня. Они являются таковыми с точки зрения рыночной экономики, но не с точки зрения экономики раздаточной. С. Г. Кирдина доказательно говорит о том, что в разных обществах доминирующую роль играет либо рыночная, либо дистрибутивная (перераспределительная) экономика, и мы не можем изменить эту данность по своему усмотрению.

Когда в России наблюдается, как правило, краткий период широкого развития рыночных отношений, то это всего лишь означает, что рыночные отношения на данном этапе необходимы для развития дистрибутивной экономики, после перехода на следующий, более высокий уровень развития которой она оставит рыночным отношениям лишь дополнительную, компенсаторную роль⁴³⁶. В России к советскому периоду практически не сложились полноценные рыночные отношения и не сформировалась буржуазия европейского типа: «Даже русский купец старого режима, который наживался нечистыми путями и делался миллионером, склонен был считать это грехом, замаливал этот грех и мечтал в светлые минуты о другой жизни, например, о странничестве или монашестве. Поэтому даже этот купец был плохим материалом для образования буржуазии западноевропейского типа»⁴³⁷.

В рамках раздаточной экономики функционировали и индустриальные производства советской эпохи, где человек чувствовал себя частью целого, организованного, по определению Э. Дюркгейма, на началах «механической солидарности»⁴³⁸. Индустриальный социалистический проект воспроизводил элементы традиционного общинного мироощущения, с характерным для него отторжением достигательной личности, своими действиями разрушающей традиционный синкретизм, коллективные формы жизнестроительства.

Даже современный российский социум сопротивляется окончательному распаду архаического по своей генеалогии синкретизиса, личной судьбе, отдельности, разности в доходах вообще и разрыву доходов по отраслям экономики, в частности, в оплате профессионального мастерства, индивидуалистическую, вне группы, модель достижения успеха вообще. Немецкий исследователь В. Пфайлер замечает, что в подобных представлениях проявляется «унаследованное от Византии представление об универсалистском иерархизированном порядке, в рамках которого индивид включен в коллективные структуры; сами же структуры являются частью Божественного Космического Порядка»⁴³⁹.

435 Бессонова О. Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск: Изд-во ИЭ и ОПП СО РАН, 1997. С.5.

436 Подробно см.: Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. С.93-255.

437 Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. М.: Наука, 1990. С.99.

438 Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон-пресс-Ц, 1996. С. 138.

439 Цит. по: Пивоваров Ю. С. Русская история как «Русская идея». Часть II.

Традиционное отношение к собственности удивительным образом проявилось и на новом, постсоветском, этапе исторического развития, когда в начале приватизации людей буквально назначали в качестве наиболее крупных собственников государственного имущества. Именно так возникли некоторые «олигархические» состояния⁴⁴⁰. Именно поэтому у власти сохраняется ощущение того, что собственник не совсем настоящий, поэтому его собственность можно переделить, посмотреть, как расходуются доходы от собственности, причем уже после уплаты налогов, условно говоря, направлены они на покупку английского футбольного клуба или реинвестированы в нефтедобычу. В традиционных рамках российской социокультурной системы сословия должны служить, предприниматели должны делиться, причем сверх налогов, финансировать различные социальные программы, быть патерналистами в отношении своих рабочих и служащих.

Феодальная собственность в России всегда в принципе отчуждаема, что, по замечанию Фюстеля де Куланжа, соответствует общим характеристикам феодального порядка, при котором «земля находится в такого рода обладании, что владелец ее не есть, собственно говоря, ее собственник... Пользование землею условно, т. е. подчинено или оброкам, или службам, словом, известным обязанностям, и неисполнение этих обязанностей влечет за собою утрату владения»⁴⁴¹. Отметим, что в условиях современной России под «землей» следует понимать любые виды собственности вообще, от гигантской нефтяной компании до пивного ларька. Обилие официальных законов и нормативных актов, декларирующих определенные правовые гарантии в отношении собственности, не должно вводить в заблуждение. В российском государстве человек бесправен перед государственной властью, вне зависимости от успехов на экономическом поприще. Власть всегда может отобрать собственность у собственника, который, таким образом, всегда есть собственник условный.

Примеров этому достаточно, так было еще при государях московских, приведем лишь пример того, как поступили с торговыми людьми, нарождающимися русскими капиталистами, Строгановыми. Вот что пишет об отношении царя к крупнейшим бизнесменам своего времени путешествовавший по России второй половины XVI века доктор гражданского права и магистр теологии Джон Флетчер: «Зависть и негодование на богатство в чьих бы то ни было руках, и в особенности в руках мужика, побудили царя отбирать у них сначала по частям, иногда 20 000 рублей сразу, иногда более, пока, наконец, удержав только весьма малую часть отцовского имущества, между тем как все прочее перешло в царскую казну. Имена их были: Яков, Григорий и Семеон, сыновья Аники»⁴⁴².

Так есть и сейчас. Очень важно помнить, что собственность – это не сами блага, принадлежащие тому или иному лицу, а легитимное и устойчиво закрепленное отношение. В этом смысле современные российские предприниматели собственниками не являются, поскольку их владение собственностью является условным; вне зависимости от сегодняшней ситуационной близости или неблизости к Власти любого можно привлечь к ответственности за нарушение противоречивого законодательства, минимизацию налогообложения и т.п., в воздухе постоянно витает

Властечетричные и идеологические основания // Россия и современный мир. 2003. №3. С.26.

440Подробнее см.: Крыштановская О. В. Бизнес-элиты и олигархи: итоги десятилетия // Мир России. М., 2002. Том XI. № 4. С. 3-60.

441Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России / Отв. ред. С. О. Шмидт. М.: Наука, 1988. С.72.

442Флетчер Дж. О государстве Русском. Проезжая по Московии (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов). М.: Междунар. отношения, 1991. (Россия в мемуарах дипломатов). С. 71.

вопрос – кто следующий? Если для достижения этих целей не совсем подходит прежнее законодательство, то его всегда можно подправить и/или наделить обратной силой действия, то есть оценивать события прошлого с точки зрения переменчивых интересов очередного текущего момента.

В России любая собственность, кроме собственности Власти, – условна, временна и ситуативна, ею владеют ровно до тех пор, пока это владение не входит в противоречие с интересами Власти.

Поэтому и воровство в нашем отечестве является особенным, проявившимся совсем не вчера, не в постсоветский период феноменом. Известны слова Ивана IV (Грозного), обращенные к англичанину, золотых дел мастеру: «Русские (подданные. – С.Г.) мои все воры»⁴⁴³. Феномен легитимности российского воровства достоин самого внимательного отношения. Вспомним определение Е. Н. Трубецкого: «Воровской идеал находится в самом тесном соприкосновении со специальною мечтою простого народа»⁴⁴⁴ и его тотальность и моральная естественность, как нам кажется, задается двумя главными факторами. Первый фактор заключается в архаическом по происхождению уравнивании отношения к природе и к культурно-цивилизационной среде: отчужденная цивилизационная среда – тот же лес, где всего много и от которого, сколько ни возьми, – не убудет, поэтому и «границы между преступлением и нормальным поведением весьма размыты и очень условны. Это прослеживается даже в лексиконе. Попробуйте перевести на английский: „взял, что плохо лежит“. Точный смысл этих слов придется растолковывать долго. Подобного рода фразеологические обороты в английской культуре просто немыслимы»⁴⁴⁵.

Второй фактор заключается в слабости, если не в полном отсутствии института частной собственности. В качестве иллюстрации вновь обратимся к запискам с натуры Дж. Флетчера: «Если же у кого и есть какая собственность, то старается он скрыть ее, сколько может, иногда отдавая в монастырь, а иногда зарывая в землю и в лесу, как обыкновенно делают при нашествии неприятельском... Народ, стесненный и лишаемый всего, что приобретает, теряет всякую охоту к работе»⁴⁴⁶. Границы понятий «свое» и «чужое» в общественном сознании размыты и во многом условны. В этой системе ценностных координат базовым онтологическим состоянием любых материальных ценностей является их ничейность. Этот мотив присутствует и в массовом сознании: небо, земля, воздух, вода, леса, нефть, газ (недра вообще) – это божеское, общее.

Именно поэтому так странно, неэффективно проходила российская приватизация государственной собственности, когда у субъектов, участвовавших в этом процессе, не было уверенности в том, что частная собственность в России – это всерьез и надолго, в этом вопросе не было конвенциональной определенности и, как следствие, не была достигнута должная степень легитимности самого процесса. Процесс российской приватизации государственной собственности имел своей целью не только повышение экономической эффективности ее использования, но и в не меньшей степени был детерминирован стремлением к окончательной смене общественно-политического строя. Государственная бюрократия не осознавала того, что передача собственности в частные руки акт необратимый, не подлежащий отмене как принцип, как основа функционирования российской экономики. Отсюда и инициированные властью многочисленные переделы собственности, отсюда и

443 Там же. С.38

444 Цит. по: Кантор В.К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации: Историческо-социологические очерки. М.: РОССПЭН, 1997. С. 457.

445 Чубайс А. Б. Рождение хозяина // Приватизация по-русски. М.: Вагриус, 1999. С.305.

446 Флетчер Дж. О государстве Русском. Проезжая по Московии (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов). М.: Междунар. отношения, 1991. С.69.

неуважение к самому институту собственности.

Совершенно естественно, что на такой ментальной основе могут произрастать преимущественно экстенсивные, паразитические жизненные стратегии. В наиболее яркой форме ментальная предрасположенность к их использованию проявляется в переходные, кризисные этапы нашей истории. Так, в начале 20-х годов XX века П. Б. Струве оценивал первые, предварительные итоги хозяйственной деятельности коммунистического правительства в России: «Коммунизм эти три года жил на счет капиталистического и, в частности, военно-капиталистического хозяйства, на счет накопленных им запасов. Теперь он съел эти запасы – отсюда крайнее обострение экономического положения советской России. Это обострение есть кризис паразитарно-хищнического хозяйства (курсив наш. – С. Г.), ввергшего страну в натурально-хозяйственную реакцию»⁴⁴⁷.

Но эти жизненные стратегии значительно старше советского периода нашей истории, распространены на российских просторах начиная с массового использования подсечно-огневого земледелия, сохранявшегося в отдельных регионах страны вплоть до XVII века, когда хозяйство основывалось на подсечном земледелии, которое «строилось как система хозяйства, основанная на отсутствии собственности на землю и лес. После того как подсеку забрасывали, ...угодье вновь становилось ничейным»⁴⁴⁸. Этим экстенсивно-паразитическим стратегиям вполне соответствует и исторически сложившаяся ориентация на экспорт сырья: только в XV – XIX веках вывозили пеньку, лес, мед, пушнину, а в последней четверти XX – начале XXI века – нефть, газ, руды металлов и все тот же лес. К сырьевому экспорту за этот период добавился только экспорт вооружений, которые в начале означенного периода Россия закупала.

Из сказанного понятно, что сырьевой характер нашего экспорта отнюдь не является злокозненным изобретением постсоветской элиты, он произведен не только от наших природных богатств, но и в не меньшей степени от общей экстенсивной жизненной стратегии, страна, по сути, живет на природную ренту, в денежной форме оплачиваемую остальным миром. Данная стратегия еще не вполне себя исчерпала, впереди участие России в продаже квот на загрязнение окружающей среды, основа данного коммерческого, а по сверхзадаче и природоохранного, процесса заложена Киотским протоколом. Политика эта во многом пагубно сказывается на значительной части населения России, проживающего вне сырьевых регионов. «Исследования привели ученых к парадоксальным выводам. При внешнем благополучии и определенном экономическом росте в России реальный человеческий потенциал стремительно деградирует. Продажа сырьевых ресурсов и высокие цены на энергоносители создают внутри страны иллюзию поступательного развития, однако в реальности это ведет к росту богатства „добывающих регионов" и обнищанию несырьевых провинций»⁴⁴⁹. Экстенсивные стратегии жизнедеятельности воспроизводятся в российской практике постоянно и на самых различных уровнях.

В постсоветский период нашей жизни большая часть наших сограждан использовала докапиталистические адаптационные стратегии, в том числе уход от большой экономики к ведению натурального хозяйства, в своем максимальном выражении предполагающие обращение к еще более архаической форме – собирательству во всех его видах, т. е. соберем не только плоды земли, а вообще

447Струве П. Б. Итоги и существо коммунистического хозяйства // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX - начала XX века. Избранные произведения / Сост. Я. И. Кузьминов. М.: Республика, 1994. С. 160.

448Цит по: Кульпин Э. С. Русь между Западом и Востоком // Серия «Социально-естественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». Вып. XVIII. М.: Институт востоковедения РАН, 2001. С. 70.

449Власова О. Без воли к жизни // Эксперт. 2003, №46. С.93.

все, что плохо лежит, если хорошо лежит – тоже. При таком отношении к праву собственности можно прибрать «ничье». Выбор данных адаптационных стратегий свидетельствует, в частности, о конкретике индивидуального и коллективного мышления, ограниченности или даже невозможности оперирования капиталистическими абстракциями, важнейшими из которых являются деньги, различные виды ценных бумаг, биржевые и внебиржевые сделки, т. е. любые операции, оторванные, абстрагированные от конкретных проявлений материального мира.

Настроенное на экстенсивные паразитические, воровские стратегии жизни завистливое к более успешным и адаптированным людям сознание традиционалиста не способно заставить его перейти к интенсивным, капиталистическим стратегиям жизни. «Зависть – одно из самых сильных социальных чувств, она в значительной степени определяет сегодняшнюю коллективную депрессию. Зависть может „работать“ социальным регулятором, который ограничивает личные достижения, и одновременно сплачивать общество в едином отношении к растущему социальному неравенству, вызванному быстрым ростом благополучия и подъемом отдельных людей и целых групп»⁴⁵⁰. Плата за такое сознание вообще и за зависть в частности, тем более за определяющееся им практическое поведение – велика. В такой системе ценностных координат человек не нужен сам себе, отсутствие зримых перспектив индивидуального развития приводит к крайне низкой продолжительности жизни и негативным демографическим прогнозам⁴⁵¹.

Наличному положению вещей способствует и непредсказуемая динамика социальной мобильности, когда человек может подняться из низов социальной лестницы в ее верхи, а может, и наоборот, спуститься из верхов в низы. Только в течение прошлого века подобные процессы в массовом порядке происходили после Октябрьской революции 1917 года, в разгар сталинских репрессий второй половины 30-х годов и в первое постсоветское десятилетие. В то же время эти периоды интенсивной динамики социальной мобильности перемежаются ее крайним замедлением, вплоть до почти полной непроходимости между границами социальных страт. Последним и ближайшим по времени примером такого радикального замедления может служить социокультурная ситуация в стране в годы так называемого «брежневского застоя». Следует отметить, что российское общество не имеет столь четкой и постоянно воспроизводимой системы социальной стратификации как западные общества. Взрывная, инверсионная изменчивость социальных ролей способствует и текущему состоянию собственности.

С проблемой собственности тесно связана и проблема свободы. Во всяком обществе человек свободен настолько, насколько он является независимым собственником. Насколько он лишен собственности, настолько он сам является собственностью вышестоящей социальной инстанции. Древний раб был лишен собственности и сам был собственностью хозяина. Крепостной крестьянин имел свой надел и небольшое хозяйство и, вследствие этого, соответствующий сектор свободы, небольшой, но предполагающий обладание определенными правами. Но понятие о неотъемлемых человеческих правах относится, скорее, к Европе, а не к России, поскольку наш феодализм мало походил на европейский. Российские крестьяне закрепощались не в единичном, но в массовом порядке с опозданием на столетия, когда в большей части Европы, за исключением Польши и некоторых германских княжеств, они везде уже были свободны. Начиная с Петра I, крестьянин попал в состояние рабское, а в отношении раба странно говорить о юридически закрепленном праве собственности и свободе.

450 Гудков Л. Коммунальная дыра // Знание – сила. 2001. № 11. С. 63.

451 См., напр.: Власова О. Без воли к жизни // Эксперт. 2003. № 46. С. 92-93.

Размышляя о русской революции 1917 года и последовавшей Гражданской войне, Р. Пайпс заметил, что «свобода была понята как освобождение от ограничений, налагаемых на людей самим фактом их совместной жизни и взаимозависимости между ними. Поэтому уничтожались раньше всего те, в ком воплощена была в каждом данном месте идея государства, общества, строя, порядка. В городах – полицейские, администраторы, судьи; на фабриках – владелец или управитель, само присутствие которых напоминало о том, что нужно работать, чтобы получать плату... в деревнях – соседняя, ближайшая усадьба, символ барства, т.е. власти и богатства одновременно...»⁴⁵².

Чем меньше легальной, юридически оформленной и не отчуждаемой неправовыми методами собственности, тем меньше юридически оформленных прав индивидуума и тем безжалостней и бессмысленней бунт, тем большее неприятие всех и всяческих иерархий, в том числе и культуры. По справедливому замечанию П. Б. Струве, после революции 1917 года «у всего населения, вместе с правом личной собственности, принципиально отнята экономическая свобода и тем подрезаны самые корни личной свободы. Русский коммунистический опыт в новой обстановке вновь подтверждает социологическую и политическую истину, гласящую, что собственность и экономическая свобода есть основа и палладиум личной свободы во всех ее проявлениях, даже наиболее тонких и вершинных»⁴⁵³. Именно поэтому при всем несовершенстве и противоречивости процессов, происходивших в России в последнее десятилетие XX века, они вели к обретению большей или меньшей собственности, а вследствие этого – большей или меньшей свободы.

Но собственниками труднее управлять, во всяком случае, в рамках традиционной имперской парадигмы, поэтому у Власти нет и не может быть желания подвести окончательную черту под приватизацией 90-х, нет желания окончательно легализовать собственника. Соответственно этому нет и не может быть желания поддерживать соответствующий собственнику уровень гражданских свобод. В результате сохраняется и воспроизводится все то же положение вещей, о котором писал И. Бродский в стихотворении 1972 года: «Должно быть, при взгляде вперед, / заметно над Тверью, над Волгой: / другой вырастает народ / на службе у бедности долгой. / Скорей равнодушный к себе, / чем быстрый и ловкий в работе, / питающий в частной судьбе / безжалостность к общей свободе»⁴⁵⁴.

В совсем еще недавний, советский период нашей истории Власть под лозунгом «Раньше думай о родине, а потом о себе» налагала на общество феодальные, по своей сути, повинности. Здесь и обязанность собирать на полях и обрабатывать на овощехранилищах ту часть урожая, которую удалось собрать, проходить воинскую службу в армейских, пограничных, конвойных частях, работать в стройотрядах, строить методом народной стройки, здесь и неэкономические методы принуждения к труду, вызовы в милицию, отправка за 101 километр, в места не столь отдаленные, вера в абсолютную власть коллектива над личностью (не можешь – научим, не хочешь – заставим). И все это в относительно либеральные годы застоя, что уж говорить о более раннем периоде советской истории.

Какой же это феодализм, ведь здесь нет ничего от договорных (ленных) отношений, присущих феодализму классического типа? Но все же система гласных, а большей частью негласных соглашений и договоренностей между властью и обществом была. Будешь соблюдать установленные правила игры, будешь молчать

452 Пайпс Р. Россия при большевиках. М.: РОССПЭН, 1997. С. 130.

453 Струве П. Б. Итоги и существо коммунистического хозяйства // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX - начала XX века. Избранные произведения / Сост. Я. И. Кузьминов. М.: Республика, 1994. С. 172.

454 Бродский И. Открытка с тостом // Сочинения Иосифа Бродского. Т. III. Издание 2-е. СПб.: Пушкинский фонд, 1998. С. 38-39.

когда надо – система приблизит тебя к пайковому распределителю, возрастет шанс на получение из строгих, но кормящих рук Власти начальственной позиции. Но за фасадом этого квазифеодализма просматривается более глубокий и фундаментальный принцип государственного рабства. Особенно показательна в этом отношении сталинская эпоха, когда людей из феодальных вотчин колхозов и предприятий забирали на «государевы стройки» в ГУЛАГ, это был апофеоз рабского труда. Ближе к концу жизни В. В. Шульгин заметил, что «рабы – колхозники дали Сталину нищенский хлеб, рабы – бойцы победили рабов Гитлера... Рабство имеет два лица: ужасное и созидательное. Рабы создали пирамиды и грандиозное использование разливов Нила. Рабы, управляемые умными жрецами, есть явление, над которым стоит задуматься»⁴⁵⁵.

Этому квазифеодализму соответствует и социальная стратификация зрелого сталинского общества. В социальной иерархии главным являлся общеимперский уровень – на этом уровне человек принадлежал Родине, партии и лично тов. И. В. Сталину. Ниже располагался собственно ведомственный феодальный уровень, и человек принадлежал соответственно ведомству, а на местном уровне – родному заводу или колхозу. Следует отметить, что манипуляции над человеком, исходящие со стороны главного имперского уровня социальных инстанций, ничем не лимитированы, в то время как отношения с вышестоящими феодальными органами нижестоящего уровня регламентированы волей высшей Власти. В 90-е годы достаточно широко наблюдаемое стремление постсоветского человека состоять в четко иерархически выстроенной команде или хотя бы иметь «крышу» (Вы чьих будете?) объяснялось, как в удельный период нашей истории, попыткой «под рукою, „под державою" господина найти себе личную и имущественную безопасность, защиту от насилий всякого рода, оборону вот сильных людей насильства"»⁴⁵⁶.

Каковы причины, по которым мы до сих пор не можем выйти из этого состояния квазифеодализма? Одна из главных причин его замедленной трансформации и изживания заключается в том, что он остается эффективно работающей формой организации социума. В этих условиях для государства с набором его вышеперечисленных свойств достаточно проблематичен переход от феодально-репрессивной к более рациональным и гуманистическим формам организации. Общество, не расставшееся со своими архаическими основаниями и во многом сохраняющее традиционный синкретизм, просто не может иметь другого государства, но по этой же причине невозможно и дальнейшее имманентное развитие самого государства.

Заимствованные либеральные формы плохо приживаются и неэффективно функционируют на российской почве. Закрепление, укоренение диссистемных инноваций, вносимых в социокультурную сферу процессами модернизации, прежде всего на ее либеральных этапах, крайне затрудняется их прямым отторжением при представлении удобной исторической возможности, в том числе при очередном переходе от либеральной к имперской модели модернизации. Причем «если период свободы дышит зыбкостью, то альтернативный порядок представляется незыблемым. Но на самом деле он не может самовоспроизводиться долго. Ведь он последовательно расточает любые национальные ресурсы, интенсивность их расточения и определяет длительность его существования (курсив наш. – С.Г.)»⁴⁵⁷.

Квазифеодальная природа средневековой, по своей сути, высшей Власти

⁴⁵⁵Цит. по: Жуков Д. Ключи к «Трем столицам» // Шульгин В. В. Три столицы. М.: Современник, 1991. С.496.

⁴⁵⁶Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России / Отв. ред. С. О. Шмидт. М.: Наука, 1988. С. 108.

⁴⁵⁷Левинсон А. Русский маятник. Между свободным рынком и тотальным контролем // Эксперт. 1998. №32. С. 17.

проявляется по мере нисходящего движения по административно-иерархическим звеньям в многообразии социальной жизни, проявляясь в формах натурального хозяйства, в том числе и нашего знаменитого бартера, в обмене службы на ренту и захвате в различных формах у соседей главной ценности – земли, в сегодняшней интерпретации подлежащей хозяйственному использованию территории и собственности вообще. В этой системе отношений присутствуют иерархия статусов, трудовые повинности, ритуальные подношения, своя система кормлений, свой сеньориальный суд. Схожая система отношений воспроизводится на предприятиях, в масштабе городов, областей, губерний, где квазифеодал стремится возвыситься над всеми как бог и судья, демонстрируя «независимость, воинственность, самоуправство – ...типичные черты феодальных баронов»⁴⁵⁸.

Такого рода возвышение для государства является тайным, а временами и явным кошмаром, для местных руководителей тайной, а временами и явной мечтой. Как тут не вспомнить всеобщее региональное ликование по поводу программной фразы Б. Н. Ельцина, относящейся к началу 90-х годов прошлого века: «Берите суверенитета столько, сколько сможете», суверенитета, предполагавшего отчасти такое положение вещей, при котором, как и в средневековой Франции, по свидетельству Глассона, «давали в феод все: земли, налоги, дорожные пошлины, суд и расправу, права, ренты, должности»⁴⁵⁹.

В рамках избранной нами тематики модернизационных трансформаций весьма важным представляется вопрос, почему современная Россия на всех уровнях так легко приняла жизнь по бандитским «понятиям»? Потому, что понятия эти отражают варваризованный, но органичный для общественного сознания способ связки родоплеменных и раннефеодальных отношений. Власть бандитов в чем-то сродни государственной, но, не будучи обременена необходимостью служения Должному, она, как это ни странно, воспринимается как более «своя», причастная существу, с ней, как представляется, легче договориться.

Американец Роберт Патнэм в книге «Чтобы демократия сработала» рассматривает разные пути развития севера и юга Италии, соотнося причины распространения мафии с преобладанием в обществе вертикальных или горизонтальных структур: «В XIX веке там, где в XII веке закрепились вертикальные иерархизированные структуры, наблюдается власть мафии, укореняется так называемая народная мафиозная культура. На севере же и в Центральной Италии, где когда-то существовали города-коммуны, возникают общественные ассоциации, профсоюзы, партии, общества взаимопомощи и т. д. ...Мафия – не грабеж, не бандитизм: она продает доверие, посредничает в отсутствие государства (курсив наш. – С. Г.). Вертикально иерархизированное государство, которое не обладает горизонтальными связями, – это преимущественно латентное, отсутствующее государство. Мафия заполняет это зияние, берет на себя выполнение функций легитимной власти»⁴⁶⁰. Достаточно аксиоматичным является утверждение о том, что в российском обществе абсолютно преобладают вертикальные связи и отсутствуют горизонтальные, вплоть до воспроизводства такого положения вещей в конфигурации транспортных сетей, когда в соседнюю область проще добраться через столицу государства.

В феодальном духе в постсоветской России произошел процесс приватизации насилия, передача единых до этого силовых функций государства на локальные

458Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России / Отв. ред. С. О. Шмидт. М.:Наука, 1988.С.119.

459Там же. С.72.

460Цит. по: Левин И. Выступ, на сем. «Социокультурная методология анализа российского общества». Тема: Модернизация в традиционных укладах: опыт Италии и его значение для России // Рубежи. 1997. № 7. С. 142.

уровни, вследствие чего каждый крупный предприниматель был вынужден создавать собственную мощную систему безопасности, укомплектованную выходцами из МВД, КГБ и иных силовых структур. Наличие собственных силовых структур стало неременным условием ведения крупного, а зачастую и среднего бизнеса. В этих процессах явственно прослеживается аналогия с положением феодального барона, который «должен был уметь с оружием в руках, предводительствуя отрядом своих слуг, защищать свои владения, потому что иначе он не был бы бароном; иначе вассалы не стали бы ему служить, и его земли, его сервы и вилланы в эту эпоху торжества права сильного стали бы легкой добычей его соседей, воинственных баронов, или его сюзерена»⁴⁶¹.

Временами дело доходило до формирования целых частных армий, так, в начале 90-х годов охранная служба Мост-банка в Москве была столь многочисленна и профессиональна, что Власть использовала ее сотрудников для штурма мэрии (бывшее здание СЭВ) во время октябрьских событий 1993 года. На среднем и мелком уровнях бизнеса появилось такое понятие, как авторитетный предприниматель, т. е. предприниматель, имеющий в рамках своего бизнеса силовую составляющую, группу людей, выполняющую деликатные поручения, состоящую, как правило, из бывших спортсменов и/или выходцев из криминального мира. Здесь мы опять «проваливаемся» в европейское Средневековье с его пониманием личной свободы, пониманием, в чем-то перекликающимся с восприятием свободы в постсоветской России: «Свобода – это гарантированный статус... Она могла реализоваться только в состоянии зависимости, где высший гарантировал низшему уважение его прав. Свободный человек – это тот, у кого могущественный покровитель»⁴⁶².

Феодальный/квазифеодальный характер различных областей советской жизни не остался незамеченным не только внутри страны, но и для наиболее проникательных иностранных наблюдателей, к которым следует отнести и Г. Белля: «Намеков на царизм в сопоставлении с коммунизмом в СССР в XX веке достаточно, – и все они кажутся мне убедительными. Ибо СССР явно феодальное государство, в котором угнетение осуществляется под другим знаком...»⁴⁶³ и далее, говоря об иерархической выстроенности всего и вся в СССР, ранжирах, рангах, добавляет: «Хочу, чтобы вы поняли: Советский Союз – укомплектованное феодальное государство»⁴⁶⁴. Предпринятая в 90-е годы попытка Властью отойти от плотного контроля над различными сферами человеческой жизни привела не к выполнению части властных функций гражданским обществом, развитию горизонтальных связей, а к спонтанной квазифеодализации постсоветского пространства. Размах этого процесса впечатляет – это свидетельствует о наличии массовой ментальной основы для его саморазвертывания. Но даже это квазифеодальное состояние, в которое спонтанно впадает российское общество при ослаблении пресса имперского государства, является более прогрессивным, предполагая большую степень личной свободы, чем лежащий в самом основании этой империи принцип государственного рабства.

461Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России / Отв. ред. С. О. Шмидт. М.: Наука, 1988. С. 120.

462Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр. / Общ. ред. Ю. Л. Бессмертного; Послесл. А. Я. Гуревича. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. С. 262.

463Белль Г. Солженицын и Запад // Собр. соч.: В 5 т. / Пер. с нем. Н. Бунина. Т.5. М.: Худ. лит., 1996. С.531.

464Там же. С.533.

ГЛАВА 3

Модернизация и социокультурные процессы

в России после 1991 года

Социокультурная ситуация в России после 1991 года

События 1991 года и в России, и за ее пределами оцениваются неоднозначно: одни придают им значение великой социальной революции, другие считают их не более чем номенклатурным переворотом, сопровождавшимся переходом власти от одного бюрократического клана к другому. В пользу второй версии свидетельствует прямая персональная преемственность советской и постсоветской элиты. Так, зав. сектором Института социологии РАН О. Крыштановская отмечает, что «по результатам исследований сектора изучения элиты Института социологии РАН, более 75 процентов политической и 61 процент бизнес-элиты – это выходцы из старой советской номенклатуры. Новая политическая элита состояла в основном из бывших партийных и советских работников, а новая экономическая элита пополнялась из активистов и руководителей комсомола, из руководителей-хозяйственников»⁴⁶⁵.

Приведенные цифры косвенно свидетельствуют о том, что социальная революция совершалась во многом с молчаливого одобрения и при прямой поддержке значительной части партхозноменклатуры, в массовом порядке, как, впрочем, и абсолютно подавляющей части общества, разуверившейся в коммунистических идеалах. По справедливому замечанию В. Буковского, для подавляющей части партхозноменклатуры события августа 1991 года «означали не революцию, не освобождение от тоталитарного гнета и уж тем более не крушение идеалов, а всего лишь возможность стремительно ускорить свою карьеру, перепрыгнув сразу через несколько ступенек старой иерархической лестницы»⁴⁶⁶. Свершилось предсказанное еще в 20-е годы прошлого века Л. Д. Троцким «перерождение» партхозноменклатуры, произошел вполне закономерный обмен привилегий на собственность: «Привилегии имеют лишь половину цены, если нельзя оставить их в наследство детям. Но право завещания неотделимо от права собственности. Недостаточно быть директором треста, нужно быть пайщиком. Победа бюрократии в этой решающей области означала бы превращение ее в новый имущественный класс»⁴⁶⁷. Именно поэтому события 1991 года стали такой полубархатной, удивительно мягкой для России социальной революцией.

Распад советской системы достиг своей крайней точки; в нескончаемых позднесоветских очередях были разговоры в поддержку ГКЧП, но дальше этого дело не пошло. Это там, наверху, они с жиру бесятся, не наше это дело, ну и хорошо, что ГКЧП, порядок должен быть. Стоит исправник за спиной – есть порядок, оставили народ без присмотра – нет порядка, исправника надо вернуть. Но этой совершенно простой и доступной идеологии оказалось недостаточно, чтобы в защиту социалистического строя и СССР были, пусть не массовые, но хотя бы какие-либо заметные выступления. СССР образца 1991 года – не Чили 1973 года, где в течение

⁴⁶⁵Цит. по: Карпухин О.И, Макаревт Э. Ф. Формирование масс: Природа общественных связей и технологии «паблик рилейшнз»: Опыт историко-социолог. исследования. Калининград: ФГУИПП Янтар. сказ, 2001. С.244.

⁴⁶⁶Буковский В. Московский процесс. М.: МИК; Париж: Русская мысль, 1996. С. 67.

⁴⁶⁷Цит. по: Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 288.

двух недель держала оборону окруженная мятежниками школа прапорщиков, горел дворец Ла Монеда, Сальвадор Альенде, в каске и с автоматом, и тысячи безвестных чилийцев защищали идеалы, в которые верили, защищали до конца.

В СССР не нашлось ни одной воинской части, ни одного подразделения силовой структуры, которое бы выполнило формальную присягу на верность СССР, офицера или партработника, выполнившего неформальную к тому времени присягу на верность КПСС, верность партбилету с аккуратными столбиками чернильных штампов, свидетельствовавших о вовремя уплаченных взносах. Взносами уже давно все и ограничивалось, а умирать за право продолжать платить взносы никому не хотелось. На одной шестой суши не нашлось ни одного секретаря райкома, обкома, крайкома, рескома КПСС, который открыл бы сейф, достал долго лежавшее в ожидании именно этого дня полагающееся ему по чину оружие и, не спуская красного флага, с группой таких же энтузиастов занял бы круговую оборону. Пусть на неделю, три дня, шесть часов, не важно, но исторический факт остается историческим фактом – этого не сделал никто. Энтузиастов не нашлось, пожалуй, впервые историческая эпоха закончилась так единодушно – спокойно. Кончилась, значит – кончилась, а плетью обуха не перешибешь.

Плетью попытались перешибить обух через два года, когда стало ясно, что и на Западе нет земного рая, капиталистическая экономика не предполагает молочные реки с кисельными берегами, как раньше их наличия не предполагал реальный социализм. В 1993 году все было гораздо серьезней – сопротивлялся сохранившийся опорный «скелет» советской власти, сопротивлялся Верховный Совет РФ. Один и тот же Белый Дом на Краснопресненской набережной и в августе 1991, и в октябре 1993 года, практически тот же депутатский корпус, но содержание событий принципиально различно. В августовские дни 1991 тысячи москвичей пришли не просто за тем, чтобы защищать депутатов или президента Б. Н. Ельцина как демократически избранных руководителей России и тем более защищать их как частных лиц, пусть некоторые из них и обладали известной долей харизматичности. Защищали надежду, которая включала в себя далеко не только будущее повседневное посещение гипермаркетов, кофе на террасе европейских кафе, чтение книг, просмотр фильмов, шопинг, то есть потребление тех артефактов культуры, которые именно сейчас потребляют в Европе, сейчас читают, смотрят и носят. Защищали надежду никогда больше в жизни не ходить на партийные и комсомольские собрания, демонстрации трудящихся, не видеть каждый вечер по телевизору лицо очередного генсека и вести с полей. Но это всего лишь одна, наименее значимая и поверхностная, и в то же время наиболее рационалистическая, лежащая на поверхности мотивация людей, пришедших к Белому Дому в августе 1991 года.

Была еще одна скрытая, трудно проговариваемая, почти генетическая мотивация, которая по своему накалу и силе куда как превосходила первую. Да, право и возможность повседневного посещения гипермаркета – это приятно, но умирать за него нельзя, это не тот уровень мотивации. У людей, стоявших на демократической стороне баррикад, эта мотивация была. Понять ее возможно, хотя она не столь рациональна, если рациональна вообще. Вспомним А. Галича: «А там, где бродили по зоне каэры / и под снегом искали гнилые корни, / перед этой землей никакие премьеры, подтянувши штаны не преклонят колени... / Пой же труба, пой же, пой про мою Потьму, / пой о моем брате, там, в ледяной пади». Вспомним миллионы замученных, расстрелянных, не родившихся, прошедших через тюрьмы и концентрационные лагеря; так, только «за семь лет (1934-1941) арестовано 19840000 человек, около 7 000 000 расстреляно. Из лагерников вернулись и добились реабилитации примерно 200 000»⁴⁶⁸ а «за семь лет (коллективизации 1929-

468 Померанц Г. С. Восстановление цельности // Померанц Г., Курочкина М. Тринитарное мышление и современность: Сборник статей. М.: Фантом

1936 годов в деревне. – С.Г.) исчезли почти пять миллионов семей»⁴⁶⁹.

Вспомним «Колымские рассказы» В. Шаламова, его же «Последний бой майора Пугачева», когда бежавшие из лагеря бывшие фронтовики с несколькими трехлинейками дали последний бой настигшим их энкавэдэшникам. В стране все семьдесят лет советской власти шла, то раздуваясь, как в Тамбовской губернии и Сибири начала 20-х, то совсем исчезая с глаз, как в 60-70-е годы XX века, гражданская война. Еще в 50-е годы под стрехами крестьянских изб находили трехлинейки конструкции Мосина образца 1891 года, которые крестьяне хранили до конца жизни с задушевной надеждой когда-нибудь да использовать, это вам, начальнички – за коллективизацию.

Так, в 1957 году один гражданин, привлеченный к уголовной ответственности за антисоветские письма, говорил на суде, что «мне незачем защищаться. Против вас я буду защищаться тогда, когда у меня будет оружие. Я писал такие письма и буду писать. Нас таких много. И нам надо объединиться для общей борьбы...»⁴⁷⁰. Август 1991 – это и был последний бой майора Пугачева, последний бой тех, кто не дожид, но очень хотел дожить до рассвета⁴⁷¹. Это дорогого стоит, танки тут помощники слабые, да и должна быть воля стрелять, резать, убивать. Но нет воли. Устали. Кончилась эпоха.

В 1993 году сопоставимой по силе мотивации у очередных защитников Белого Дома уже не было. Можно защищать стены, оставшуюся в них часть парламентариев, можно защищать СССР. Мы хотим назад в СССР, у нас была прекрасная эпоха. Запредельная тоска по утраченному раю, разрушенному заповеднику, нашему счастливому детству, колбасе по два двадцать и водке по три шестьдесят две. Запредельная тоска по утраченному Должному. Должное умерло, а потому стоит ли так ждать рассвета и можно ли так желать гибели врага? За Должное – можно, за колбасу по два двадцать – нельзя. И вышел к журналистам вице-президент России и генерал А. В. Руцкой: вот мой автомат, он в смазке, не стрелял я, не стрелял... В результате октябрьских событий были многочисленные жертвы как среди их участников, так и случайных свидетелей, что само по себе не может не вызвать самого глубокого сожаления и сочувствия. Да, эти события могли бы при определенных условиях стать прелюдией гражданской войны, но, к счастью, остались в истории как локальные вооруженные столкновения. Так и прошли развилку исторического выбора 1993-го, пощадила и на этот раз история Россию⁴⁷².

Рассматривая события 1991 и 1993 годов, следует помнить, что в них участвовало не так много граждан, абсолютное меньшинство населения СССР. Подавляющая часть общества проявила редкостную индифферентность в отношении этих событий, полагая, что они особо не касаются повседневной жизни, личных жизненных перспектив, личного будущего. Эта пассивность не нова в российской истории, так же было и в октябре 1917 года, когда бурлил Петроград, шли бои в

Пресс, 2000. С.234.

469Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера / Пер. с франц. Ю. В. Гусевой, В. А. Бабинцева. М.: НПЦ Праксис. Оренбург: Оренбургская книга, 2001. С.298-299.

470Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. С. 213.

471И совсем не важно, совсем не снижает пафоса сказанного то, что крови было мало, что только трое отдали жизнь за новую, несоветскую, некоммунистическую Россию: Усов, Комарь, Кричевский. Могло быть больше, во всяком случае, такой исход для себя лично тогда не исключали многие из участников событий.

472Заметим, что история пощадила Россию и народ на рубеже 80-х -90-х годов по меньшей мере трижды: в дни августовского путча, в декабре 1991, когда бескровно распался СССР, и в октябре 1993, когда страна стояла на пороге гражданской войны.

Москве, а остальная Россия продолжала жить более или менее обычной жизнью, в начале революционных событий мало кто был готов принимать в них непосредственное участие на той или другой стороне. Политически активное меньшинство граждан России направило страну на встречу с очередной версией Должного, принявшего на этот раз облик единственного научного и поэтому верного учения – марксизма-ленинизма.

Пассивность основной массы народа и активность меньшинства, выбравшего в обоих случаях за всех, как в 1917, так и в 1991 годах – это то общее, что внешне сближает эти столь различные процессы. Принципиальная разница между ними заключается прежде всего в том, что в 1917 году люди шли навстречу новой версии Должного, стремящегося со временем объять собой весь мир. В 1922 году М. В. Фрунзе писал о том, что «самим ходом исторического революционного процесса рабочий класс будет вынужден перейти к нападению, когда для этого сложится благоприятная обстановка», а на первом этапе движение к мировому распространению советской власти и строительства Всемирной республики советов должно захватить собой Европу – «границы же этого фронта в ближайшую очередь определяются пределами всего материка Старого Света»⁴⁷³. В 1991 году шел обратный процесс ухода от Должного, ухода в локальную частную жизнь, с приоритетом простых человеческих радостей и забот.

За последовавшие после августа 1991 года тринадцать лет изменилось многое, изменились и культура, и общество. Трудности и пробуксовывание демократических реформ, которые мы наблюдали все последние годы, не отменяют кардинального различия между позднесоветской и постсоветской реальностью. Главным изменением является радикальный сдвиг в народной ментальности, обусловленный смертью Должного, которое в течение столетий являлось системообразующим началом в российском культурно-цивилизационном космосе.

Для позднесоветской эпохи были характерны цинизм, лицемерие, тотальная фальшь, чуть ли не анекдотические формы восхваления власти, персонифицированной в очередном Генеральном секретаре ЦК КПСС. Власть в этот период совершала достаточно сложный для себя переход из сферы Должного в область Сущего, теряя по дороге последний налет сакральности. В экономическом, материальном плане империя во все большей степени полагалась на экспорт сырьевых товаров, выбрав модель роста, основывающегося на нефтедолларах⁴⁷⁴. В духовном плане советская империя периода упадка держалась на инерции Должного, которое уже не довлело над всем и всеми, но еще напоминало о правильном порядке вещей, о том, что априорно приоритетно, а что заведомо локально, частно, дополнительно. В 1991 году вместе с советской идеологией рухнуло и Должное. Но это падение было не одномоментным и не вполне окончательным, с нами остались его многочисленные субдискурсы.

Главное заключается в том, что в течение 90-х годов Должное потеряло свой всеобщий характер, что серьезно изменило социокультурную ситуацию в России. Остались его субдискурсы, осталось отстраненное восприятие Власти, государство не смогло (в лучшем случае не успело) стать более или менее полноценным социальным институтом. Сохранившиеся элементы Должного носят преимущественно инерционный характер, современные попытки воскресить его в прежнем имперском объеме и всепроникновении могут в самом удачном для инициаторов этого процесса случае привести лишь к его имитации, которая априорно не может быть эффективной. Можно не стараться и не ставить над страной

473Цит. по: Рапопорт В.Н., Геллер Ю.А. (Ю.Алексеев) Измена родине. М.: РИК «Стрелец», 1995. С. 141.

474См., напр.: Гайдар Е. Т. Аномалии экономического роста: Учебное пособие для вузов. М.: Магистр, 1997. С. 152-158.

очередной «научный» опыт, который пока вырисовывается как сниженный авторитарно-полицейский ремейк социалистического «научного» эксперимента, осуществленного под руководством В. И. Ленина, который «был, характерно русским изувером науковерия»⁴⁷⁵.

Вернемся к нашей недавней истории. В позднесоветские времена Должное подверглось глубокой внутренней эрозии, инверсионный принцип, господствующий в российской ментальности и контролирующей в ней широкий ряд смыслообразовательных каналов, проявился и по отношению к нему. В позднесоветскую эпоху Должное постепенно девальвировалось, теряя глубину и основательность семантических опосредований, которой в 1917-1953 годах служила коммунистическая идеология. В 60-е годы XX века в сознании советского человека постулаты этой идеологии не только потеряли значение императива, но и постепенно перестали восприниматься всерьез: «Никто уже не кричит „По коням!“ / Дворяне вырублены под корень. / Ни тебе Пугача, ни Стеньки. / Зимний взят, если верить байке. / Джугашвили хранится в консервной банке. / Молчит орудие на полубаке. / В голове моей – только деньги»⁴⁷⁶.

Должное постепенно разрушалось изнутри благодаря многоплановому и многоаспектному воздействию либеральной западной цивилизации. В 60-е годы у наиболее молодой и образованной части общества сформировалась новая-старая мифологема, гласившая, что рай есть, но не на небе, а по ту сторону железного занавеса, там, на Западе. С течением времени эта мифологема крепла, несмотря на разъяснения чиновников от имперской идеологии, несмотря на зрительный ряд, который демонстрировало советское телевидение. Здесь и трущобы, и забастовки, и высокий уровень преступности, безработица, отсутствие уверенности в завтрашнем дне. Советская пропаганда рисовала Запад отнюдь не как рай, но как земное воплощение ада, чуть ли не двенадцатый его круг. Общество же все больше и больше привыкло переводить все идеологически окрашенные комментарии власти с точностью до наоборот. Если пропаганда утверждает, что там – ад, значит там – рай, там построен венец истории – общество потребления. В годы перестройки эта мифологема стала ментальной основой всех идеологических инноваций того времени: «нового мышления», «общечеловеческих ценностей», рыночной экономики.

В наши дни ветераны демократического движения с ностальгией вспоминают о тех сотнях тысяч людей, которые ходили на митинги, а сегодня на митинги ходят сотни, а то и десятки из них. Вспоминают слова Робеспьера: «Республика погибла, разбойники торжествуют»⁴⁷⁷. Но все дело в том, что изменилась эпоха, Должное умерло, человек отошел от публичных проявлений политической активности, вернулся к своим человеческим, частным победам и горестям, стал зарабатывать деньги, путешествовать по миру, жить для себя и своих близких⁴⁷⁸. Другая часть этих людей была просто не готова войти в гражданское общество либерального типа. Они в полном соответствии с законами мифологической «логики» ждали от падения советской империи автоматического наступления рая. Как только удастся устранить

475 Степун Ф.А. Мысли о России / Вступительная статья и составление В. Борисова // Новый мир. 1991. № 6. С. 234.

476 Бродский И. Речь о пролитом молоке // Сочинения Иосифа Бродского. Т. II. Издание 2-е. СПб.: Пушкинский фонд, 1998. С. 180-181.

477 Матьез А. Французская революция. Т. III. Террор / Пер. с фр. С. Лосева; Пред. Н.М. Лунина. М.: Московский рабочий, 1930. С. 204.

478 Все 90-е годы мы думали, что так будет если не всегда, то хотя бы достаточно долго, так долго, чтобы хватило на наш век. Но человек, как известно, предполагает, Бог располагает. Раз сказано в учебнике истории, что за революцией следует термидор, – значит термидор.

врага, сразу наступит рай, и можно будет дружными рядами войти в «город золотой»⁴⁷⁹ – эти иллюзии разделяла и значительная часть либерально настроенной интеллигенции. Достаточно быстро выяснилось, что рая на самом деле нет, а есть достаточно жесткая конкурентная борьба, нет рая на Западе, а то, чего нет, нельзя импортировать в Россию, – тогда выраженное через свои советские/антисоветские опосредования Должное рухнуло окончательно.

Сегодня продолжает инерционное существование часть субдискурсов Должного, но его стержневая компонента, каковой является эсхатологическая идея, умерла окончательно, на что мы надеемся со всей возможной искренностью. Идеологический штамп – достижение эсхатологического конца истории – «светлого будущего» (коммунизма) – к моменту распада СССР был абсолютно девальвирован. Но по иронии истории смерть Должного лишила массового советского человека не только главного метафизического ориентира, но и определяющей повседневную жизнь конвенциональной системы координат.

В общественном сознании господствовало убеждение, что СССР под властью коммунистов может просуществовать еще сотни лет, советские люди строили планы на будущее, полагая его достаточно стабильным и предсказуемым. Надежда Мандельштам в 1975 году в ответ на известное утверждение А. Амальрика заметила: «Я слышала, вы писали, что этот режим не просуществует до 1984 года. Чепуха! Он просуществует еще тысячу лет!»⁴⁸⁰. Представления о незыблемости геополитического и социального мироустройства служили упорядочиванию сегодняшней жизни и соотнесения ее с ориентирами будущего, выстраивали и содержательно наполняли непрерывную цепь бытия. Благодаря Должному советскому человеку было «легче жить, потому что он всегда точно знает, как относиться к первичности материи и покрою пиджака, к свободе воли и белому стиху, к математическим абстракциям и абстрактной скульптуре, к вопросам пола и цвету потолка, к химере совести и вкусу соуса»⁴⁸¹. Несмотря на достаточно критичное отношение к официальным идеологическим конструкциям, массовый советский человек все же извлекал из них некоторое позитивное содержание, оказывающее психотерапевтический эффект и укрепляющее его в процессе повседневной жизни, сам факт его существования давал ему определенную экзистенциальную укорененность.

Естественно, что существование Должного со временем становилось все более условным, вспомним, как в поздний советский период ранее маргинальные типы мировосприятия, художественные практики, виды экономической деятельности постепенно приобретали амбивалентный статус. По-прежнему оставаясь вне рамок большой традиции, большого стиля эпохи, часто выпадая из правового поля, они в то же время получали оправдание, признание в рамках определенных субкультур. Постепенно размывается высокий стиль, большая традиция советской эпохи: «Первоначально этот шокирующее общество прорыв нового содержания в поведении, образе мысли и т.д. происходит в узкой среде, в отдельных группах, воспринимающихся по отношению к культуре в целом как контркультурами. Если бы традиционное общество по инерции сохранялось и не переживало ситуации перехода, то поведение таких индивидов продолжало бы оцениваться как отклоняющееся»⁴⁸².

В социокультурной сфере позднего советского общества восторжествовали цинизм и безверие, усталая усмешка и терпимость к иному, отход от мессианства,

479Текст Хвостенко А. Л., исп. Гребенщиков Б. Г.

480Амальрик А. Записки диссидента / Пред. П.Литвинова. М.: Слово. С.41.

481Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. 3-е изд. М.: Новое лит. обозрение, 2001. С.58.

482Хренов Н.А. Культура в эпоху социального хаоса. М: УРСС, 2002. С.204.

жертвенности, от попыток воссоздать на земле праведную, должную жизнь за пределами истории. Дух поздней советской эпохи лаконично выразил И. Бродский в стихотворении 1972 года: «Если выпало в Империи родиться, / лучше жить в глухой провинции, у моря. / И от цезаря далеко, и от вьюги. / Лебезить не нужно, трусить, торопиться. / Говоришь, что все наместники – воруи? / Но воруи мне милей, чем кровопийца»⁴⁸³. Маргинальные, индивидуалистические, выходящие за границы нормы новаторские стили мироощущения и жизни в последующую историческую эпоху осуществили скрытые возможности, показали способность к достижению референтных статусов – «дух русского капитализма возродится в России не из протестантской этики (которой в России не было, нет и скорее всего не будет), а из художественного сознания»⁴⁸⁴.

К 80-м годам XX века значительно изменился и социальный состав советского/российского общества, возросло количество интеллигенции и горожан во втором-третьем поколении. В период угасания советской империи городское общество и, соответственно, городская культура смогли в массовых масштабах развиваться в университетских городах-миллионниках, но прежде всего в главных имперских центрах – Москве и Ленинграде. Именно это обстоятельство во многом ускорило крах СССР, поскольку его идеология, система и методы управления были рассчитаны на более примитивную и менее образованную социальную среду. По иронии истории, как только массовый советский человек стал более образован и «многосторонне» развит, как только он обзавелся отдельными квартирами, личными библиотеками и радиоприемниками – Советский Союз перестал соответствовать его жизненным потребностям.

Разрушение советской цивилизации – это время распада старого и рождение нового порядка, еще не успевшего структурироваться, получить статус нормы. В постсоветский период возникло напряжение между адаптационными возможностями институциональной, ценностно-нормативной систем и взрывом социокультурной динамики, творческой потенцией хаоса, порождающего новые смыслы, ценности, модели поведения. В ходе ускорения модернизационных процессов общество сталкивается с прогрессирующей социальной аномией, «девальвацией общественных норм и процедурных отношений, выдвижением новых индивидуальных и групповых целей и требований»⁴⁸⁵.

Потерявшее конвенциональную природу социокультурное пространство наполнилось причудливым переплетением реальных и химерических возможностей, легких денег, неустойчивых, текучих социальных ролей (примерю «на себя» социальные роли предпринимателя, банкира, брокера). Вопрос о степени адекватности актера заявленной роли решался в игре по максимально высоким жизненным ставкам. Ощущение призрачности, неустойчивости жизни порождало острое желание жить «сегодня», «завтра» приобрело привкус маргинальности («есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь»). Произошла дивергенция ценностно-нормативной системы, когда ни один из ее элементов не мог более претендовать на универсальную нормативность. Процессы деконструкции советского институционального пространства, перехода к новым институтам, нормам, ценностям, жизненным практикам достаточно болезненны: «В обществе, где рушатся институты, сразу же заявляет о себе „атомарная агрессивность“,

483Бродский И. Письмо римскому другу (Из Марциала) // Сочинения Иосифа Бродского. Т. III. Издание 2-е. СПб.: Пушкинский фонд, 1998. С. 11.

484Парамонов Б. Поэт как буржуа // Конец стиля. СПб.: Алетейя; М.: АГРФ, 1999. С. 106.

485Соловьев Э.Г. У истоков российского консерватизма // Политические исследования. М., 1997. №3. С. 137.

приобретающая характер „борьбы всех против всех“»⁴⁸⁶.

Должное в течение столетий интегрировало общество и давало российскому, а впоследствии и советскому человеку переживание принадлежности к социальному целому. Смерть Должного стала серьезным дезинтегрирующим социокультурным фактором, вызвала шок экзистенциального отчуждения, который принял в России затаенный характер. Естественный в данной ситуации процесс внутренней стратификации и дробления общества его частью воспринимается как нечто отрицательное, вызывающее скорее хаос и деструкцию. Часть наших сограждан пытаются вновь обрести утраченное единство посредством обращения к старым/новым идеологическим химерам, своеобразным «симулякрам» Должного, но это лишь его последние арьергардные бои.

Период 1990-1993 годов явился временем революционным, временем радикального ускорения исторической и социокультурной динамики. Произошли серьезные сдвиги в ценностно-нормативной системе российского общества. Государство больше не могло выполнять свою традиционную патерналистическую роль: «В числе основных причин происходивших сдвигов было массовое разочарование в возможностях государственного патернализма, ощущение несоответствия происходящего должному»⁴⁸⁷.

«Свобода приходит нагая, / Бросая на сердце цветы. / И мы, с нею в ногу шагая, / Беседуем с небом на „ты“... / Пусть девы сплут у оконца, / Меж песен о древних походах, / О верноподданном солнце, / Самодержавном народе»⁴⁸⁸, – в XX веке Россия жила в условиях свободы, перераставшей в анархию, в интервале Февральской – Октябрьской революций. Второе пришествие свободы длится уже более десяти лет, несмотря на наметившийся в последние годы ренессанс социокультурной нормативности. В 90-е годы государство отказалось от претензий на обладание монополией нормативного знания о мире и человеке. Человек остался наедине с самим собой, своими приватными заботами, возрастным циклом, профессиональной самореализацией, т.е., по существу, исчез своеобразный барьер, отделяющий, защищающий от реальности, отвлекающий от экзистенциальности жизни. Отвлечению от ужаса быстротекущей жизни служили эмиграция и жизнь в СССР, членство в КПСС и диссидентство, чтение художественной трилогии Л. И. Брежнева и самиздата, – этот ряд можно продолжать достаточно долго. Действие и недействие, в иной ситуации являющиеся делом сугубо частным, воспринимались как поступок, имеющий не приватное, а публичное, общественное значение. Сколько возможностей бегства от себя, коллективного сопереживания, соучастия, какова масштабность и обилие жанров, от драмы до фарса, разыгрываемого социального спектакля.

С исчезновением советского порядка, на протяжении более чем семидесяти лет выражавшего Должное, для государства стало достаточно проблематично поддерживать элементарные формы порядка вообще. Россия вошла в область предельной свободы, где деконструкция внешнего контроля над личностью лишь отчасти компенсируется усилением ее внутреннего локуса контроля, радикализуется социокультурный хаос, происходит общее ослабление нормативности, уменьшение дееспособности структур государственной власти, сопровождаемое слабостью формирующегося гражданского общества. Социокультурное пространство страны в этот период оказалось пронизано разновекторными, хаотическими импульсами, но

⁴⁸⁶Цит. по: Руткевич А. М. Теория институтов А. Гелена // История философии. М.: ИФРАН, 2000. №5. С.54.

⁴⁸⁷Пантин В.И., Лапкин В.В. Ценностные ориентации россиян в 90-е годы // Pro et Contra. 1999. Том 4. №2. С. 148.

⁴⁸⁸Хлебников В. Из цикла «Война в мышеловке» // Творения. М.: Сов. писатель, 1986. С.461.

именно в переходные периоды в культуре и обществе открывается максимальная степень свободы для инноваций, конкурентного отбора, борьбы за будущее, за возможность перехода отдельных инновационных элементов в конвенциональную модальность. В последующем происходит стереотипизация инноваций, которые сочетают определенную преемственность в отношении социокультурной традиции с инструментальной эффективностью на новом этапе исторической и социокультурной динамики.

У части наших соотечественников постсоветские трансформации вызвали шок, широкое распространение получил процесс социальной аномии, хотя именно такого развития событий следовало ожидать изначально. У части общества, проигравшего в результате изменений последнего периода, накопилась значительная отрицательная энергия, направленная против постсоветских реформ, воспринимаемых как одна из форм деструктивного развития, разрушающего легитимную в рамках отечественной социокультурной традиции ценностно-нормативную систему российского общества.

Теперь, чтобы сказанное было более наглядно, несколько слов о нашей общей интеллигентской родословной. Начиная еще с модернизационных трансформаций Петра I, новое европеизированное общество в России создавала государственная власть, извлекая из европейской культуры и прививая в обществе только то, что могло служить ей для достижения собственных целей. Общество выборочно усваивало те европейские по своему происхождению ценности, которые отбирала для него власть, поэтому и «усвоенные... ценности накрепко связаны в общественном сознании с властью»⁴⁸⁹. Эта пуповина, связывающая образованное русское общество с имперской властью, ослабла только во второй половине XIX века, но эта дореволюционная интеллигенция была после большевистской революции 1917 года частью уничтожена, а часть оказалась в изгнании. Большая часть новой советской интеллигенции, социально происходящая из крестьянства и рабочих, оказалась накрепко спаянной с имперской властью. Для нее СССР уже не тюрьма народов и успехи первого в мире государства рабочих и крестьян – это ее успехи.

Насколько крепкой оказалась эта спайка, видно на примере постсоветского периода нашей истории, когда именно интеллигенция в наибольшей степени оплакивала Советский Союз, начиная с середины 90-х годов все более дрейфуя в направлении левого фланга российского политического спектра. Оказалась, что советская интеллигенция всю жизнь работала на имперское государство. И когда этого государства не стало, с прискорбием выяснилось, что в новых для страны условиях «каждый индивид обязан повышать свою способность быть нанятым и расширять портфель своих проектов (планов). Если кто-то по каким-то причинам не способен к этому, он быстро маргинализируется и исключается из социальных связей, перемещаясь в определенную страту, что снижает способность восприятия нового и предложения проектов»⁴⁹⁰. Когда не стало советского имперского государства, то у постсоветского интеллигента не стало не только гарантированного источника материального существования, но и пропало ощущение собственной значимости, причастности к великим стройкам и иным свершениям эпохи.

Оказалось, что надо зарабатывать деньги, надо уходить из курилок НИИ, от кульманов конструкторских бюро, надо предлагать обществу только такой интеллектуальный и материальный продукт, какой оно согласно купить. Это ли не драма для российского интеллигента, ведь так не хочется всей этой грязи и мельтешни, лучше возопить к Власти: дайте заказ на новую идеологию,

489Гудков Л. Нет, я не этот, я другой // Знание – сила. М., 2000. № 2. С.26.

490Келлер Я. Модернизация – гуманизация общества или коррозия бытия?: Критические заметки о теории модернизации // Социс. 2002. № 7 (219).С.51.

национальную идею, хоть какой-нибудь заказ, только избавьте, избавьте нас от необходимости самим зарабатывать деньги, мы хорошие, мы больше не будем плохо говорить о Вас на кухнях, и тем более в средствах массовой информации. А потому – да здравствует КПРФ и/или неоимперская власть, которая одна может приглубить и пожалеть, дать кусок хлеба насущного и полузабытое уже ощущение собственной значимости. Часть постсоветской интеллигенции алчет нового/старого «порядка», причем этот «„порядок" чаще сочетается со словами „любой ценой". Соответственно, такой порядок может навести только „твердая" рука, жесткий, несгибаемый лидер»⁴⁹¹. Но если так искренне что-либо просить – можно и получить искомое, и уже, кажется, получили.

Не только у части интеллигенции, но и у более широкой части российского общества возникла устойчивая дихотомия, предполагающая выбор между свободой, редуцируемой к анархии, и безопасностью, воспринимаемой как авторитарный порядок. «Реакция всегда и везде составляет неизбежное последствие появления на сцене крайних элементов; это общий исторический закон. Вопрос заключается в том: какова реакция и как она действует? Восстанавливает ли она только то, что нужно, опираясь на здоровые и умеренные силы общества, или она, в свою очередь, впадает в крайность и тем самым вызывает новые колебания?» (курсив наш. – С.Г.)⁴⁹².

В начале 90-х годов многим в стране и за ее пределами казалось, что вот, еще немного, и Россия станет либеральным европейским государством. И именно тогда гражданское общество готово было защищать власть, люди чувствовали, может быть, впервые за всю свою жизнь внутренние обязательства перед ней. Так было в августе 1991 года, так было и в октябре 1993-го, когда граждане пришли к зданию Моссовета и были готовы защищать Кремль, защищать свою российскую власть. Это удивительное чувство того, что власть своя, продержалось недолго, примерно с августа 1991-го по конец первого срока президента Б. Н. Ельцина. Потом были события в бывшей Югославии, бросок российских десантников на Приштину⁴⁹³, уход министра иностранных дел А. Н. Козырева.

Власть снова заигрывала с русским империализмом, перекрашивалась в имперские тона, узкая трещина между теми, кто считал эту власть своей и самой властью постепенно превращалась в пропасть. Власть, говорящую на нашем языке, можно было не то чтобы простить, но попытаться понять даже в августе 1998 года. Но власть, которая вообще не хочет говорить с обществом в режиме диалога, предпочитая монологи на пока еще полуэзоповом языке русского империализма, «зачищающая» средства массовой информации и приступившая к ползучей национализации, – столь же чужая для гражданского общества, как и власть марсиан, шагающих по земле на своих боевых треногах, изображенная в романе Г. Уэллса «Нашествие марсиан», это другой язык, другие ценности, другое отношение к человеку. И сегодня на исторической сцене в России остались, в соответствии с Должным, две противоположные силы: непуганное поколение свободы, социализировавшееся в свободные 90-е, и призрак мертвой империи – простиершийся над своим душеприказчиком – властью.

И здесь не надо обольщаться присутствию в ее не совсем еще стройных рядах

⁴⁹¹Общественное мнение России: Отчет о результатах исследований в 2000-2001 гг. / Сост. А. В. Милехин, Н. П. Попов. М.: Изд-во Моск. ун-та. 2001. С. 13.

⁴⁹²Чичерин Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия // О свободе: Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 515.

⁴⁹³Бросок, который вполне мог повлечь за собой лобовое боестолкновение с английскими и американскими военными силами НАТО с вполне предсказуемыми, но от этого не менее трагическими последствиями.

условного человека в очках и стильном галстуке, обладающего к тому же хорошим интеллектом и высокими профессиональными качествами. Любой системе свойственна внутренняя самоорганизация, стремясь к однородности, она со временем отторгает от себя все чужеродное. Вспомним, с каким искренним наслаждением после ареста М. Н. Тухачевского его недавние коллеги топтали скрипку, которую так любил красный командир. Ах, кто знает, если бы это была хотя бы гармошка, тогда, может быть, все бы обошлось, и с ней, и с М. Н. Тухачевским вообще. Референтные представители системы на животном, физиологическом уровне чувствуют, кто свой, а кто чужой, и здесь не спрятаться, не скрыться, можно сколько угодно коверкать русский язык, как это было принято в советский период в высших эшелонах власти, делать по три-четыре-пять ошибок в словах «интенсификация сельского хозяйства», – не поможет.

Есть внутренняя логика развития системы, переломить которую очень трудно, когда говорят «А», далее следует «Б» – далее везде, и так до конца алфавита. Как нельзя быть «немного беременной», так нельзя сохранить элементы самой демократии в ее «управляемом» конструкте. Логика феодально-имперской системы требует воскрешения Должного и поэтапного перевода всех дискуссий с обществом на язык спецслужб и армейского спецназа. Проходящий на таком языке «диалог» с властью для общества заведомо проигрышен, ведь гражданские люди учились и умеют учить и лечить детей и взрослых, строить дома, управлять бизнес-структурами, писать книги и статьи, но заведомо не учились и не умеют хоть как-то противостоять «спецназу ГРУ»⁴⁹⁴. Для общества «диалог» на таком поле губителен, являясь лишь крайним, отчаянным средством, вспомним аэропорт «Звартноц» в Армении, вильнюсский телецентр и многие другие точки «диалога» власти и общества при М. С. Горбачеве⁴⁹⁵. Для власти такого рода диалог может показаться вполне приемлемым, сила на ее стороне, но сколь устойчивой окажется созданная в результате проведения ряда успешных дискуссий такого рода политическая конструкция, – вопрос, по меньшей мере, открытый. Но вернемся к нашему не столь далекому советскому прошлому. Советская империя классического (сталинского периода) была страной, где феодализм/квазифеодализм развивался, постепенно приобретая более развитые формы. В этом смысле КПСС была действительным авангардом советского общества, поскольку воплощала в себе высшую форму его феодальной/квазифеодальной самоорганизации. Стараясь установить и сохранять контроль над всеми сферами жизни, КПСС «перековывала», перевоспитывала доставшегося ей в наследство докапиталистического российского человека, вписывая его в иерархические порядки феодального/квазифеодального по своим основаниям общества. КПСС апробировала на своих членах и структурах и впоследствии распространяла на все общество отношения и институты, существовавшие в Европе уже в эпоху Средневековья. Все более развитой и многоступенчатой становилась система вассалитета⁴⁹⁶, формировались внутренние поведенческие кодексы и корпоративная мораль, сословное право, развивались формы феодальной ренты, вырабатывались формы гармонизации клановых и общегосударственных ценностей и т. д. Главным же в этом процессе стало прогрессирующее уменьшение с 1953 года доли государственного рабства, опираясь

494В данном случае собирательный образ спецназа силовых структур.

495Сказанное отнюдь не умаляет личный вольный/невольный вклад последнего Генерального секретаря ЦК КПСС и первого президента СССР в процесс демонтажа советской империи и власти коммунистической партии.

496 Вполне в феодальном духе складывались отношения между центром и союзными республиками в послехрущевский период нашей советской истории, когда их руководство в обмен на лояльность в отношении центра получило относительную автономию в различных областях жизни.

на которое веками стояло имперское государство.

Сами феодально-крепостнические институты в значительной части пережили переходный период 90-х годов прошлого века, в частности, либералы-реформаторы, одно время бывшие у власти, фактически не решились отменить институт прописки⁴⁹⁷ переименовав его в институт регистрации и сохранив практически тот же объем ограничений. Если рассматривать институт прописки как нефункциональный атавизм советской эпохи, его не только формальная, но и содержательная отмена была бы, скорее, делом времени. Но этот институт является одной из ключевых форм контроля населения со стороны Власти, он способствует поддержанию феодального порядка.

Самым активным образом карательные возможности института прописки использовались Властью в советский период нашей истории. Частью этой практики были высылки москвичей на 101-й километр, а в апреле 1968 года, вскоре после процесса Гинзбурга-Галанскова, ЦК КПСС предложил изменения в закон о прописке, позволяющие горсоветам «...без предварительного наложения административного взыскания аннулировать прописку лиц, занимающихся антиобщественной деятельностью, допускающих клеветнические измышления, подстрекающих антиобщественные элементы к политически вредной деятельности, провокационно ведущих себя по отношению к органам власти... Удаление лиц, указанных в настоящем постановлении, производится в 24 часа с момента вынесения решения об аннулировании прописки»⁴⁹⁸.

Еще одной очень важной, сохраняющейся по сей день феодальной институцией является сохранение всеобщей воинской повинности. С точки зрения военной целесообразности, сохранение этой институции не только не нужно, но и вредно. Конкурировать с высокопрофессиональными вооруженными силами развитых государств модерности такой армии крайне трудно. Дело в том, что владение современными методами ведения войны и профессиональное использование сложнейших систем вооружения требует совсем не меньшего профессионализма, чем работа в высокотехнологичных гражданских отраслях экономики. Процесс качественной подготовки военного специалиста должен просто перекрывать установленный законом временной интервал военной службы по призыву. Очевидно, что в данном случае решение собственно военных задач вполне периферийно, главный смысл сохранения всеобщей воинской обязанности заключается в массовой социализации мужского населения страны, «перековке» стихийного догосударственного человека.

В армию по призыву, а пока и на контрактной основе, в основном приходят менее образованные и социально успешные молодые люди, представляющие слабо адаптировавшиеся к новым для страны условиям рыночной экономики слои населения. Уровень доходов в семье, физического и психического здоровья призывников, призываемых на военную службу, значительно ниже, чем у их сверстников, оставшихся «на гражданке». Часть из них не умеют читать и писать, не имеют даже начального образования, и армия в их жизни – первый государственный

⁴⁹⁷Институт прописки (приписки) существовал на просторах империи давно, и касался он не только беспаспортных крепостных крестьян, а в XX веке и советских колхозников, но и торгово-промышленных сословий российских городов. Так, А.И.Соженицын замечает: «Вообще по России (XVIII века. – С. Г.) все торгово-промышленное сословие (купцы и мещане) не пользовалось свободой передвижения, было прикреплено к месту приписки (чтобы отъездом своим не понижать платежеспособность своих городских обществ)». См.: Солженицын А.И. Двести лет вместе. 4.1 (1795-1995). М.: Русский путь, 2001. С.40.

⁴⁹⁸Цит. по: Буковский В. Московский процесс. М.: МИК; Париж: Русская мысль, 1996.С.113.

институт, с которым они сталкиваются «вплотную». Впрочем, часть призывников уже сталкивались с государством в лице его пенитенциарной системы. Выходцы из более успешных социальных страт имеют и большие возможности по легальному или не совсем легальному уходу от воинской службы.

Армия сегодня является, пожалуй, главным социальным институтом, встраивающим человека-«винтика» в феодальные иерархии, где он осваивает два базовых поведенческих сценария: сначала подчиненного, затем начальника. По своей форме армейская социализация доходит временами до чудовищно гипертрофированных проявлений, включая балансирование человека на грани жизни и смерти, жесточайшие методы адаптации к «правилам игры» системы. Когда в 60-е годы XX века начался затяжной процесс девальвации Должного, а с ним и эрозия советской цивилизации, армейская инициация становится с каждым последующим десятилетием все более жесткой и почти невыносимой.

По изменению «правил игры» в армейской среде можно проследить за процессом девальвации Должного. Еще в 50-е годы прошлого века такого понятия, как дедовщина, в армии практически не было. Далее это явление набирает все большую и большую силу и размах, перерастая к концу советского – началу постсоветского периода нашей истории в чисто уголовные формы, два социальных института – армия и тюрьма – максимально сближаются. У этих социальных институтов есть и содержательное, целевое совпадение, поскольку обе они служат социализации наименее социализированных, наиболее догосударственных общественных слоев. Так, абсолютную антисоциальность маргинальных элементов, отвергающих как советские символы, так и власть в целом, отмечает В. К. Козлов в отношении ряда участников «антисоветских» выступлений 50-60-х годов XX века: «Если и была в их выкриках и высказываниях „идеология“, то идеология прежде всего антигосударственная – с такой же страстью они отвергали бы принципы и атрибуты любой власти»⁴⁹⁹.

Столь высокий статус этой формы социализации базируется на феодальных основах, в государствах исторического протагониста империи, западной цивилизации, эти формы социализации имеют куда меньшее значение и проводятся в куда более гуманных формах. Основную роль в процессе социализации играет система образования, вплоть до подготовки за государственный счет сотен тысяч искусствоведов, которые заведомо не смогут быть использованы по специальности, но присутствие которых в обществе резко повышает его человеческое качество. Вернувшись к реалиям нашей жизни, отметим еще один важный момент: ежегодный принудительный набор юношей, часть из которых погибает в результате неуставных отношений, травматизма и т. п., напоминает одновременно и архаический институт человеческих жертвоприношений, и феодальный оброк, который общество платит Власти.

Падение власти КПСС не означало падения феодального порядка «по всему фронту», но означало истощение его источника. Несущий каркас феодальной организации сохранился в скрытых, полускрытых и замещенных формах, его частичное разрушение было воспринято обществом как наступление хаоса, хотя настоящего хаоса, сопоставимого с цивилизационным сломом 1917-1921 годов, в России не было. Интеллигенцию шокировало, прежде всего, то обстоятельство, что главным действующим лицом драмы под названием «Смерть Должного» стал отнюдь не либеральный интеллигент⁵⁰⁰, как можно было предположить в

499Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. С. 207-208.

500Впрочем, это отчасти тоже полемическое упрощение. Значительная часть успешных российских бизнесменов, прежде всего крупных, была выходцами именно из среды интеллигенции, имея хорошее естественно-научное или, реже,

позднесоветскую эпоху, а постсоветский «номад» – кочевник, варвар.

В начале 90-х годов XX века этот не очень симпатичный социальный тип почувствовал себя подлинным хозяином жизни. Здесь, пожалуй, уместно вспомнить описание А. Изгоевым состояния общества в годы Гражданской войны в России, в котором мы видим разительное совпадение с постсоветским периодом нашей истории: «Никогда в обществе социальные связи не были столь слабы, столь надорваны, как во времена официального царства социализма. Человек человеку волк – вот основной девиз этих страшных дней»⁵⁰¹. Языческое стремление к воле как анархии, воле, не сдерживаемой никакими законами, столь долго сдерживаемое феодальным порядком Должного, наконец, выплеснулось наружу. Однако самые страшные сценарии, включающие Гражданскую войну, насильственный распад России, масштабный разгул бандформирований – не состоялись. Никем всерьез не сдерживаемый «номад» за годы советской власти успел достаточно «окультуриться», чтобы не разрушить сами основы цивилизационного существования: он уже оказался способен жить «по понятиям».

Наиболее действенная и зримая форма социальной самоорганизации осталась, по существу, феодальной, трансформировавшись от макроструктуры большого имперского общества к конгломерату локальных клановых образований. Мы по-прежнему имеем дело сегодня со старыми и неэффективными имперскими институтами, а в качестве важнейшей несущей конструкции социального порядка выступают локальные криминально-чиновничьи кланы. Особенности постсоветского периода нашей жизни заключаются в том, что именно этим самоорганизующимся структурам пришлось заполнять собой лакуны, образовавшиеся в результате падения советской империи. Наше общество, уже давно приученное жить по неформальным правилам поведения, в современном русском языке обозначенным как «понятия», без особых колебаний приняло этот вариант стихийного, полуанархического квазифеодализма.

Тем не менее, несмотря на то, что далеко не все получилось так, как виделось из 80-х, мы рассматриваем 90-е годы прошлого века как период либеральной модернизации. В этот период страну буквально захлестнул поток либеральных по своему изначальному содержанию инноваций, чуть ли не впервые в нашей истории были отменены почти все цензурные ограничения на распространение информации, кроме, естественно, ее части, связанной с военной областью. Инокультурные инновации совершенно свободно конкурировали с элементами, воспроизводимыми в рамках отечественной социокультурной традиции, чуть ли не впервые и в этой деликатной области все решал естественный отбор, отбор по степени эффективности и конкурентоспособности.

В реалиях нашей повседневной жизни многое изменилось, но социологи, политологи и экономисты несколько поторопились, объявив Россию правовым государством с рыночной экономикой и необходимыми атрибутами либерального общества. Переход такого масштаба, тем более отягченный деконструкцией Должного, не может уложиться в десять-пятнадцать лет, вспомним, что Западной Европе для этого перехода потребовались столетия. Постсоветский период и так

гуманитарное образование. О социальном происхождении и уровне образования крупных российских бизнесменов см., напр.: Крыштановская О. В. Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия // Мир России. М., 2002. Том XI. № 4. С. 3-60. А на поверхность жизни вышел несколько карикатурный тип «бизнесмена», чьи манеры и отношение к жизни послужили неисчерпаемой темой для анекдотов первой половины 90-х годов.

⁵⁰¹Цит. по: Кара-Мурза А. Либерализм против хаоса (Основные интенции либеральной идеологии на Западе и в России) // Между «Империей» и «Смутой». Избранная социально-философская публицистика. М.: ИФРАН, 1996. С.48.

успел вместить в себя очень многое, пока⁵⁰² нам удавалось избегать худших возможных сценариев нашего будущего, и все это во многом произошло благодаря модернизационному этапу советского периода.

Отметим одно крайне важное в рамках нашего дискурса обстоятельство: «Девяностые годы стали периодом, когда курс диктовали экспортеры сырья и импортеры товаров народного потребления. Сложился новый сектор элиты. Далекий от ВПК по своим целям и интересам, он, не из идеологических побуждений, нет, поощрял свободную внешнюю и внутреннюю торговлю, политику союза с Западом – своим стратегическим торговым партнером. Он не из пацифизма отвернулся от армии и от военной промышленности. Столь же закономерно он не жаждал создания и своей гражданской индустрии»⁵⁰³. Это позволило значительно нарастить инновационный сегмент, представленный новыми технологиями, нормами, ценностями, институтами в рамках нашей социокультурной системы.

Количество в той или иной форме прижившихся или просто принятых к сведению инноваций было столь значительно, что это позволяет говорить о формировании либеральной альтернативной системы, анализировать ее способность (или неспособность) при благоприятных обстоятельствах и наличии исторического времени занять доминирующее положение, сменить имперско-феодальную систему. Но на главный вопрос о том, приведут ли либеральные инновации последних пятнадцати лет к качественной трансформации общества или будут ассимилированы по обычной инверсионной схеме имперской моделью и сменятся очередной имперской модернизацией, пока еще нет ответа.

Сегодня, тем не менее, все более явственно проступают контуры будущего постреформенного космоса, формирование которого во все большей степени определяется логикой термидора, поскольку в последние несколько лет явственно определилось искушение имперской моделью модернизации, развития страны по квазиимперскому пути, который, естественно, требует и совершенно определенной идеологии. Этот путь развития оказывается для власти ближе, роднее, инстинктивнее, воспроизводясь как бы сам собой, обрастая семантикой новых/старых идеологических опосредований.

А. Белый охарактеризовал театральные искания в контексте схожей ситуации, сложившейся в России после завершения русско-японской войны и первой русской революции, его определение тематически выходит за театральные рамки, в поэтической форме представляя глубинные характеристики современного российского социокультурного пространства: «В обстановке распада, наблюдающегося в настоящее время в России, единственное, чего удастся достичь, – это вязкая смесь социализма с индивидуализмом, игра в синестезию, вплоть до ароматических эффектов и „козловака“, варварских похотливых плясок на разбитых останках цивилизации»⁵⁰⁴.

При приближении к конвенциональному для традиционалиста состоянию «порядка» приобретают сугубо декоративный характер институты представительной демократии, нарушается система сдержек и противовесов, власть все более отчетливо начинает концентрироваться в руках одного лица, клана, партийной верхушки. На этом этапе властной элите необходима идеология, примиряющая большинство общества с наличным материальным положением, позволяющая сублимировать в своих интересах энергию, которая по разным причинам не может

⁵⁰²Пока этих худших сценариев избегать удавалось, но далеко не очевидно, что это будет получаться и в дальнейшем.

⁵⁰³Левинсон А. Русский маятник. Между свободным рынком и тотальным контролем // Эксперт. 1998. №32. С. 17.

⁵⁰⁴Цит. по: Пайман А. История русского символизма / Авторизованный пер. с англ. В. В. Исакович. М.: Республика, 2000. С. 280.

быть использована человеком для самореализации в горизонтальной плоскости материального бытия⁵⁰⁵.

С точки зрения формальной логики, сегодня достаточно трудно определить, что же происходит в стране, модернизация или реставрация? Оставаясь в пределах традиционного понимания модернизации, ответить на этот вопрос невозможно. Вновь говорить о загадках русской ментальности, по меньшей мере, непродуктивно, поскольку вполне своеобразная, обладающая собственной спецификой ментальность есть и у других народов. Мы полагаем, что с точки зрения имперской модели модернизации, все происходящее обладает определенной внутренней логикой. В последние три-четыре года происходит внешне хаотичный, но внутренне вполне организованный процесс заимствования технологий, отношений, фрагментов либеральной цивилизации модерности, тех ее компонентов, которые возможно использовать в целях реставрации и укрепления имперских оснований системы. Так было и в 1917 году, когда империя обновилась при помощи модной тогда западной социально-экономической теории, приспособленной большевиками к решению собственных задач.

Ожидает ли нас очередной период модернизации, когда ее имперский элемент является доминантным, а либеральный лишь дополнительным и компенсаторным, побочным продуктом ее имперского этапа? Ответ «да» буквально носится в воздухе, новые аргументы в его подтверждение чуть ли не каждый день можно привести из различных областей жизни общества. Тем не менее мы полагаем, что говорить о наступлении длительной и доминирующей фазы имперской модернизации не совсем корректно по ряду обстоятельств: «Бюрократия и буржуазия едва ли не впервые в отечественной истории плотно срослись, проникли друг в друга. Крупные владельцы обзавелись небывалым политическим влиянием, а крупные чиновники – небывалыми капиталами. Этот фактор будет сглаживать различия между фазами и ускорять их чередование»⁵⁰⁶. Фаза торжества госбюрократии, о которой говорит автор, во многом содержательно совпадает с имперской фазой модернизации, разбавленной в данном случае сращением власти и бизнеса, размыванием государственных идеологий, отсюда во многом вытекает и амбивалентный характер современных модернизационных процессов.

Изменения, происходящие на глубинном уровне, позволяют предположить, что Россия имеет исторический шанс закрепиться как неимперское национальное государство. Империи не вечны, за рождением следуют детство, отрочество, юность, зрелый возраст и, наконец, старость, дряхление, немощность и смерть, то есть изменение базовых оснований социокультурной системы. Мы полагаем, что уже в ближней и среднесрочной перспективе амплитуда колебаний между имперской и либеральной моделями модернизации будет сокращаться, поскольку угасшая эсхатологическая идея не имеет внутренних источников для самообновления. Идеократический проект закончился, практически никто больше не верит в возможность мистического прорыва в рай и не намерен жертвовать осязаемыми земными ценностями ради лозунгов и эсхатологических мегапроектов.

В то же время подавляющая часть наших сограждан использует докапиталистические хозяйственные адаптационные стратегии, которые в лучшем случае могут обеспечить минимально необходимые условия лишь для биологического выживания. Сохранение некоторого эскапизма в отношении горизонтальной плоскости бытия при отсутствии выраженной эсхатологической идеи,

505Подробнее см.: Гавров С. Н. Модернизация: от вертикального к горизонтальному измерению бытия // Ученые записки. Выпуск 25. М.: МГУКИ, 2003. С. 49-58.

506Левинсон А. Русский маятник. Между свободным рынком и тотальным контролем // Эксперт. 1998. №32. С. 17.

которая вполне могла бы компенсировать провалы и разочарования в земной жизни, ослабляет саму мотивацию к продолжению жизни. Так, «ученые считают, что причина раннего ухода из жизни кроется в отсутствии зримых перспектив развития индивида. Бесцельность существования приводит к очень низкой ценности жизни и отсутствию подсознательного стремления ее продолжать»⁵⁰⁷. В статье, написанной на материале социологических исследований, проведенных в России в рамках Программы развития ООН в 2002-2003 годах, отмечается, что «беднейшие российские регионы, среди которых Псковская и Ивановская области, а также Еврейская автономная область и Республика Тыва, в общемировом рейтинге и вовсе сопоставимы с Вьетнамом и некоторыми африканскими странами»⁵⁰⁸. В каком-то смысле получается подобие заколдованного круга, когда реальная бедность региона подталкивает людей к использованию примитивных докапиталистических стратегий выживания, а ментальная склонность к применению этих стратегий усугубляет бедность человека и территории.

Если бы идеалы в России просто сменились интересами, как это произошло сначала в Западной, а затем и Восточной Европе⁵⁰⁹ то это было бы не финалом, а системной трансформацией культурно-цивилизационного качества. Но здесь усиления «сектора интересов» в ментальности хватило на достижение определенного уровня деидеологизации, но не на формирование системно структурированного общества буржуазно-либерального типа. При нашей исторической и социокультурной наследственности на его формирование нужно куда большее историческое время, чем последние пятнадцать лет нашей истории. Реализация частного интереса по-прежнему осуществляется вопреки сохраняющейся в инерционном режиме феодально-идеократической парадигме. Тенденции здесь достаточно разнородны, различные опросы общественного мнения дают вполне противоречивую картину, в том числе свидетельствующую об активизации процесса по замене идеалов на интересы. Так, в ходе социологических исследований, проведенных в рамках «Томской инициативы»⁵¹⁰ выясняется, что «разрушение традиционного сознания (соответственно и разрушение Должного. – С.Г.) носит необратимый характер, а традиционные ценности присутствуют, главным образом, лишь на „парадном“ уровне»⁵¹¹.

507Власова О. Без воли к жизни // Эксперт. 2003. № 46. С.93.

508Там же.

509О предварительных итогах модернизационных трансформаций в Восточной Европе постсоциалистического периода см., напр: Аллард Э. Сомнительные достоинства концепции модернизации / Пер. с англ. Н. В. Романовского // Социс. М., 2002. №9 (221). С.60-79.; Келлер Я. Модернизация -гуманизация общества или коррозия бытия?: Критические заметки о теории модернизации / Пер. с чешск. И. П. Поповой, Н. В. Романовского. М.: Социс, 2002. №7 (219). С.48-53.; Махонин П., Кухарж П., Мюллер К., Тучек М., Гатнар Ј., Червенка Я. Трансформация и модернизация чешского общества: Модернизация – гуманизация общества или коррозия бытия? // Социс, 2002. № 7 (219). С. 32-48.; Юхлер Я. Достаточно ли «модернизации»? / Пер. с англ. Н. В. Романовского // Социс. 2002. № 8 (220). С. 71-76.

510Комплекс социально-психологических, социологических и политологических исследований, проведенных в 2001-2002 годах по инициативе как московских, так и томских ученых, преимущественно связанных с Томским университетом. Идея о проведении этих исследований была поддержана губернатором томской области В. М. Крессом. Так и родилась «Томская инициатива».

511Вызов Л.Г. Социокультурная трансформация российского общества и перспективы формирования неоконсервативной субъективности // Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред.

В постсоветский период страна переживает испытание миром. Потеряла статус императива идеология мобилизации жизненных сил государства и общества на защиту от внешней угрозы, занимавшая в советский период доминантное положение в ценностной иерархии. Испытание миром усугубляется испытанием деидеологизацией, отказом от глобальных проектов, изменением направления вектора общественного сознания от мессианских проектов и идеологий в сторону частной, локальной сферы человеческого бытия. После заидеологизированной жизни в СССР такое состояние необычно. У власти возникает вопрос, на каких основаниях можно сохранить хотя бы минимальный уровень интегрированности социума в условиях относительной свободы, автономности личности, достигнутого уровня гетерогенности ценностей, норм, жизненных стратегий.

Экономические, политические, культурные элиты страны в качестве возможного решения рассматривают конструирование интегрирующей национальной идеологии, в различных своих вариантах обращенной, как правило, к своим имперским прототипам. Характерно, что идеология постимперской эпохи носит ретроспективный, а потому выраженный упадочный и имитационный характер. Все говорят о «возрождении России» и никто не говорит о строительстве России новой. Какую именно Россию собираются возродить, Московскую Русь, Петровскую, Николаевскую, советскую?

Г. П. Федотов говорил в этой связи о том, что «одни видят Россию в монастыре, другие в орде Чингисхана, третьи в Петербурге последних Романовых. Нужно бояться дешевых лозунгов и узких точек зрения. Россия и то, и это, и многое другое»⁵¹².

Кроме того, в реальной истории ничего возродить не удавалось, удавались лишь более или менее удачные осовремененные вариации на заданную тему, об этом свидетельствует дошедший до нас исторический опыт. Вспомним слова известного теоретика консервативной революции Карла Шмитта: «Не Робеспьер, но Меттерних разбил монаршую корону. Бывает лишь саморазрушение, суицид. Реставрация – это специфический метод уничтожения и разрушения реставрируемого. Почему? Потому, что это саморазрушение. Итак, никаких реставраций! Ни церкви, ни государства, ни монархии, ни демократии, ни трона, ни алтаря, ни ушедших форм свободы, ни ушедших форм обязательства и власти»⁵¹³. Но миф доминантен, он не конкурирует с реальностью, согласно его «логике» можно восстановить все, что угодно, можно даже вернуться к язычеству Древней Руси, массовое сознание полагает все это вполне возможным. Подобно Византии, Россия пытается черпать силы из своего собственного прошлого, бесконечно возвращаясь к своей мифологизированной и фетишизированной истории и идеологиям, но «расцвет позвчерашних идеологий есть верный признак начавшейся агонии вчерашних идей. Этим и объясняется их бредовый, горячечный характер... попытки гальванизации идеологий всегда лишь обличают их окончательную мертвость»⁵¹⁴. У современной, сегодняшней России нет сколь-либо значимого исторического времени для продолжения политики неопределенности и избегания исторического выбора, продолжения амбивалентного притягивания и отталкивания от западной цивилизации модерности.

Рябов А. В., Курбангалеева Е. Ш. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. С. 45.

512Цит. по: Кара-Мурза А. А. Сотворение России. Лабиринты национального самосознания // Между «Империей» и «Смутой». Избранная социально-философская публицистика. М.: ИФРАН, 1996. С.51.

513Шмитт К. Глоссарий: Заметки 1947-1951 годов // Политическая наука: Типы власти в сравнительно-исторической перспективе: Проблемно-тематический сборник. Вып.3. М.: ИНИОН РАН, 1997. С.61.

514Степун Ф.А. Мысли о России // Степун Ф.А. Сочинения. М.: РОС-СПЭН.2000.С.388.

Смерть империи, исчерпавшей свои возможности практически во всех сферах социальной жизни, не сопровождается пока массовой деконструкцией имперского сознания. Переход от имперской к постимперской форме российской государственности, сопряженный с необходимостью устойчивого развития, предполагает замену экстенсивной стратегии жизни на интенсивную. Переход от господства старой системы к альтернативной системе либерального типа требует от российского общества глубинных трансформаций ментальности, возможно более полного усвоения опыта евро-атлантической цивилизации модерности.

Фундаментом империи не может служить широкомасштабное военное насилие, как не может она быть воссоздана и на инерционном сохранении страха перед Властью. Умершее Должное нельзя воскресить идеологическими доктринами, как невозможно восстановить имперский порядок, базируясь на исчерпанных эсхатологических идеалах. Попытка имперской реставрации, основанная на полномасштабном использовании силовых структур в условиях массовой коррупции, не может быть достаточно эффективной, хотя нельзя не признать, что сегодня тот, у кого есть ружье, существенно более прав, чем тот, у кого его нет. В течение всех 90-х годов незримым, но определяющим действия как власти, так и общества, был старый лозунг: нам бы ночь простоять, да день продержаться, историческое время спрессовалось в бесконечно длящееся настоящее.

Для такого мировосприятия были, естественно, и очень веские объективные причины, так, выдающийся российский экономист Е. Ясин приводит цифры инфляции в постсоветской России: «1992 год – 2660 процентов, 1993 год – 930, 1994 год... – 320. В 1995 году – 21 процент. Это был резкий сдвиг... 1997 год уже показал 11 процентов годовой инфляции»⁵¹⁵. Но уже в следующем, 1998 году, наступило время дефолта, более чем трехкратного роста курса доллара США, разорения ведущих коммерческих банков, нового раскручивания инфляционной спирали. Трудно сказать, был ли еще в новейшей российской истории период, когда люди в такой степени избегали формулирования долгосрочных планов, когда само будущее было бы столь поливариантно.

В течение всего постсоветского периода жила иллюзия возможности поддержания общественной стабильности, в принципе недостижимой в эпоху перехода от одной социальной, экономической, политической системы к другой. Мы видели в этот период стремление избежать определенного исторического выбора, приобрести блеск западных витрин и западного образа жизни вообще и не потерять при этом социальные завоевания социализма⁵¹⁶ по возможности сгладить остроту модернизационных процессов. В период после 1991 года можно было добиться большего продвижения в сторону усвоения либеральных ценностей, поскольку какие-то их элементы разделяли представители политически активного меньшинства российских мегаполисов. Но время было безвозвратно упущено, суд над КПСС не превратился во второй Нюрнберг, черта под тоталитарным советским прошлым была проведена пунктирно, одна нога здесь, другая там, да и вообще, нечего очернять нашу великую историю, советскую эпоху, полет Ю. Гагарина, коммунизм, который есть «молодость мира», да и выпавшую на разные периоды советской эпохи молодость советского человека вообще. Во многом в силу этого ментально-политического обстоятельства и либеральные экономические реформы начала-середины 90-х годов XX века страдали половинчатостью, для их полноценного проведения не хватало политической воли, но самым главным было если и не отторжение, то, во всяком случае, равносильное ему неучастие в реформах

515 Ясин Е.Г. Эта ужасная финансовая стабилизация // Знание – сила. 2001. №7. С. 50.

516 Так, очень долго никто из высшего руководства страны не мог внятно сформулировать, какой же все-таки строй мы сейчас строим.

значительной части общества.

В Восточной Европе освобождение от коммунизма началось раньше, было более плавным, процесс политического освобождения во многом совпал с процессом освобождения национального. Но главным отличающим фактором является давнее внутреннее изживание феодализма, этот процесс в бывших социалистических странах Восточной Европы к концу 80-х годов XX века был практически завершен. Есть, тем не менее, сближающее нас с восточноевропейцами обстоятельство – наши общие изменения в сознании⁵¹⁷. Антикоммунистические, антисоветские революции в Восточной Европе, произошедшие на рубеже 80-90-х годов XX века, выявили определенную закономерность, согласно которой ожесточенность противостояния между старой доминантной системой и новой дисистемой во многом определялась степенью укорененности первой в обществе. Иными словами, противостояние было тем более ожесточенно и кроваво, чем больше было в стране так называемого реального социализма, как, например, в Румынии, и чем меньше было означенного социализма, как в Чехии, Венгрии, Польше, – тем меньше противостояния, и как следствие, «бархатная» смена власти.

В России 1991 года Должное себя исчерпало, коммунистическая идеология потеряла возможность сколь-либо значимо воздействовать на реальную жизнь. Но «бархатный» характер нашей революции был, скорее, манной небесной. У нас не было ни профсоюза «Солидарность», как в Польше, ни пражской (московской) весны, как в Чехословакии 1968, когда лишь 7 (семь) человек вышли в Москве на Красную площадь, получив за этот акт мужественного действия годы лагерей и ссылки. Потом об этом пел А. Галич: «Можешь выйти на площадь, смеешь выйти на площадь, в тот назначенный час», и за несколько десятилетий до него в цикле стихов «К Чехии», о схожем, о спасении чести нации, в 1940-м году, когда в ту же Чехословакию входили колонны вермахта, находим у М. Цветаевой: «...Один офицер. / Из лесочка – живым манером – / На громаду – да с револьвером!.. / Понесена / Добрая весть, / Что спасена / Чешская честь! / Значит – страна / Так не сдана, / Значит – война / Все же была!»⁵¹⁸.

Семь человек это критически мало, социальный переворот не был выстрадан более или менее широкими слоями советского общества, он был выстрадан его абсолютным меньшинством, интеллектуальных, материальных сил которого не хватило на проведение полномасштабных либеральных преобразований. Во многом именно вследствие этого они оказались столь неустойчивыми, по-прежнему сохраняется соблазн имперской реставрации, невозможной без генерирования новой эсхатологической идеологии. История разворачивается не сама по себе, ее делают люди, которых не хватило для проведения качественных и эффективных преобразований в постсоветской России.

Вспомним оказавшиеся пророческими слова Томаса Манна, которыми он завершил речь к столетнему юбилею И. Гете, в предроковом для Германии 1932 году: «Кредит, который сегодня еще предоставляет история буржуазной республике, этот поистине краткосрочный кредит, основан на еще сохранившейся вере, что демократия и впрямь может сделать то, что будто бы, если верить их притворству, могут сделать ее рвущиеся к власти враги, а именно... перевести государство и

⁵¹⁷Так, жители бывшей ГДР по-прежнему имеют особую, отличающуюся от присущей бывшим жителям ФРГ ментальность, несмотря на четырнадцать лет объединения и лишь сорок пять лет раздельной жизни, начиная от деления на советскую, американскую и британскую зоны оккупации Германии.

⁵¹⁸Цветаева М. И. Один офицер: Из цикла «Стихи к Чехии» // Соч.: В 2 т. Т. I. Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения / Вступ. ст. Вс. Рождественского; Сост., подготовка текста и коммент. А. Саакянц. М.: Худ. лит., 1980. С.343-344.

экономику в новый мир»⁵¹⁹. В наших сегодняшних условиях этот кредит предполагает надежду на переход России к инновационной, постиндустриальной экономике, способной использовать интеллектуальные возможности как нашей системы образования, так и общества в целом.

I. Социокультурная ситуация

Слабость и неустойчивость либеральных завоеваний в 90-е годы ушедшего века проистекала отнюдь не от злокозненности власти. Наоборот, она рассчитывала на самоорганизацию граждан во всех сферах жизни. Российская власть в начале 90-х годов ожидала, что снятие прессы социалистической идеологии и резкое ограничение государственного вмешательства и контроля в различных сферах жизни общества приведут к спонтанному взрыву активности личности. Власть, по существу, рассчитывала на активного, достаточно образованного жителя крупных городов, прежде всего российских мегаполисов Москвы и Петербурга. Казалось, что творческих, энергичных, инициативных, образованных людей много и они смогут организовать свою жизнь, а через экономическую и политическую активность и жизнь общества к лучшему, привести ее в соответствие со стандартами, принятыми в наиболее развитых странах Европы и Северной Америки. Как мы видим теперь, эти надежды были слишком оптимистическими, а ожидания завышенными, причем проявилась эта переоценка практически во всем.

В сфере политики граждане должны были самоорганизоваться в политические партии, которые могли бы с большей или меньшей степенью эффективности отражать интересы этих граждан. С сожалением следует констатировать, что реального партийного строительства в постсоветский период нашей истории не получилось. В наследство от советского периода осталась партия старой власти, подсвеченная воспоминаниями о Должном – КПРФ, и возникли пока еще не полноценные партии, в лучшем случае их эмбрионы – Яблоко и СПС, прототипы партий, выражающих определенную идеологию. Остальные структурные образования, выступающие в роли партий, имеют своеобразную, неклассическую природу. Они являются продуктом интеллектуального творчества власти, власти, уже не окрашенной эманацией Должного, власти, которая может предлагать буквально любые названия, партийную структуру, партийную идеологию. Череду этих партий власти мы видели на парламентских выборах постсоветского периода. Не вдаваясь в их детальное, поименное рассмотрение, отметим лишь, что в основе их достаточно высоких электоральных результатов лежит инерционный эффект Должного. Должное умерло, но пока еще осталась инерция отождествлять себя с властью, желательно как можно более сильной, тогда и индивид, сливаясь с ней, ощущает сильным себя. Можно предположить, что по мере затухания инерционных линий Должного содержательное наполнение процесса партийного строительства будет меняться в направлении формирования в большей мере классических и массовых партий, но для этого нужно более длительное историческое время.

Инерционный след от различных субдискурсов Должного в еще большей степени проявляется и во власти. Так, говоря об особенностях президентской власти Б. Ельцина, И. Клямкин отмечает, что «с учетом российской властной традиции, целесообразнее было бы говорить о „выборном самодержавии"... Предлагаемое мною выражение лишь ставит нынешнюю власть в национальный исторический контекст и отражает унаследованные ею, хотя и в ослабленном виде, особенности»⁵²⁰.

519Манн Т. Судьба и задача: Статьи и письма / Пер. с нем. С. Апта. М.: Радуга, 1986. С. 145.

520Клямкин И. Российская власть на рубеже тысячелетий // Pro et Contra.

В постсоветские годы ослабление социокультурной нормативности способствует увеличению числа более естественных, «природных» индивидов, которым незачем сублимировать, поскольку остается все меньше запретов, задаваемых культурой, меньше социальной мотивированности научного, художественного творчества. Энергия, которая могла бы сублимироваться и использоваться в процессе служения Должному, расходуется на полноту повседневной жизни, осуществление личностной самореализации в открывшейся бесконечности возможностей потребления материальных и духовных продуктов, предлагаемых современным миром.

В условиях постсоветской России для российской культуры актуальны новые вопросы на тему: «Стоит ли Пушкин псковского оброка?»⁵²¹ то есть стоит ли «высокая культура» авторитарной государственной власти, цензуры, «железного занавеса», служения Должному? Нам представляется, что некоторое упрощение культуры, локализация ее элитного сегмента является приемлемой платой за расширение границ нормы, большую свободу самоосуществления личности, за смерть Должного. Очередной этап модернизации связан с ускорением длительного исторического процесса изменения российской ментальности. Радикализуется процесс замещения элементов ментальности, генеалогически восходящих к «вертикальному» измерению мира элементами, порождаемыми его горизонтальным измерением, предполагающий жизнеосуществление здесь и сейчас, в четко очерченных рамках земной жизни, примирение с «срединностью», мерой, холодом формальных правоустановлений, осознание невозможности, ненужности поиска рецептов всеобщего «спасения» мира и человека, смертью Должного. Свидетельством этого перехода служат массовость фантомных болей, глубина травматического шока, вызванных потерей чего-то куда более важного, чем более высокий уровень материальных условий жизни.

II. Система и диссистема. Сценарии и перспективы

Несмотря на слабую укорененность либерального проекта на российской почве, либеральные тенденции все же сформировали в России основу для формирования альтернативной системы. Она выступает пока еще слабым, но все же достаточно устойчивым противовесом доминирующей имперской традиции, сглаживая остроту неоимперских и авторитарных проявлений современного этапа модернизации/реставрации.

Процессы, явственно проявившиеся в постсоветский период, позволяют говорить об ослаблении феодально-имперской системы и активном формировании альтернативной либеральной системы. Главным фактором, способствующим этому процессу, является смерть Должного и, вследствие этого, происходящая переориентация общественного сознания с идеалов на интересы, способствующая изменению внутреннего баланса между имперской и либеральной составляющими модернизационных процессов. В течение 90-х годов XX века мы наблюдали тенденцию к возрастанию удельного веса либеральной составляющей при относительном уменьшении доли имперской компоненты модернизационных процессов. Но и в этой ситуации мы вынуждены признать, что имперская компонента по-прежнему сохраняет доминирующие позиции, значительно укрепившиеся в самые последние годы.

Тем не менее важна наметившаяся в 90-е годы прошлого века тенденция, способная, по меньшей мере, привести либеральную диссистему к паритету с имперско-феодальной системой, а при особо благоприятных исторических условиях, которые могут сложиться в среднесрочной перспективе, превратить ее в

1999. Том 4. № 2. С. 81.

521 Герцен А. И. С того берега // Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1986. С. 43.

доминантную систему. Мы придерживаемся твердого убеждения, что все попытки возродить, сделать более конкурентоспособной и эффективной феодально-имперскую систему могут привести лишь к большим временным срокам ее неизбежной агонии. Второй раз успешно повторить кровавый кульбит большевистской революции, влить старое/новое имперское содержание в новые формы – не удастся. На этот раз – руки коротки, то есть для политики имперской реставрации есть серьезные внутренние и еще более серьезные внешние ограничения. Рамки этих внешних ограничений задаются по большей части в сферах мировой экономики и геополитики⁵²².

Теперь от общих характеристик соотношения имперско-феодальной системы и формирующейся либеральной дисистемы перейдем к анализу их проявления в процессе адаптации наших сограждан к новым условиям жизни в постсоветской России. Рассмотрим наиболее актуальный для всех нас процесс адаптации в двух его базовых формах. Первая группа докапиталистических адаптационных стратегий является органичным порождением феодально-имперской системы.

Предполагалось, что в постсоветский период модернизационные процессы в сфере экономики – процессы самоорганизации, проявления личностного активизма – должны были создать конкурентный рынок, многим российским и западным экономистам, действующим политикам казалось, что снятие тотального государственного регулирования вызовет значительную волну частной инициативы, предприимчивости, создание большого числа новых капиталистических предприятий. Так, А. Ослунд, эксперт по странам социалистического блока, консультировавший правительства ряда стран СНГ в 90-е годы XX века, в начале реформ говорил о том, что «в России возникнут миллионы предприятий уже в первый год свободы предпринимательства и свободных цен»⁵²³. Практика показала, что эти надежды были излишне оптимистичными, поскольку капиталистический потенциал российского социума был значительно переоценен, причем наиболее существенно в отношении его славянской части.

Следствием проводимой в течение советского и отчасти досоветского периодов нашей истории государственной политики стало формирование устойчивого психологического комплекса неверия в собственные силы вообще и в экономическую дееспособность в частности, жизнь с постоянной оглядкой на государство у части населения России и, прежде всего, у представителей бывшей советской интеллигенции. В начале постсоветских реформ значительная часть российского социума по-прежнему ожидала экономической поддержки, преференций со стороны государства, по разным причинам была не в состоянии исполнять роль самостоятельного экономического субъекта.

Ошибка в оценках А. Ослунда и многих других политиков и экономистов была обусловлена обстоятельством, давно отмеченным русским экономистом и богословом С. Н. Булгаковым: «Человек представляет собой, конечно, не экономический автомат, приводимый в движение одной пружиной хозяйственного эгоизма и действующий с неумолимой прямолинейностью и безошибочной точностью, но конкретный духовный тип со всей сложностью и многообразием психологической мотивации. Религия, господствующее мировоззрение кладет свою определенную печать и на „экономического человека“. В душе человеческой устанавливается внутренняя связь между религией и хозяйственной

⁵²²По ряду причин мы не склонны в рамках нашего дискурса вдаваться в детальное рассмотрение этих ограничений, отметим лишь их позитивную роль в формировании, воспроизводстве и защите формирующейся либеральной системы.

⁵²³Цит. по: Аллард Э. Сомнительные достоинства концепции модернизации // Социс. М., 2002. №8. С.67.

деятельностью»⁵²⁴. Вспомним удивление Л. Н. Толстого, который говорил о том, что «меня давно уже поражало то удивительное, утвердившееся особенно в Западной Европе, мнение, что труд есть что-то вроде добродетели»⁵²⁵. В рамках этой традиционалистской ценностно-нормативной системы труд не является добродетелью, человек должен искать не богатства, поскольку – «богатство нажать – в аду быть»⁵²⁶, но служить великому идеократическому проекту в его религиозных или светских формах.

В своих мемуарах С. Ю. Витте вспоминал атмосферу, характерную для русского образованного общества в 70-е годы XIX века, когда над всем довлел «дух известной ненависти к лицам, которые по своему положению или материальному достатку выдаются из ряда средних людей... это настроение царило во всем интеллигентном либеральном слое»⁵²⁷. Это настроение устойчиво, его воспроизводство вполне конвенционально в рамках отечественной социокультурной традиции. Оно присутствовало и в более давней истории России, вырываясь наружу в крестьянских, казачьих бунтах Разина, Пугачева, Болотникова, огромном количестве более мелких волнений, получив свое законченное воплощение в первые десятилетия советской власти в СССР. И сегодня, в постсоветский период нашей истории, господствующим в обществе стал человек, который достаточно негативно относится к независимым и инициативным буржуа, социально успешным людям вообще.

В художественной форме это мироощущение гротескно, но оттого более убедительно, выразил М. А. Булгаков в «Собачьем сердце». Бывшая симпатичная дворянка, ставшая человеком по воле научного, по своей сути западного, «ургийного» (сотворенного трудом), подхода к жизни, поет хором революционные песни, играет на балалайке и всю сложность мироустройства снимает простейшим рецептом: «Да что тут предлагать... А то пишут, пишут... конгресс, немцы какие-то... голова пухнет! Взять все да и поделить...»⁵²⁸.

А как же в таком случае быть с удовлетворением самых насущных, первичных потребностей? Остается надеяться на то, что хлеб насущный появится в результате этого раздела чужого («ничейного») имущества как бы сам собой либо о нем (о хлебе) позаботятся либо праведная власть от Должного, либо его величество счастливый случай и чудо вообще. Эти желания можно в краткой форме выразить фразой из сказки «По щучьему велению, по моему хотению». Отсюда и любовь к финансовым пирамидам типа «МММ», «Полю чудес», иным играм на деньги, подспудное ожидание манны небесной, чуда, способного без труда, рациональных повседневных действий в рамках рыночной экономики разом изменить жизнь к лучшему. Схожую природу имеют и периодические всплески интереса к деятельности президента, правительства, Думы: а что они делают для улучшения жизни народа, моей жизни, т. е. не я делаю для себя, а они для меня.

В годы постсоветских реформ неприязнь к людям, выбивающимся из среднего

524Булгаков С. Н. Православие: очерки учения православной церкви. М., 1991. С.345.

525Толстой Л. Н. Неделание: Сочинения графа Л. Н. Толстого. Часть 13. Произведения последних годов. М.: Типолиитография Высочайше утвержденного Т-ва И. Н. Кушнарев и к., 1894. С.810.

526Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 328.

527Цит. по: Койвисто М. Русская идея / Пер. с фин. Ю. С. Дерябина. М.: Весь Мир, 2002. С. 145-146.

528Булгаков М.А. Собачье сердце // Собрание сочинений: В 5 т. Т.2. Дьяволиада; Роковые яйца; Собачье сердце; Рассказы; Фельетоны / Редкол.: Г. Гоц, А. Караганов, В. Лакшин и др.; Подгот. текста и коммент. В. Гудковой и Л.Фиалковой. М.: Худож. лит., 1989. С. 183.

ряда, проявилась, как некий ментальный инвариант, в ненависти к так называемым олигархам⁵²⁹, людям материально успешным, использующим капиталистические формы адаптации к новому качеству социокультурной среды. Уравнительная, склонная к патернализму, высокому уровню перераспределения ментальность российского общества за последние годы изменилась далеко не так значительно, как внешние социокультурные декорации человеческой жизни. Она проявляется и как общий фон событийного ряда, так и в отдельных, знаковых событиях, шокирующих проявлением архаики.

Так, осенью 2003 года председатель Союза промышленников и предпринимателей А. И. Вольский изложил свое видение проблемы взаимоотношений власти и бизнеса: «Взаимоотношения с властью надо решать путем переговоров, явных и тайных». А чтобы проблемы не возникали вновь, «игра должна вестись по правилам». И пояснил: «Правила – это специфическое русское выражение и имеет более широкий смысл, чем закон». Сам господин А. И. Вольский согласен с тем, чтобы предприниматели оплатили свою свободу, например, помогая власти «бороться с бедностью» или договорившись увеличить «какие-то специфические налоги на доходные отрасли»⁵³⁰. Приходится признать, что в сегодняшней реформаторской России сила по-прежнему не в законе, а в архаической народной Правде (Совести), воспринимающей капиталистические отношения как измену этой самой Правде (Совести), отход от справедливости и идеала равенства, понимаемого как уравнение в бедности. Ведь уравнение в богатстве заведомо невозможно.

Кроме того, новый российский бизнес вызывает отторжение со стороны российской власти на персональном, интуитивном уровне. У него целый букет недостатков: мало того, что его представляют люди «в очках и галстуках», но они еще часто и неарийского происхождения, позволяют себе при этом не любить империю, предпочитая интеграцию России в мировые/европейские структуры. У нас мало что меняется, во время Первой мировой войны известный русский психиатр профессор П. И. Ковалевский опубликовал книгу «Психология русской нации», в которой, в частности, говорится: «В последнее время и у нас в России выдвигается новое вредное начало – капитал... Для банковских деятелей, спекулянтов, кулаков, составителей синдикатов нет ни нации, ни родины, ни государства. Для них – только капитал. Для капитала нет ни чести, ни гордости, ни блага нации. Капитал интернационален и космополитичен (курсив наш. – С. Г.)»⁵³¹.

Вот эта традиция подозрительности в отношении людей дела, навешивания на них всех и всяческих ярлыков продолжается и сегодня. Вот кулаков, правда, не осталось, всех их под корень, чуть ли не до седьмого колена за годы советской власти вывели тогдашние патриоты-государственники, а появившиеся в постсоветской жизни фермеры слишком малочисленны и слабы как для того, чтобы поднять сельское хозяйство, так и для того, чтобы неоимперская власть навесила на них ярлыки сельских мироедов-захребетников и безродных космополитов в одном лице.

Но если власть на таком, глубинном, ментальном уровне не воспринимает российских бизнесменов, прежде всего крупных, то это для нее еще один, и очень веский аргумент в пользу перераспределения собственности от частного бизнеса к государству или, по меньшей мере, передачи ее от социально/ментально и антропологически далеких бизнесменов к более близким. Все более явственно

529Отметим, что перенесение восходящего к античности политологического термина «олигархия» на всю без разбора крупную буржуазию, утвердившееся в современном публицистическом употреблении, нам представляется некорректным.

530Цит. по: Нетреба П. Аркадий Вольский ушел с правового поля // Коммерсант. - 2003, № 134. С. 2.

531Цит. по: Гросул В. Я. История России: распады и воссоединения // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М.: Наука, 1999. С. 150.

проявляется тенденция к рассмотрению хозяйственных новаций 90-х годов XX века лишь как «формы, технологии и способы, которые преобразуют устаревшие институты раздаточной экономики в новые, адекватные материально-технологической среде и потребностям общества»⁵³². Происходящая сегодня подготовка нового этапа масштабного перераспределения всех видов ресурсов от сильных и относительно независимых (бизнес-сообщество) к государственной бюрократии укладывается в рамки концепции о доминировании в стране раздаточной экономики.

В 90-е годы прошлого века в российской экономике наблюдалось беспрецедентное использование натурального обмена, взаимозачета, т. е. реципрокной торговли⁵³³. Развитие натуральных форм товарообмена было обусловлено не только ситуативной реакцией экономического организма на сокращение государственного заказа и относительное сжатие денежной массы, но и практическим, вещественным выражением коллективного бессознательного, народной правды, получившей возможность зримого хозяйственного воплощения.

Джордж Фостер, изучавший так называемые культуры бедности, заметил, что для людей, «живущих в условиях более или менее всеобщей бедности, все блага, все хорошее, что есть в жизни, представляется своеобразной замкнутой системой, ресурсом, количество которого ограничено для данной группы. Соответственно, если кто-то один из группы получает очевидное преимущество, это неизбежно происходит за счет других участников коллектива»⁵³⁴. Российская феодально-имперская Власть столетиями культивировала в стране культуру бедности, ведь бедными и привычнее и легче управлять, они не будут «беситься с жиру», то есть иметь мнение, отличное от позиции власти, и вряд ли будут его отстаивать. Советский период с его очередями, бараками для рабочих и зеков, товарными вагонами для перевозки целинников⁵³⁵ и призывников был лишь последним впечатляющим этапом этого большого пути.

В течение столетий в стране происходил негативный личностный отбор, когда наиболее сильные и независимые отбраковывались, в лучшем случае попадая в эмиграцию, укрепляя своим трудом и интеллектом иноземные державы, но, как правило, уничтожались физически в своем отечестве, что неизбежно вело и ведет как к ухудшению качества российского социума, уменьшению его жизненных возможностей, так и к прямой депопуляции.

Сегодня эта селекция уже произошла, явившись результатом длительного исторического негативного отбора, когда из общества изымался, отторгался или изолировался человек, поднявшийся значительно выше уровня своего окружения. В полдень сталинской эпохи подобное выравнивание под уровень среднего и ниже проявлялось в буквальном смысле, в трагическом изъятии из общества относительно высоких людей, в отношении которых Вождь мог испытывать определенный психологический дискомфорт. На многочисленных партхозактивах эпохи преобладали люди среднего роста, о чем писал И. Г. Эренбург в своих воспоминаниях «Люди. Годы. Жизнь», положение изменилось лишь в 60-е годы прошлого века.

Либеральные реформы 90-х годов XX века были разительным исключением из этого правила, сильные получили возможность свободного развития, создания

532Бессонова О. Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск: Изд-во ИЭ и ОПП СО РАН, 1997. С. 66-68.

533Термин был введен испанским ученым Б. де Уллоа в 1740 году.

534Утехин И. Доля, справедливость и благодать общения. Из очерков коммунального быта // Знание – сила. 2001. №11. С.50-63.

535На новоязе той эпохи «участников освоения целинных и залежных земель» в разных регионах страны, но прежде всего в Казахской ССР.

своего дела, достижения не только экономического, но и социального успеха. «В середине 90-х годов их было примерно 20-23 % с некоторой тенденцией к сокращению»⁵³⁶.

Но слабым оказалось значительно больше, что и неудивительно после столь длительного периода негативного личностного отбора. Докапиталистическая (натуральная) форма ведения семейного хозяйства оказалась массово востребованной в постсоветский период «крестьяне (да и не только крестьяне. – С.Г.) развили в себе виртуозные способности к выживанию, к противостоянию обстоятельствам и вызовам судьбы. Эти способности бесценны именно в экстремальных условиях, когда семейная экономика вынуждена развернуться на самое себя, замкнуться в кругу родственных социально-экономических структур, стремительно нарастить сеть горизонтальных, стихийно-кооперативных связей с родственниками и односельчанами. Эти способности буквально из ничего сотворили сегодня некую самодельную гарантийно-страховую систему, цель которой – физическое и социальное выживание»⁵³⁷.

Значительная часть общества обратилась к докапиталистическим технологиям выживания, когда во имя гарантированного сохранения минимума ресурсов, необходимых для простого биологического воспроизводства жизни, отвергаются более рискованные, инновационные модели поведения. В постсоветский период до 70-80 % наших соотечественников выбрали модель адаптации к реформам, которая находится за рамками капиталистической рыночной экономики, до предела уменьшив потребляемый пакет товаров и услуг, перейдя к натуральным формам самообеспечения⁵³⁸.

Народ безмолвствует, в большинстве случаев выбирая пассивные, «претерпевающие» адаптационные стратегии. В России, в отличие от стран СНГ, не получила широкого распространения трудовая иммиграция, за исключением интеграции в мировой (западный) рынок наиболее квалифицированной части работников. Классическим примером в этом отношении может служить трудовая иммиграция российских программистов, получивших хорошую естественнонаучную подготовку ученых, инженеров и т. п. В то же время процессы деиндустриализации, разрушения колхозной системы, сопровождающиеся освобождением массы менее квалифицированных работников, не привели к сколь-нибудь значимой трудовой иммиграции индустриальных и сельскохозяйственных рабочих.

Апостериорно, на основании практики постсоветского десятилетия, можно говорить о том, что практическое использование традиционных в рамках социокультурной традиции моделей поведения, норм и ценностей показало свою неэффективность в условиях трансформирующейся России.

Но из-за того, «что волны вестернизации идут неравномерно, рывками, наша модернизация протекает уродливо: значительная часть выпавших из общинно-государственной системы индивидов не связывается рыночной и гражданской связью, а превращается в „перекати-поле“, оставаясь по сути элементами старой распределительной (но уже не жестко регламентированной, а хаотизированной)

536Римашевская Н. М. Две России – социальная поляризация постсоветского общества // Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России / Музей и общественный центр им. Андрея Сахарова. Серия «Теоретические проблемы прав человека». Выпуск 3. М.: Референдум. С.45.

537Виноградский В. Орудия слабых: технология и социальная логика крестьянской семейной экономики // Знание – сила, 2000. № 7 (877). С. 70.

538Козырева П. М., Герасимова С. Б., Киселева И. П., Назимова А. Э. Динамика социального самочувствия россиян // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А.Ядова. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С.253.

системы»⁵³⁹. Этот господствующий в обществе тип не нуждался более в искусственной селекции со стороны Власти, он находится сегодня в режиме самовоспроизводства, но воспроизводится в убывающих размерах, причем эта «естественная» убыль населения составляет сегодня порядка 800 тысяч - миллиона человек в год. Можно навязать человеку какие угодно жизненные стандарты, но нельзя силой заставить его жить. Имперские идеалы в их сегодняшнем фарсовом виде для носителя традиционного сознания – это не то, ради чего стоит жить. Должное – умерло, но массовый российский человек пока не получает возможности к укоренению и жизненной экспансии и в мире Сущего. Об этом свидетельствует и печальная статистика алкоголизма, наркомании, психических расстройств.

Различные проявления девиантного поведения базируются на множестве различных социокультурных факторов, но все они подводятся к общему знаменателю, имя которому – безысходность: «Исследования привели ученых к парадоксальным выводам. При внешнем благополучии и определенном экономическом росте в России реальный человеческий потенциал стремительно деградирует»⁵⁴⁰. Иными словами, в масштабах страны не удается запустить механизм горизонтального, материального развития, поэтому достижение успеха в обществе потребления не стало пока достижимым смысло-жизненным проектом для основной массы населения России.

Но не все в России выглядит так мрачно. В постсоветский период оформилась основанная на индивидуализме и капиталистических формах активности альтернативная адаптационная стратегия. «Мотивационная („достиженческая“) активность выступает предпосылкой стратегии жизненного успеха, которая рассчитана на общественное признание и получение какой-либо выгоды... Она основана на потребностях личности в признании и самоуважении... Это – стратегия активизма и символических ценностей»⁵⁴¹. У воспринявших ценности модерности россиян произошло перемещение индивидуальных достижительных мотиваций на уровень «глубинных базовых представлений, символов и ценностей, которыми люди руководствуются в своем повседневном хозяйственном поведении»⁵⁴².

Эффективные методы экономической активности проявляет более образованная часть общества, в значительной мере совпадающая в своих границах с формирующимся российским средним классом. Результаты социологического исследования «Стиль жизни среднего класса», проведенного журналом «Эксперт» и компанией «Циркон», показывают, что российский средний класс более чем наполовину состоит из граждан с высшим образованием. Более высокий уровень доходов, социального престижа, властных позиций, чем в целом по стране, является следствием более высокой профессиональной квалификации, ее востребованности на свободном рынке труда. «Образовательный уровень предпринимателей (речь идет о крупных предпринимателях. – С.Г.) в 2001 году стал еще выше: 96,9% закончили один вуз, 13,4 % – более одного вуза. Чаще всего второе высшее образование является юридическим или экономическим»⁵⁴³.

539 Кара-Мурза А. А. Сотворение России. Лабиринты национального самосознания // Между «Империей» и «Смутой». Избранная социально-философская публицистика. М.: ИФРАН, 1996. С.51-66.

540 Власова О. Без воли к жизни // Эксперт. 2003. № 46. С. 93.

541 Резник Ю. М., Смирнов Е. А. Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа). М.: Институт человека РАН, Независимый институт гражданского общества, 2002. С. 173.

542 Балабанова Е. С. Особенности российской экономической ментально-сти // Мир России. М., 2001. Том X. №3. С.67.

543 Крыштановская О. В. Бизнес-элиты и олигархи: итоги десятилетия // Мир России. М., 2002. Том XI. №4. С.41.

Использование эффективных адаптационных стратегий, предполагающих, прежде всего, интеграцию в капиталистическую экономику, как и в случае традиционной адаптации, определяется ценностными предпочтениями личности. «Базовыми ценностями средних русских являются свобода, воля, энергия и самодисциплина. Чем выше выраженность этих ценностей, тем ближе к вершине социальной пирамиды. Альтернативными ценностями, теми, от которых они ушли, являются мораль, нравственность прежнего советского образца и принадлежность к коллективу»⁵⁴⁴.

В повседневную жизнь постепенно входят новые ценности, целевые установки, утверждаются новые жизненные практики и модели поведения. Для российского человека всегда важны были зависимость от внешней оценки, т. е. экстрообраза личности, нежелание выделяться из общей массы, выраженное в сентенциях типа: «Я такой, как все. От меня ничего не зависит» и т. д. Этатистское воспитание чувства зависимости от социума, властных структур начиналось в процессе первичной социализации и инкультурации личности, продолжаясь всю ее последующую жизнь. Окончание XX века в России ознаменовалось изменением практики социализации и инкультурации личности, модели достижения успеха. В первое постсоветское десятилетие все большее количество россиян использовало новый механизм социокультурной легитимации успеха, наметился переход от преобладающего усвоения общинных, коммунитарных ценностей к ценностям индивидуализма.

Около 20 % россиян выбрали стратегию активных действий, т. е. открыли собственное дело, прошли курс профессионального переобучения, использовали свои профессиональные навыки в тех регионах России и странах мира, где они более востребованы⁵⁴⁵. Согласно либеральной парадигме, личность имеет собственные, отличные от интересов группы, интересы. Посредством активной автономной деятельности индивид способен сам отстаивать эти интересы наиболее эффективным образом.

Энтони Гидденс полагает, что человек, склонный к культивируемому риску, способен усматривать непредсказуемую игру случая в обстоятельствах, которые воспринимаются другими людьми как стереотипные, не требующие творческой интерпретации. Возникающие инновации расширяют границы социально приемлемых жизненных практик. Отсутствие божественной предопределенности, стохастический фактор случайности «открывает» жизненную ситуацию, делает ее амбивалентной, способной разрешиться в результате творческой акции. В этом контексте культивируемый риск коррелирует с ценностными установками общественного сознания эпохи модерна. Это стратегия опоры на собственные силы личности, ее интеллект, возможность рационального жизненного выбора, поскольку «в наши дни рискованность не является делом выбора; это сама судьба (курсив наш. – С.Г.)»⁵⁴⁶.

Сегодня принадлежность к среднему классу прежде всего определяется использованием позитивных (буржуазных) адаптационных жизненных стратегий, в максимальной степени соответствующих реалиям постсоветской жизни. Эти позитивные модели адаптации используются, преимущественно, представителями российского среднего класса.

Несмотря на относительно небольшой удельный вес среднего класса в составе российского общества в целом, социальная поддержка либеральных

544 Гурова Т. Дети поражения // Эксперт. 2001. №23 (283). С.61.

545 Козырева П. М., Герасимова С. Б., Киселева И. П., Назимова А. Э. Динамика социального самочувствия россиян // Россия: трансформирующееся общество / Под редакцией В.А.Ядова. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. С.253.

546 Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л.Иноземцева. М.: Логос, 2002. С. 194.

модернизационных трансформаций постсоветского периода не совпадает с его границами – она шире. В 1996-2000 годах (за исключением нескольких месяцев после августовского кризиса 1998 года) среди опрошенных социологами россиян число людей, считавших необходимым продолжение рыночных реформ, превышало число желающих их прекращения. Эти люди составляют относительное большинство в современной России.

Около трети взрослого населения выступают фактически за модернизацию⁵⁴⁷. Естественно, что ряд исследователей придерживаются менее оптимистического взгляда на характер, эффективность и наличие социального макросубъекта российских реформ. Так, Т. И. Заславская отмечает, что «...в стране еще не сформировался социальный макросубъект, не только заинтересованный в завершении демократических реформ, но и достаточно интегрированный и мощный, чтобы решить эту задачу практически»⁵⁴⁸.

Тем не менее мы полагаем, что при сохранении относительно благоприятных внешних условий, в частности, обусловленных конъюнктурой товарно-сырьевых рынков, налоговым режимом, время работает на формирование такого макросоциального субъекта, заинтересованного в продолжении трансформационных процессов в рамках либеральной модели модернизации. Это наиболее сильная, молодая, образованная, использующая рациональные жизненные стратегии и обладающая позитивными жизненными мотивациями часть общества. Это русские «яппи»⁵⁴⁹ середины-конца 90-х годов XX века, люди, которых невозможно будет использовать для осуществления очередного идеократического проекта.

Формируется макросубъект, заинтересованный в европеизации России, движении в направлении институциональной интеграции в международные и, в частности, европейские экономические, политические, военные структуры. Именно интеграция в структуры единой Европы может закрепить статус либеральной модели модернизации и, соответственно, альтернативной либеральной социокультурной системы в качестве доминантной.

Средний класс динамично развивается, так, за три года исследований, проводимых под эгидой журнала «Эксперт», он вырос «с 14 до 25 % от общей численности населения страны»⁵⁵⁰, его, с достаточной степенью условности, можно подразделить на верхний, средний и нижний⁵⁵¹. Согласно используемой методике исследования, принадлежность к определенному слою среднего класса определяется уровнем ежемесячных доходов на члена семьи.

Российский средний класс постепенно перестает быть «вещью в себе», определяются его предпочтения в сфере норм и ценностей, в том числе отношение к коллективизму и индивидуализму, политическим партиям и т. д. Об этом

547 Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. С. 28.

548 Заславская Т. И. Социокультурный аспект трансформации российского общества // Социс, 2001. №8. С. 10.

549 Здесь у автора возникают ассоциации, связывающие эту генерацию 90-х с героями романа В. П. Аксенова «Остров Крым», сыновьями и внуками русских белогвардейцев, ставших со временем русскими европейцами-космополитами. Та же внутренняя сила, сдержанность, при отсутствии любви к СССР и левым политическим идеям. Это уже не быдло, эти люди – реальная заявка на формирование в стране гражданского общества, внутреннего ограничителя для волюнтаристской политики неоимперской власти.

550 Архангельская Н. И это все о нем // Эксперт. 2003. №25 (379). С.50-51.

551 О внутренней стратификации среднего класса см: Гидденс Э. Социология / Пер. с англ. В. Малашенко, Е. Крюкова и др.; Научн. ред. В. А. Ядов. М.: УРСС, 1999. С.208-210.

свидетельствуют результаты социологических исследований. Так, осенью 2002 года силами журнала «Эксперт» и компании «Циркон» было проведено исследование «Политические предпочтения среднего класса». Мы приведем некоторые цифровые показатели уровня среднедушевых доходов различных групп среднего класса, которые во многом коррелируют с его ценностными ориентациями и идеологическими предпочтениями.

Итак, начнем. Менее доходные группы среднего класса (нижний средний класс) в большей мере склонны следовать российской социокультурной традиции, для них значимы такие ценности как коллективизм, социальная справедливость, их представители в большей мере тяготеют к левой части политического спектра. В состав этой, наиболее многочисленной группы, составляющей порядка 60 % от общего количества российского среднего класса, входят российские граждане с ежемесячным доходом на человека в семье порядка 150-250 долл. США⁵⁵². Эта группа, как правило, представлена рядовыми клерками частных компаний и государственных структур, менеджерами нижнего уровня управления.

Более доходные группы предпочитают индивидуалистические ценности, проявляют готовность к риску, личному выбору, тяготея, по преимуществу, к правой части российского политического спектра. В эту, наименее многочисленную группу среднего класса, составляющую примерно 12 %, вошли граждане, чей ежемесячный доход на человека в семье превышает сумму, эквивалентную 400 долл. США. Высший средний класс состоит из топ менеджеров крупных и средних компаний, владельцев мелких фирм, специалистов высокой квалификации.

Между верхним и нижним находится группа «среднего» среднего класса, уровень доходов которой находится в диапазоне от 250 до 400 долл. США. По своим ценностным ориентациям представители этой группы во многом тяготеют к позициям, занимаемым большинством верхнего среднего класса, что, по всей вероятности, обусловлено большим историческим и личностным оптимизмом, верой в свои силы. Эта группа составляет порядка 28 % от общей численности среднего класса.

Нижний средний класс является активным сторонником социальной справедливости, уравнительности в социокультурной сфере жизни общества, что проявляется в желании государственного патернализма, сокращении разрыва между наиболее и наименее обеспеченными группами населения. Для него важна активная политика государства в вопросах занятости, его участие во взаимоотношениях труда и капитала, что дополняется относительно высокой поддержкой тезиса о перераспределении, национализации собственности, полученной нечестным путем. За пересмотр итогов приватизации в этой группе респондентов высказались порядка 27 % опрошенных, против 16% в группе верхнего среднего класса. Согласно взглядам, разделяемым большинством нижнего среднего класса, государство должно играть активную роль в управлении экономикой, в решении конфликтов между трудом и капиталом. В то же время следует отметить высокий уровень приверженности демократическим ценностям, который декларирует рассматриваемая группа респондентов, представляющая нижний средний класс. Авторы исследования полагают, что нижний средний класс представляет собой электоральную основу для развития российской социал-демократии⁵⁵³. У нижнего среднего класса несколько обостренное чувство социальной справедливости, поэтому, на наш взгляд, его часть вполне может променять гражданские свободы на «государственную справедливость» по феодально-имперскому образцу.

⁵⁵²Заметим, что эти уровни дохода приводятся по России в целом, без учета Москвы, где сумма ежемесячного дохода, позволяющая причислить человека к какой-либо группе среднего класса, должна быть значительно выше.

⁵⁵³Гурова Т. Инструкция по эксплуатации избирателя // Эксперт. 2003. №7.С.62-66.

Верхний средний класс по ряду позиций придерживается иного взгляда, чем их коллеги из менее доходных групп среднего класса. Согласно преобладающей в этой среде точке зрения, государство должно окончательно отказаться от традиционной политики патернализма в отношении как общества в целом, так и бизнес-сообщества в особенности. Верхний средний класс поддерживает концепцию либеральной экономики, выступает против передела собственности, ему скорее нужно государство, выполняющее функции партнера, но не опекуна. Это люди не сирые и убогие, но равные и достойные.

Иными словами, верхняя группа российского среднего класса уверена в своих силах, выступая за самоопределение, развитие, эмансипацию личности, способную самостоятельно решить свои основные жизненные проблемы⁵⁵⁴. Эти взгляды во многом совпадают с классической либеральной традицией, согласно которой правительство создается свободными гражданами для защиты конституционных прав, этой функцией государство и должно ограничиваться. Согласно либеральной концепции личности, поскольку не существует объективных (научных) методов, позволяющих определять за индивида его предпочтения, то индивиды должны сами решать, что правильно и что ложно, достигая максимальной полезности и эффективности в различных сферах деятельности⁵⁵⁵. «Отличительной особенностью их системы взглядов (верхнего среднего класса. – С.Г.) является признание высокой ценности независимости, воли, энергии и самодисциплины. По-видимому, опираясь именно на эти ресурсы, им удалось добиться того, чего они добились»⁵⁵⁶.

Как верхний средний класс, так и тяготеющая к нему средняя часть составляют потенциальную электоральную базу правых партий. Нижний средний класс ориентирован в большей мере на социал-демократические ценности. Это создает потенциальные возможности для развития двухпартийной демократической системы, вектор развития которой, судя по изменениям ценностных ориентации российского среднего класса, направлен на формирование в России демократической социокультурной системы. Постепенно осознавая себя как социальная группа, имеющая собственные экономические, политические, культурные интересы, верхняя и частично средняя часть формирующегося среднего класса выступает в роли потенциального субъекта либеральной модели российской модернизации.

Рассматривая формы социальной состязательности как культурный феномен, К. Мангейм подразделяет два принципиально различных подхода к жизни. Первый подход предполагает, что человеком движут осознанные цели, он честолюбив и твердо знает, к чему стремится, рационально воспринимает мир и осознает время как некую целостность. «Личность обогащается качествами, необходимыми для экономической борьбы: смелостью, реализмом, способностью анализировать психологию оппонента, неослабным интересом к познанию взаимозависимости явлений, постоянным предвкушением новых возможностей, умением видеть перспективу каждого из достижений в их цепи, жить скорее будущим, нежели настоящим, не удовлетворяться уже достигнутым, настойчиво добиваться новых шансов на успех, полагая, что их реализация важнее, чем то, что уже достигнуто, короче говоря, вечными усилиями „превзойти себя" и неспособностью „владеть существованием"»⁵⁵⁷.

Трудности, препятствия на пути к поставленной цели, временные неудачи не могут

554 Там же.

555 Бьюкенен Д. М. Сочинения. Пер. с англ. Серия: «Нобелевские лауреаты по экономике». Т. 1. Фонд экономической инициативы; Гл. ред. кол.: Нуреев Р. М. и др. М.: Таурис Альфа, 1997. С.454.

556 Гурова Т. Дети поражения // Эксперт №23 (283). 2001. С.66.

остановить такого человека: «Базовыми ценностями средних русских являются свобода, воля, энергия и самодисциплина. Чем выше выраженность этих ценностей, тем ближе к вершине социокультурной пирамиды. Альтернативными ценностями, теми, от которых они ушли, являются мораль, нравственность прежнего советского образца и принадлежность к коллективу (курсив наш. – С.Г.)»⁵⁵⁸

В противоположность первому, активистскому, достижительному типу личности, доминирующему в обществе модерности, второй тип, характерный преимущественно для традиционного/полутрадиционного, в том числе и советского общества, более пассивен, человек этого типа отказался от борьбы за жизненный успех. «Время для него – прерывисто и статично, он весь во власти поверхностных настроений, и его всегда подстерегает риск самоотречения. Этот риск потери самости – источник вечной муки. Если ситуация не меняется путем полной перемены образа жизни, утрата себя становится жизненной целью. Так, утрата собственного Я представляет собой основную черту представления индийцев о Нирване. Христианская мистика отражает стремление к слиянию личности с Христом вплоть до полного растворения во Христе»⁵⁵⁹. Второй тип личности достаточно определенно коррелирует с православной религиозной традицией, получившей весьма своеобразное светское наполнение в советскую эпоху, составляя человеческую основу старой российской феодально-имперской системы.

Итак, мы по возможности кратко рассмотрели две группы базовых жизненных стратегий, использованных нашими соотечественниками в постсоветской России, – буржуазную и добуржуазную. Первая группа жизненных стратегий была преимущественно задействована верхней и средней частью среднего класса, а вторая группа остальной, как мы уже отметили, большей частью российского общества. Это численное соотношение тех и других оказывает самое серьезное воздействие на выбор возможных сценариев будущего развития России.

В этой связи отметим, что протекающая на фоне опасной тенденции архаизации общественного сознания очередная и, по-видимому, последняя новейшая имперская модернизация/реставрация не способна решить свою прямую задачу – восстановить империю. А все более наглядный отказ власти от использования либеральной модели модернизации с неизбежностью приведет к ускорению отставания России по большинству показателей не только от западного мира, но и от не западных стран, стоящих на пути модернизации. В частности, этот отказ приведет и к нарастанию технологического отставания, поскольку на основе имперской модели модернизации, которая, как мы уже показали, основывается на массовом государственном рабстве, в постиндустриальную эпоху добиться технологического паритета со странами евроатлантической цивилизации модерности принципиально невозможно. Для достижения и поддержания этого паритета нужен свободный человек, профессионал, свободно чувствующий себя в своей стране, воспринимающий власть, средства массовой информации, в частности телевидение, без неприятия и аллергии.

Как это ни парадоксально на первый взгляд звучит, – без СПС и Яблока⁵⁶⁰ в парламенте (вот мои партии, и они представляют мои интересы во власти), без

558Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений–состязательность–экономические амбиции / Пер. с англ. Е.Я.Додина. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 146.

559Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений–состязательность–экономические амбиции / Пер. с англ. Е.Я.Додина. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 132-133.

560Это условные названия, в будущем партии, представляющие интересы крупных/средних собственников и либерально настроенной интеллигенции, могут, естественно, называться и по-другому.

свободного выбора относительно свободной газеты за чашкой утреннего кофе – никакого технологического паритета, в том числе и в военной области, в постиндустриальном мире быть не может. Его просто некому будет поддерживать. Свободный и высокопрофессиональный человек найдет себе куда более оплачиваемую работу и большую степень свободы где-нибудь в Лос-Аламосе, а имперский раб, не только за страх, но и за совесть готовый добиваться этого паритета, – его добиться не сможет. Не та эпоха, не та степень внутренней свободы, не тот доступ к информации, а на выходе – не та степень креативности. Все это, в свою очередь, закрывает для России возможность вхождения в постиндустриальный мир и перспективы построения информационного общества – технологическое отставание станет необратимым.

Но не все так печально, очередной роковой для страны выбор сделан еще не до конца, а 90-е годы XX века были по преимуществу временем либеральной модернизации. И все это время шел процесс экономического, отчасти культурного, в том числе политического самоопределения российского среднего класса – фундамента либерального общества. Да, этот процесс шел и идет медленно и тяжело, на субъективном уровне далеко не все представители российского среднего класса разделяют либеральные ценности. Современная городская буржуазия еще малочисленна и далеко не в полной мере сознает свои политические интересы, но в ее среде постепенно вызревает психологическая готовность если не к прямому противостоянию с феодально-имперским государством, то, по крайней мере, к защите своей собственности любыми доступными средствами. Некоторые современные авторы полагают, что этого не было в досоветской России.

Так, отношение имущих россиян к собственности в досоветский период современный российский философ, ученик А. Ф. Лосева, В. В. Бибихин охарактеризовал следующим образом: «Если в России частная собственность так легко, почти без сопротивления, была сметена вихрем социалистических страстей, то только потому, что слишком слаба была вера в правду частной собственности, и сами ограбляемые собственники, негодуя на грабителей по личным мотивам, в глубине души не верили в свое право, не признавали его священности, не чувствовали своей обязанности его защищать, более того, втайне были убеждены в нравственной справедливости последних целей социалистов»⁵⁶¹.

Итак, вполне сознательно полемически заостряя, прокомментируем вышесказанное. Мы полагаем, что частная собственность – священна, поэтому защищать ее необходимо всеми возможными способами и, прежде всего, политическими. Если представители российского бизнес-сообщества в массовом порядке не будут заниматься политической деятельностью, если бизнес-сообщество останется «вещью в себе», – о частной собственности в России очень скоро придется забыть⁵⁶². Вопрос о ее существовании в России, пусть пока и в более мягких формах, стоит точно так же, как и в октябре 1917 года. И перед большими и малыми собственниками стоит тот же самый – трагический вопрос – вы готовы защищать свою собственность, а тем самым и новую Россию? Избавление современного российского собственника от ложной стыдливости и ночных страхов от обладания собственностью – это психологическое, но неперемное условие превращения его собственности в частную в строгом значении этого слова.

Мы полагаем, что в процессе постсоветской модернизации наиболее образованная и обеспеченная часть среднего класса может ускорить закат имперско-феодальной доминантной системы и способствовать формированию новой, альтернативной либерально-демократической системы, способной со временем

561 Бибихин В.В. Свое, собственное // Эксперт. 2003. №22 (376). С.95.

562 Естественно, за исключением булочных, палаток, торгующих ваксой и шнурками и т. п. субъектов хозяйствования.

побороться за доминирующее положение. Либеральная дисистема постепенно распространяет свое влияние на различные сферы жизни общества, хотя саму ее жизнь еще нельзя охарактеризовать иначе как полупатентную. Эволюция и перманентная жизненная экспансия либеральной дисистемы при определенном удачном стечении обстоятельств открывает перед Россией перспективу постепенной либеральной трансформации. Но такой сценарий развития отнюдь не является единственным и неизбежным, вполне возможно и осуществление сценариев, ведущих страну в очередной исторический аппендикс.

Впрочем, есть и возможность достаточно долго избегать любой формы определенности, проводить ситуативную политику «пожарного реагирования», поддержания сегодняшней стабильности по принципу «нам бы день простоять, да ночь продержаться». Данный, пусть и не вполне осознанный, выбор превращает конкретные действия в сфере как внутренней, так и внешней политики в набор взаимоисключающих положений, декларируемых в попытке объять необъятное, вместить весь диапазон возможных будущих решений. Впрочем, в последние годы достаточно явственно наметился выбор в пользу квазиимперского пути развития, который, естественно, требует и совершенно определенной идеологии. Этот путь развития оказывается ближе, роднее, инстинктивнее, воспроизводясь как бы сам собой, обрастая семантикой новых/старых идеологических опосредований. Феодално-имперский выбор будущего России и квазиимперскую власть более или менее осознанно поддерживает и наименее образованная и материально обеспеченная часть среднего класса⁵⁶³.

Тем не менее концептуальный выбор будущего, да и настоящего развития страны окончательно еще не сделан, ситуация развивается по межеумочному, амбивалентному сценарию. Сегодня страна продолжает балансировать в области пересечения имперских и либеральных модернизационных тенденций, но между имперской и либеральной моделями социального развития не может быть сколько-либо длительного и устойчивого компромисса. На эмпирическом уровне, в обществе, разнородные и разнонаправленные тенденции находятся в диффузном состоянии, но стратегическая доминанта развития страны не может быть одновременно направлена в противоположные стороны, рано или поздно исторический выбор делать придется. И чем дольше отягощенная имперскими традициями власть будет этому выбору противиться, тем болезненнее придется за это платить уже в краткосрочной исторической перспективе, поскольку будущего у феодальной империи в современном мире нет. Ввиду известной ограниченности индивидуальной человеческой жизни жаль только, что период без будущего может иногда длиться довольно долго.

Вместо заключения

В 1247 году в Европу из далекого и опасного путешествия в империю Чингизхана вернулся папский посол францисканец Джованни да Плано Карпини⁵⁶⁴ оставивший современникам и потомкам описание увиденной страны, описание, содержащее массу фактографического материала, признаваемого историками вполне

⁵⁶³Как мы уже показали, средний класс неоднороден как в смысле материального достатка, так и в своих ценностных ориентациях и идеологических предпочтениях. А из истории мы знаем, что при определенных условиях (экономический кризис, резкое падение доходов) часть среднего класса вполне может поддерживать фашистские, националистические и национал-социалистические режимы.

⁵⁶⁴См., напр.: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр. / Общ. ред. Ю. Л. Бессмертного; Послесл. А. Я. Гуревича. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. С. 141.

достоверным. Пятая глава книги «О происхождении империи татар и о ее князьях и о власти императора» резко отличается от остального текста изложением фантастических событий, которые, как мы полагаем, своей символикой некоторым образом перекликаются с темой нашей монографии. Согласно Карпини, Чингизхан, стремясь к завоеванию всего мира, запретил своим воинам возвращаться раньше завоевания полной победы, покорения не только ближних и потому культурно близких, но и далеких, варварских народов. Воины Чингиза сражаются, или пытаются сразиться с людьми, которые уже не принадлежат к нашему земному миру, присоединяя к империи пространство хаоса; попытка обретения всемирного господства выталкивает монголов в запредельные сферы. Эта увлекательная притча в то же время и поучительна: автор предрекает скорый крах этой фантастической империи.

Империи не вечны. Мы знаем это, пожалуй, лучше современников тех далеких событий. Постимперское российское государство мучительно пытается свернуть с наезженной веками имперской колеи, и столь же мучительно, конкурируя с неоимперским проектом, пробиваются ростки нового демократического государства. Империя, стремящаяся к всемирному охвату, а именно такой империей был СССР, неизбежно включает в свое тело абсолютно разнородные и потому несовместимые социокультурные элементы, территорию таких цивилизационных антиподов, как Эстония и Таджикистан. Вобрав в себя культурную и, естественно, человеческую всемирность, империя погибает. Смерть старого расчищает пространство для переформатирования основополагающих качеств культурно-цивилизационной системы, на развалинах империи вырастают национальные государства, идущие своей культурно-исторически обусловленной дорогой: кто в Европу, к свободе и демократии, кто в серую зону авторитаризма, насилия, доминирования «спасительных» идеологий: реже светских, чаще религиозных. Здесь кажется уместным вспомнить предостережение русского философа Е. Н. Трубецкого, отметившего опасные тенденции своего времени, достаточно явственно воспроизводящиеся и в дне сегодняшнем: «Громилы, лжеправославные, лжепатриоты, а с ними и новые лжепророки подготовят новый и более страшный, чем теперь, взрыв большевизма»⁵⁶⁵. И речь сегодня скорее идет не столько о возрождении большевизма, сколько об искушении воинствующим национализмом и имперскостью. Да минет нас хотя бы в этот, очередной раз чаша сия. Первый путь куда как светлее, рациональнее и попросту эффективнее. И потому мы искренне надеемся на изменение содержания и целей российской модернизации: модернизация не ради укрепления империи, но ради человека, его земного, повседневного существования, комфорта, сытости, если хотите, буржуазности, более или менее размеренной жизни по европейскому образцу. Ищущие да обрящут; шанс на переход от преимущественно имперской к либеральной модели модернизации сегодня очень невелик, но все проходит так быстро, скоро наступит иная эпоха, а вечно прятаться от истории нельзя.

Р. С. Дождливое лето 2004 года. Книга уже написана, а за окном ломается старая и рождается новая эпоха. Поэтому несколько слов постскрипtum.

Итак. Сценарии развития страны, естественно, различны и столь же естественно не все из них ведут к строительству основанного на либеральных ценностях российского государства, многие из них просто ведут в никуда. И именно в такой, еще не очень запущенной, а значит, поддающейся лечению стадии исполнения очередного/внеочередного сценария развития страны, мы, по всей вероятности, и находимся сегодня. Дальнейшее движение в этом направлении способно привести

⁵⁶⁵Трубецкой Е. Н., князь. Из путевых заметок беженца // Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. Томск: Водолей, 2000. С. 307.

Россию в очередной исторический аппендикс, к вероятности третьего за сто лет цивилизационного срыва, сопровождающегося очередным нарушением культурной преемственности.

После октябрьской революции 1917 года Уинстон Черчилль говорил о том, что Россия затонула у входа в спасительную гавань. Сегодня Россия как никогда приблизилась к гавани европейской жизни, но имперская/неоимперская власть сама, в третий раз (!) за столетие, открывает кингстоны. Три цивилизационных кризиса за сто лет – это симптоматика глубокой болезни социокультурного организма России. Мертвецы хватают живых, Должное уже мертво, но посредством своих отдельных, инерционно существующих и угасающих субдискурсов еще способно к имитационно-фарсовому возрождению.

Во имя агонизирующего Должного сегодня начинает разрушаться фундамент новой постсоветской российской государственности. Нельзя построить устойчивую постсоветскую Россию на новых московских процессах, с учетом сегодняшних исторических реалий, скалькированных с процессов середины – второй половины 30-х годов прошлого века. Если крупнейшие российские бизнесмены не из социально близкой для советской власти уголовной среды, но из среды советской/российской интеллигенции объявляются чуть ли не серийными уголовными убийцами, то почему бы завтра не открыть стенограмму ежовского «публичного» и «правового» процесса и не обвинить сначала их же, а потом и безвестное число малых сих в подготовке к распродаже родины по частям (Дальний Восток – Японии, Украина – в сегодняшних реалиях Кубань – Германии)⁵⁶⁶ и шпионаже в пользу иностранных разведок? Почему бы тогда не спустить на места разнорядку по арестам безродных космополитов, «шпионов» и прочих врагов народа? К сожалению, эти вопросы сегодня из области виртуальных страхов советской/российской интеллигенции переходят в практическую плоскость; как мы уже заметили выше, в России история никого и ничему не учит⁵⁶⁷. Вспомним хрестоматийное: в 30-е годы руководители среднего

⁵⁶⁶См., напр.: Давидюк А. Враги колхозного крестьянства; Лежнев И. Смердяковы; Павленко П. Японский господин Ха или дальневосточный псевдоним Троцкого; Рубинштейн Н. Подлые предатели родины и наемники фашизма // Враги народа (К итогам процесса антисоветского троцкистского центра). М.: Партиздат, 1937.

⁵⁶⁷Впрочем, это не совсем так. Весь постсоветский период наблюдался значительный отток капитала из России, несмотря на то, что в стране долгое время держалась куда более высокая норма прибыли, чем, например, в странах Европейского союза, да и рынки капитала, товаров и услуг были далеки от насыщения. Согласно экономическим законам, бизнес следовало делать в России, и капитал должен был не уходить из страны, но стремиться в нее со всего мира. Закономерный вопрос – почему? В постсоветской России зашкаливали и зашкаливают сегодня риски политические, которые неизбежно проецируются и в сферу экономики. Главной причиной текущего положения вещей является если и не прямое декларированное отрицание права на частную собственность, прежде всего крупную, то рассмотрение ее как третьестепенной по важности, занимающей отдаленные места в принятой иерархии ценностей.

В этой связи у автора возникает субъективная историческая аллюзия – зачем формально национализировать собственность, если возможно передать ее в надежные руки истинных арийцев-государственников, которые будут, по сути, лишь государственными управляющими, обслуживающими интересы власти как в сфере экономики, так и в сфере политики. И если обладание собственностью всегда условно, если ее всегда можно просто отобрать, то кто может прийти в российскую экономику всерьез и надолго? Такая собственность жжет руки, и есть два основных варианта ее «использования». Либо средства выводятся из бизнеса, с последующим его обрушением, либо бизнес-структура несколько улучшается и упорядочивается в

звена⁵⁶⁸ и другие исполнители/свидетели массовых репрессий переживали свои жертвы на год-два, от силы три. Сегодня история повторяется скорее в фарсовой форме, но все же, все же...

Но не все так плохо, есть у сегодняшнего термидора и следствия хорошие. Например, наконец-то возникнет в стране сильная и объединенная наличием общего, так скажем, оппонента правая партия, благо вопрос, против кого дружить будем, ключевой в российском партстроительстве, в общих, а частично и персональных, чертах уже решен. Успешному партстроительству послужит и традиционно сопутствующая термидору известная доля ночного адреналина. Итак, формула новой эпохи, то, что все острее ощущается в воздухе новой российской жизни: меньше бизнеса, какой уж тут бизнес, больше частной жизни и, наверное, политики), благо пока еще есть Интернет, компьютеры со сканерами и принтерами, да порядком подзабытое за 90-е годы старое и надежное радио «Свобода». Занавес поднимается, все мы опять стоим на ветру истории, и снова «Времена не выбирают, /

целях последующей продажи иностранным инвесторам, которые, как кажется, более защищены от отъема собственности. Совершенно естественно, что такое отношение к праву собственности радикально уменьшает вероятность осуществления позитивных сценариев в отношении будущего России и столь же радикально увеличивает вероятность осуществления сценариев негативных. Кроме того, условность собственности неизбежно ведет и к условности демократии вообще, это абсолютно взаимозависимые процессы.

Именно поэтому сотни тысяч (миллионы?) наших наиболее предприимчивых и дальновидных граждан жили и действовали в течение всего постсоветского периода нашей жизни, раз за разом повторяя любимые слова К. С. Станиславского, обращенные к актерам: «Не верю», – то есть вы играете неубедительно. Всем нам говорили, что в стране демократия, многопартийность, торжество частной собственности, а главное, поворота к старому не будет, а они отвечали, – «Не верим!» – и покупали недвижимость в Европе, получали двойное гражданство, в крайнем случае держали на руках авиабилет с открытой датой вылета. Если чему-то и могла научить российского/советского человека вся наша история, – так это «береженого – Бог бережет», и беречься следует прежде всего имперского государства.

К старому возврата не будет, но разве коммунистический режим является единственно возможным историческим аппендиксом, в который может попасть Россия? Есть еще и вполне вероятный тупиковый путь имперского термидора и националистических утопий, угроза радикальных действий власти во имя сохранения/воссоздания империи.

Да, пока мы наблюдаем лишь отдельные тенденции, свидетельствующие о возможности реализации этого сценария в качестве доминантного, да хоронить в очередной раз Россию еще рано, всегда остается затаенная наша надежда – авось пронесет. Мы находимся сейчас в восходящем (повышательном) цикле макроэкономической динамики, крайне высоки цены на нефть и иные сырьевые товары нашего экспорта, – так что пока, вполне возможно, и пронесет. Но как поведет себя власть, обладающая такой ментальностью на нисходящем этапе макроэкономического цикла, – гадать почти не приходится.

Кроме того, эмиграция – это не универсальный выход. Хочется говорить по-русски, жить в приемлемой социальной среде, получать информацию из новостийных выпусков на российском телеканале, да и просто видеть приличные (социально/ментально близкие) лица во власти. И почему, собственно, уезжать должны мы, а не они?

568Как тут не вспомнить «железного наркома» Николая Ивановича Ежова, а еще многих и многих «энтузиастов» из силовых ведомств той эпохи.

В них живут и умирают. / Больше подлости на свете / Нет, чем клянчить и пенять. /
Будто можно те на эти, / Как на рынке поменять»⁵⁶⁹.

=====

© С. Н. Гавров, 2004
© Едиториал УРСС, 2004

⁵⁶⁹Кушнер А. «Времена не выбирают» // Стихотворения / Предисл. Д.С.Лихачева.
Л.: Худ. лит., 1986. С.22-23.